

**ИРКУТСКИЙ ИНСТИТУТ (ФИЛИАЛ)
«ВСЕРОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ЮСТИЦИИ
(РПА МИНЮСТА РОССИИ)»**



**ИРКУТСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ОБЩЕРОССИЙСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
«АССОЦИАЦИЯ ЮРИСТОВ РОССИИ»**



**ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН**

**Материалы IX Международной научно-практической
конференции
г. Иркутск, 16 октября 2020 г.**

**Иркутск
ВГУЮ (РПА Минюста России)
2020**

УДК 34

ББК 67

П 28

Ответственные редакторы: канд. юрид. наук, доцент А. М. Бычкова,
доктор юрид. наук, доцент С.И. Суслова

Рецензенты: доктор юрид. наук, проф. С.В. Пархоменко
доктор юрид. наук, доц. С.Ю. Суменков
доктор юрид. наук, профессор В.В. Чуксина
доктор юрид. наук, доц. У.Б. Филатова

Редакционная коллегия: канд. юрид. наук, канд. экон. наук
Ю. Н. Румянцева, канд. юрид. наук А.В. Бычков, доктор юрид. наук
И.А. Минникес, доктор юрид. наук И.М. Середина, канд. юрид. наук В.Н. Шутова,
канд. юрид. наук И. М. Егоров

П 28 Проблемы современного законодательства России и зарубежных стран: матер. IX Межд. науч.-практ. конф. (г. Иркутск, 16 октября 2020 г.) / отв. ред. А. М. Бычкова, С. И. Суслова. — Т. 2. — Иркутск: Иркутский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2020. — 247 с. — 100 экз. — ISBN 978-5-00094-814-9; 978-5-00094-816-3 (Т.2)

Материалы конференции представляют собой сборник тезисов докладов участников IX Международной научно-практической конференции «Проблемы современного законодательства России и зарубежных стран», проходившей в Иркутском институте (филиале) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) 16 октября 2020 г.

Для научных и практических работников, преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов юридических вузов.

УДК 34
ББК 67

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

<i>Дудина А.Н.</i> К вопросу о телеологическом толковании императивных норм права	5
<i>Качурова Е.С.</i> Правовые основы обеспечения национальной безопасности России на современном этапе	10
<i>Курае Т.Л.</i> Судебные палаты российской империи на страницах памятных книжек	14
<i>Миннигес И.В.</i> Источники семейного права России (X-начало XX вв.)	19
<i>Парфенова Т.А.</i> Дуалистическая монархия: проблемы идентификации (основные тезисы)	24
<i>Пужаев В.В.</i> Французские юристы и вестернизация правовой системы Японии в эпоху Мэйдзи	29
<i>Романенко Н.С.</i> Стадии юридического процесса и стадии применения права: соотношение понятий	34
<i>Сафонов М.А.</i> К вопросу о правовых основах деятельности Нюрнбергского трибунала	38
<i>Синиченко В.В., Ракитский В.В.</i> Эволюция норм права в отношении таможенных правонарушений и роль полиции в преследовании контрабанды в конце XIX – начале XX вв.	44
<i>Станишевская Л.П.</i> К вопросу о процессуальных правах несовершеннолетних в послеоктябрьский период	50

СЕКЦИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО, АДМИНИСТРАТИВНОГО И ИНФОРМАЦИОННОГО ПРАВА

<i>Афанасьева Т.И.</i> Поправки в статью 118 Конституции РФ: итог и ожидания	55
<i>Бычков А.В.</i> Меры ответственности за несоблюдение антикоррупционного законодательства как механизм профилактики коррупционных правонарушений	61
<i>Зубович Е.М.</i> К вопросу цифрового развития предоставления государственных услуг через многофункциональные центры (МФЦ)	68
<i>Кешикова Н.В.</i> Система порядка формирования государственных органов: алгоритм дефинирования, структура, значимость	73
<i>Самусевич А.Г.</i> Проблемы реализации административной ответственности за невыполнение правил поведения при чрезвычайной ситуации или угрозе ее возникновения (ст. 20.6.1 КоАП РФ)	77
<i>Слободчикова С.Н.</i> Правовая природа референдума и общероссийского голосования: компаративный подход	83
<i>Чуркина Л.М.</i> Конфликт конституционных ценностей в практике конституционного суда РФ	87
<i>Шилов Ю.В.</i> Некоторые теоретико-правовые аспекты привлечения к административной и дисциплинарной ответственности сотрудников ФСИН России	93

СЕКЦИЯ УГОЛОВНОГО ПРАВА, УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА И КРИМИНОЛОГИИ

<i>Барсегян С.В.</i> Рецепция или имплементация понятия «ресоциализация лица, подвергнутого наказанию»	98
<i>Бычкова А.М.</i> К вопросу о криминализации пропаганды наркотиков в Российской Федерации: концептуальные замечания к законопроекту № 986128-7	103
<i>Винокуров М.В.</i> Об усилении уголовной ответственности за преступление, предусмотренное статьей 238.1 УК РФ, совершенное с использованием СМИ или информационно-телекоммуникационных сетей	108
<i>Вихляев А.А.</i> К вопросу о совершенствовании системы взаимодействия между уголовно-исполнительными инспекциями и подразделениями участковых уполномоченных полиции по осуществлению индивидуальной профилактической работы с условно осужденными лицами	112

<i>Загайнов В.В., Аверинская С.А.</i> Вопросы правовой оценки гендерного экстремизма в современных условиях	118
<i>Заринов Ш.Р.</i> К вопросу о разграничении хищения и неосновательного обогащения	122
<i>Лайкова Е.А.</i> Проблемы квалификации фиктивной регистрации и фиктивной постановки на учет иностранных граждан по совокупности с должностными преступлениями	126
<i>Никонов П.В.</i> К вопросу об ответственности за получение взятки должностным лицом, когда она по его указанию передается иному физическому или юридическому лицу	131
<i>Пархоменко Д.А.</i> Освобождение от уголовной ответственности: правовые и уголовно-правовые последствия	135
<i>Пархоменко С.В., Воронин А.А.</i> Некоторые аспекты уголовно-правовой регламентации контрабанды (ст. 226 ¹ УК РФ)	140
<i>Пархоменко С.В., Чичёв А.А.</i> К вопросу об определении понятия легализации (отмывания) денежных средств и иного имущества, приобретенных в результате совершения преступления	145
<i>Перетолчин А.П.</i> Уголовно-правовые нормы об ответственности за мошенничество с использованием электронных средств платежа по законодательству Германии	149
<i>Рогова Е.В.</i> Снижение возраста уголовной ответственности: перспективы и реальность	153
<i>Румянцева Ю.Н.</i> К вопросу о положении Российской Федерации в системе международной уголовной юстиции	158
<i>Татарников В.Г.</i> О совершенствовании санкций за преступления коррупционной и корыстной направленности	164
<i>Хазизулин В.Б.</i> Особенности уголовно-правовой характеристики преступлений, связанных с причинением вреда здоровью при оказании медицинских услуг	169
<i>Шиханов В.Н.</i> Иррациональное в уголовном праве: между крахом юридической науки и её новыми горизонтами	175

СЕКЦИЯ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА, КРИМИНАЛИСТИКИ И СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

<i>Бельков В.А., Анисимов А.Г.</i> Отдельные вопросы предупреждения преступлений, осуществляемые при расследовании незаконных рубок лесных насаждений	182
<i>Варнаховская Е.М.</i> Отдельные проблемы российского законодательства в регулировании вопросов подсудности уголовных дел, подлежащих рассмотрению судом с участием присяжных заседателей	187
<i>Воткин В.А.</i> Культурно-этническое своеобразие регионов как фактор, влияющий на формирование методики расследования	192
<i>Егоров И.М.</i> Стратегическое мышление в деятельности следователя	197
<i>Ермакова О.В.</i> Недостатки законодательных конструкций составов хищений	202
<i>Ильина В.А.</i> Лженаучные теории и опасность их влияния на правоприменение	206
<i>Коршунов А.В.</i> Некоторые вопросы участия адвоката по назначению	210
<i>Митюкова М.А.</i> Необходимые доказательства в уголовном процессе	214
<i>Попова Е.И.</i> Типичные судебные ситуации при рассмотрении уголовных дел судом в особом порядке, выделяемые в зависимости от наличия либо отсутствия в уголовном деле потерпевшего	217
<i>Попова И.П.</i> Злоупотребление правами участниками уголовного судопроизводства при ознакомлении с материалами уголовного дела	222
<i>Романова Г.В., Романов В.И.</i> Технологии электронного расследования уголовного дела: особенности современного законодательства России и зарубежных стран	227
<i>Ряполова Я.П.</i> Производство судебной экспертизы до возбуждения уголовного дела: проблемы уголовно-процессуальной регламентации	233
<i>Трубкина О.В.</i> Негативные обстоятельства: особенности выявления в процессе производства следственных действий	239
<i>Шишкина Н.А., Горбачева Е.В.</i> Отдельные аспекты защиты прав несовершеннолетних в процессе расследования уголовных дел	243

УДК 340.1.
ББК 67.022.11

А.Н. Дудина,
*кандидат юридических наук,
Иркутский институт (филиал)
Всероссийского государственного
университета юстиции
(РПА Минюста России)*

К ВОПРОСУ О ТЕЛЕОЛОГИЧЕСКОМ ТОЛКОВАНИИ ИМПЕРАТИВНЫХ НОРМ ПРАВА

Автором исследуются актуальные аспекты толкования норм права, определения характера норм, отграничения императивных норм права от норм диспозитивных. Раскрываются проблемы юридического изложения диспозитивных и императивных норм права в законодательных актах, вопросы толкования правовых норм с выделением особенностей и значения телеологического толкования норм правоприменителем.

Ключевые слова: норма права; императивная норма права; диспозитивная норма права; юридическая техника; телеологическое толкование.

Отнесение нормы права к норме императивной или норме диспозитивной, уяснение ее смысла и правильное применение правовой нормы является важным процессом в правоприменительной сфере.

Приемы юридической техники, используемые на первоначальном этапе – непосредственно при составлении нормативных правовых актов – должны способствовать точному и однозначному изложению норм права, смысл которых при реализации и применении правовых норм можно выявить с помощью их буквального толкования.

Например, в рамках гражданского права принято, используя правила юридической техники изложения правовых норм, разграничивать диспозитивные и императивные нормы, ориентируясь на наличие в норме права определенных оговорок, указывающих на возможность применения нормы в случае, если иное не установлено законом или договором.

Так, в Гражданском кодексе РФ диспозитивность нормы выражена формулой «если иное не предусмотрено договором или соглашением сторон» либо в норме указывается, что стороны вправе или могут совершать определенные действия, отступая от установленного общего правила поведения. На императивность нормы указывают иные внешние атрибуты: «не допускается соглашением сторон», «только», «исключительно», «не вправе», «не допускается», «недействительно», «ничтожно» и т.д. [1, 2].

Подобные формулировки или внешняя атрибутка, указывающие на императивность нормы, содержатся не только в Гражданском кодексе РФ, но и в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях, Трудовом кодексе РФ, Семейном кодексе РФ, Уголовном кодексе РФ, Гражданском процессуальном кодексе РФ, Арбитражном процессуальном кодексе РФ и иных законодательных актах.

Однако, несмотря на представленную технику изложения правовых норм, отграничение императивных норм от норм диспозитивных до сих пор остается важным и сложным вопросом в правоприменительной области в случае отсутствия прямого указания в самом законе на императивность или диспозитивность нормы и отсутствия в норме права каких-либо ориентиров, позволяющих выявить характер правовой нормы. В этом случае характер правовой нормы должен быть определен путем толкования норм права, что нередко ведет к неоднозначному пониманию юридической силы части важных правовых норм и приводит к квалификации судами нормы права как императивной, даже если в норме права содержится фраза «если иное не установлено договором», указывающая на диспозитивный характер правовой нормы.

Важным актом казуального толкования, закрепившим прогрессивные положения в вопросе толкования и применения императивных норм права, стало Постановление Пленума «О свободе договора и ее пределах» от 14 марта 2014 г. № 16 [3].

Главной и существенной идеей постановления стало телеологическое толкование норм как важный способ толкования в определении императивности нормы права наряду с иными способами толкования (буквальное толкование, грамматическое толкование).

Суть телеологического толкования заключается в выявлении целевой направленности нормы права, статьи закона, то есть в определении: для чего принята та или иная правовая норма, на защиту чьих прав и интересов направлена.

По мнению Р. С. Бевзенко, указанное постановление Пленума – это постановление о телеологическом толковании норм права, благодаря которому возможно уяснить замысел законодателя и применить норму в соответствии с этим замыслом. Однако при этом ученый указывает, что в современной юриспруденции телеологическое толкование активно не применяется, а применяются буквальное или грамматическое толкование, поскольку это проще и надежнее [4].

Постановлением Пленума «О свободе договора и ее пределах» от 14 марта 2014 г. № 16 выработаны так называемые «этапы» толкования для определения характера нормы, которые могут быть применены и к диспозитивным нормам, даже если они содержат фразу «если иное не предусмотрено договором». Если в норме права содержится внешние признаки, прямо указывающие на императивность нормы, то норма императивная, если наличествуют признаки диспозитивного характера, то норма диспозитивная. Но в случае отсутствия в норме права четкого указания на ее императивность или диспозитивность, норма права становится неопределенной нормой, характер которой можно определить только с помощью предлагаемых «этапов», способных помочь суду выявить цель нормы права.

Для выявления характера нормы права нужно начать с первого этапа и проверить, направлена ли норма права на защиту слабой стороны в договоре. Например, слабой стороной в договоре выступает потребитель в потребительских сделках (розничная купля-продажа и иные), работник в

трудовых отношениях, контрагент в сделке с монополистом и т.п. Если установлена такая направленность, можно переходить ко второму этапу – проверке на ограждение интересов третьих лиц от злоупотреблений договорной свободой. Если выявлено данное обстоятельство, следует переходить к третьему этапу, суть которого состоит в проверке защиты добрых нравов от проявлений злоупотреблений договорной свободой и в случае наличия такой защиты можно переходить к четвертому этапу, заключающемуся в проверке защиты публичных (общих) интересов. Завершающим этапом является проверка недопустимости искажения существа юридической конструкции, в том числе недопустимость грубого нарушения баланса интересов сторон договора [4].

Если норма права пройдет все этапы проверки от первого до пятого, то правовую норму с неопределенным статусом можно изменить на диспозитивную норму, если на каком-либо этапе проверка приостановится, то норму права можно признать императивной.

Думается, что предложенный способ толкования является прогрессивным, ломающим стереотипы привычного определения императивных и диспозитивных норм, отходящим от четкого следования тексту закона, разрушающим привычный подход советской методологии.

Постановление Пленума «О свободе договора и ее пределах» от 14 марта 2014 г. № 16 закрепило презумпцию диспозитивности норм договорного права, от которой правоприменителю можно будет отступить в сторону императивной квалификации нормы, если теологическое толкование с помощью указанных этапов указывает на ее императивность.

Следует сказать, что не все юридическое сообщество приняло прогрессивные положения постановления Пленума. Сторонники постановления выступают за осуществление судом телеологического толкования, исходя из презумпции диспозитивности нормы и приводят в пример судопроизводство европейских стран. Противники же, напротив, указывают на возможности безграничного судейского усмотрения, произвольности толкования, нарушения баланса интересов, появления судейского правотворчества.

Таким образом, несмотря на всю прогрессивность и важность предложенного телеологического способа толкования норм права, а также учитывая осторожность судейского корпуса, применение данных положений влечет за собой формирование неоднозначной судебной практики, что указывает на сложность предложенных критериев и их недоработанность. Кроме того, применение положений постановления Пленума возможно только в области договорного права, что исключает применение данных положений в иных областях права.

Список использованной литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. №51-ФЗ (ред. от 31 июля 2020 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. №32. Ст. 3301.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 янв. 1996 г. №14-ФЗ (ред. от 27 дек. 2019 г., с изм. от 28 апр. 2020 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. №5. Ст. 410.
3. О свободе договора и ее пределах: постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 14 марта 2014 г. №16 // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2014. № 5.
4. *Бевзенко Р.С.* О свободе договора и ее пределах // URL: https://zakon.ru/blog/2014/4/4/o_svobode_dogovora_i_eyo_predelax (дата обращения 12.09.2020).

Информация об авторе

Дудина Анна Николаевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса. Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (664011, г. Иркутск, ул. Некрасова, 4, e-mail: danna-888@mail.ru)

Е.С. Качурова,
кандидат юридических наук, доцент
Иркутский институт (филиал)
Всероссийского государственного
университета юстиции
(РПА Минюста России)

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Анализируются основные проблемы законодательства в сфере обеспечения национальной безопасности России, а также его значение для создания полноценных условий эффективного функционирования Российской Федерации в современном мире.

Ключевые слова: национальная безопасность; стратегия национальной безопасности; государство.

Содержанием правовой основы обеспечения национальной безопасности в Российской Федерации выступает совокупность согласованных и связанных между собой нормативно правовых актов, базирующихся на конституционных принципах и юридических нормах, направленных на регулирование общественных отношений в сфере обеспечения национальной безопасности государства. Систему правовых основ безопасности Российской Федерации составляют: Конституция РФ, федеральные конституционные и федеральные законы РФ, Указы Президента и иные нормативные правовые акты.

Современные процессы глобализации и регионализации формируют новые условия для возможности эффективной защиты национальных интересов государства, в связи с чем ключевой задачей становится обеспечение национальной безопасности страны.

Актуальные внутренние и внешние угрозы национальной безопасности России требуют не только постоянного анализа и комплексного изучения, но и разработки мощного механизма ее обеспечения.

Важную роль в формировании правовой основы обеспечения национальной безопасности сыграл принятый 5 марта 1992 года Закон «О безопасности»,

который закрепил законодательную основа обеспечения национальной безопасности, систему безопасности и ее функции; определил субъектов, силы и средства обеспечения безопасности, ее принципы; а также разграничил полномочия органов государственной власти в вопросах обеспечения безопасности, установил порядок организации и финансирования сил обеспечения безопасности, контроля и надзора за их деятельностью. Несмотря на то, что в настоящий момент указанный закон утратил силу, его историческая и научная значимость очевидна.

Базовые же принципы и содержание деятельности по обеспечению всех видов безопасности, а также полномочия и функции федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов, органов местного самоуправления в области безопасности, а также статус Совета Безопасности Российской Федерации позже определил Федеральный закон «О безопасности» [1].

Так, согласно данному закону, в содержание деятельности по обеспечению безопасности включены: прогнозирование, выявление, анализ и оценка угроз безопасности; определение основных направлений государственной политики и стратегическое планирование в области обеспечения безопасности.

Отношения, возникающие между участниками стратегического планирования в процессе обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, определены в Федеральном законе «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28 июня 2014 года №172-ФЗ [3]. Указанный федеральный закон содержит информацию о документах в сфере обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, требованиях к их содержанию, порядке их разработки, экспертизы и корректировки. В законе определено, что критерии, показатели и оценка состояния национальной безопасности Российской Федерации определяются и утверждаются Президентом Российской Федерации.

Особое место в системе законодательства в сфере обеспечения национальной безопасности занимают Указы Президента Российской

Федерации. Указы главы государства можно разделить на стратегические и оперативные [4, с. 27–28]. К стратегическим документам, например, относились Указ Президента РФ от 17 декабря 1997 г. №1300 «Об утверждении Концепции национальной безопасности РФ» [5] и Указ Президента от 12 мая 2009 г. №537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» [6]. В настоящее время данные Указы утратили силу в связи с изданием Указа Президента РФ от 31 декабря 2015 г. №683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [7].

Современная «Стратегия национальной безопасности», утвержденная Указом Президента от 31 декабря 2015 г., является базовым документом стратегического планирования, в которой определены национальные интересы и стратегические национальные приоритеты Российской Федерации, цели, задачи и меры в области внутренней и внешней политики, направленные на укрепление национальной безопасности Российской Федерации и обеспечение устойчивого развития страны на долгосрочную перспективу. Она призвана консолидировать усилия федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, институтов гражданского общества по созданию благоприятных внутренних и внешних условий для реализации национальных интересов.

Оперативные Указы Президента Российской Федерации необходимы для эффективного регулирования общих вопросов государственного управления в сфере обеспечения национальной безопасности, в частности вопросов организации и функционирования системы обеспечения национальной безопасности. К таким указам можно отнести Указ Президента Российской Федерации от 28 марта 1998 г. № 294 «Об аппарате Совета Безопасности Российской Федерации» [8], Указ Президента Российской Федерации от 19 мая 2008 г. №815 «О мерах по противодействию коррупции» [9] и др.

Также необходимо отметить потенциал для регулирования правоотношений в области безопасности на региональном и муниципальном уровнях. Здесь важно отметить возможность принятия самостоятельных решений субъектами

Российской Федерации и органами местного самоуправления, которые принимаются исключительно в пределах их компетенции в области безопасности.

Итак, национальная безопасность составляет часть международной безопасности государства, является направленной на обеспечение основных интересов личности и государства концепцией и только актуальная, целостная нормативная правовая основа может обеспечить такую безопасность российскому государству в сложных условиях возрастания новых вызовов и угроз [4].

Список использованной литературы

1. О безопасности: федер. закон РФ от 28 дек. 2010 года №390 (ред. от 9 нояб. 2020 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 1. Ст. 2.
2. О стратегическом планировании в Российской Федерации: федер. закон РФ от 28 июня 2014 г. №172-ФЗ (ред. от 31 июля 2020 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. №26, (часть I). Ст. 3378.
3. *Босхолов С.С.* Основы теории национальной безопасности России: учебное пособие. Часть 1. Иркутск, 2019. 220 с.
4. *Ляхов Е.Г., Ляхов Д.Е.* Безопасность государства и Мирового сообщества: теоретико-правовая формула обеспечения в XXI веке. Челябинск: Цицеро, 2015. 301 с.
5. Об утверждении Концепции национальной безопасности РФ: указ Президента РФ от 17 декабря 1997 г. №1300 (утратил силу) // Российская газета. 1997. 26 дек.
6. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года: указ Президента РФ от 12 мая 2009 г. №537 (утратил силу) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. №20. Ст. 2444.
7. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. №683 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. №1 (часть II). Ст. 212.
8. Об Аппарате Совета Безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 28 марта 1998 г. №294 (ред. от 25 сент. 2004 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. №14. Ст. 1536.
9. О мерах по противодействию коррупции: указ Президента РФ от 19 мая 2008 г. №815 (ред. от 13 мая 2019 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. №21. Ст. 2429.

Информация об авторе

Качурова Елизавета Сергеевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии. Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (664003, г. Иркутск Некрасова,4, e-mail: Kachurova_ls@mail.ru)

УДК 340 [(47)+(51)] (091)
ББК Х2(2)51

Т.Л. Курас,
кандидат исторических наук, доцент
Иркутский государственный университет

СУДЕБНЫЕ ПАЛАТЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НА СТРАНИЦАХ ПАМЯТНЫХ КНИЖЕК

В статье исследуются памятные книжки как источник изучения судебных органов Российской империи второй половины XIX – начала XX вв. Проанализированы количественный и персональный состав должностных лиц указанных органов, их изменения с годами. Выявлены существенные отличия размещения информации о данных органах в памятных книжках различных губерний и областей.

Ключевые слова: памятные книжки; суд; судебная палата.

Ценность для историко-правовой науки имеют памятные книжки как источники изучения Российской империи. Они представляют собой официальные справочные издания, содержащие информацию о данной территории за конкретный год, помогают изучить специфику различных территорий империи, отследить происходившие изменения.

Памятные книжки являются значимыми источниками изучения судебных органов, функционировавших в Российской империи на основании Судебных уставов 1864 г. Данные издания позволяют определить количественный и персональный состав должностных лиц судов, изучить его в динамике. Среди прочего, в памятных книжках размещена интересная информация о служащих судебных палат. Палаты по закону возглавляли судебные округа, на которые была поделена страна. Их возглавлял старший председатель, дела рассматривали члены палаты. При судах состоял прокурор, его товарищи, секретари, их

помощники, приставы, кандидаты на судебные должности и другие.

Информация о судах по-разному излагалась в памятных книжках различных территорий Российской империи. Так, при характеристике судов в некоторых изданиях содержались лишь краткие сведения о составе судей и должностных лиц прокурорского надзора с указанием их фамилии, имени, отчества и чина. В других же размещалась детальная информация обо всех служащих судов.

По закону судебные палаты состояли из гражданского и уголовного департаментов, в них рассматривались соответствующие дела. Число департаментов зависело от количества дел в суде. В силу возрастающей с годами нагрузки судей увеличивалось и число департаментов в палатах. Изучение памятных книжек позволяет выявить, как с годами менялось число департаментов в палатах. Так, в 1899 г. Московская судебная палата состояла из трех департаментов, а к 1904 г. – уже из четырех [1, с. 9; 2, с. 50].

Штаты судебных палат увеличивались по мере существенного возрастания нагрузки судей, значительно превышающей установленные нормы. Министр юстиции отмечал, что члены уголовных департаментов палат успевают надлежащим образом рассматривать около 500 дел в год, в том числе около 100 дел важнейших категорий, члены гражданских департаментов успевают рассматривать не более 150 дел [3, л. 52]. Это число и было принято за норму при решении вопроса о необходимости увеличения штатов палат. Изучение памятных книжек позволяет выявить, как с годами увеличивался количественный состав той или иной судебной палаты. К примеру, в 1872 г. в составе Московской судебной палаты служил 21 член [4, с. 374-377]. В 1904 г. в составе данной палаты работало уже 25 членов [2, с. 51].

При проведении судебной реформы в Российской империи возникала необходимость укомплектования новых судов, туда назначались опытные служащие ранее созданных судебных палат. Кроме того, власть зачастую переводила должностных лиц из одного суда в другой в связи с необходимостью укрепить штат какого-либо суда. Информация о должностных лицах судов, ежегодно размещавшаяся в памятных книжках, позволяет в динамике

проанализировать, помимо прочего, как долго работал данный служащий в конкретном суде, насколько часто перемещались судьи и должностные лица прокуратуры в другие суды и повышались в чине [5, с. 220-221]. Изучение памятных книжек позволяет сделать вывод о частых перемещениях чинов судебных палат. Так, к примеру, в Московской судебной палате за 5 лет – с 1899 по 1904 гг. – обновился весь состав товарищей прокурора палаты [1, с. 9; 2, с. 51]. Отметим, что такая политика самодержавия в отношении кадрового состава осложняла деятельность судов и их служащих, но была вызвана объективной необходимостью.

Интерес представляет размещение в памятных книжках информации, с какого времени лицо находилось в судебном ведомстве и в той или иной должности. Так, изучая состав членов Варшавской палаты, можно увидеть, сколько лет работали ее представители в должности старшего председателя, председателя департамента или члена палаты. К примеру, один из председателей уголовного департамента палаты В.М. Базилевский по данным памятной книжки Варшавского судебного округа на 1915 г. служил в судебном ведомстве с 1875 г., а в данной должности – с 1911 г. [6, с. 3]. Наличие в палатах квалифицированных судебных кадров с большим служебным стажем способствовало стабильной профессиональной работе, позволяло передавать молодому поколению накопленный опыт, заслужить авторитет в судебском сообществе.

Из памятных книжек можно узнать и адреса судов. Большинство палат и соответствующих окружных судов работали по одному адресу. Однако не во всех городах была возможность разместить суды по одному адресу, им приходилось менять место размещения, что осложняло их работу [5, с. 220].

В ряде памятных книжек размещалась информация об адресах служащих палат, изучение позволяет выявить, как часто члены палат меняли их. В среднем должностные лица жили по одному адресу по 3-4 года, но некоторым приходилось почти ежегодно менять место жительства, что осложняло их деятельность. И напротив, отдельные члены палат длительное время проживали

по одному адресу, что помогало им эффективно работать [7, с. 458-459].

При характеристике судов в отдельных памятных книжках содержались и сведения о кандидатах на судебные должности. Данный институт был создан при проведении судебной реформы 1864 г. и способствовал подготовке профессиональных судебных кадров [8, с. 31-34]. Изучение рассматриваемых источников позволяет выявить служащих, которые прошли сложный путь от кандидатов до членов, старших председателей и прокуроров судебных палат. Институт кандидатуры позволял молодым людям, получившим юридическое образование, построить успешную служебную карьеру в судах [7, с. 457-458].

Отдельные памятные книжки содержали сведения о вероисповедании служащих палат, к примеру, такие сведения были в некоторых памятных книжках Виленской и Варшавской губерний. Их изучение позволяет выявить, что большинство должностных лиц палат придерживались православного вероисповедания, порядка 25-30 % – лютеранского и католического [9, с. 64-66; 10, с. 1-3]. Наличие такого числа лиц лютеранского и католического вероисповеданий среди служащих палат указанных губерний объясняется особенностью расположения территорий на западной окраине империи.

Памятные книжки содержали и интересные сведения об общественной деятельности представителей судебных палат. Они участвовали в работе попечительных комитетов о тюрьмах; воспитательно-исправительных ремесленных приютов; российского общества красного креста; общества попечительства лицам, отбывшим наказание, и детям бесприютным и других; помогали учебным заведениям и научным обществам, преподавали правовые дисциплины [11, с. 16-21]. Общественная и педагогическая деятельность представителей судебных палат демонстрировала их активную жизненную позицию, способствовала повышению авторитета судебной власти в обществе.

Таким образом, памятные книжки являются важными источниками изучения судебных палат, созданных в Российской империи в соответствии с Судебными уставами 1864 г. Данные источники позволяют определить количественный и персональный состав служащих судов, проанализировать, как

он менялся с годами, сравнить состав указанных органов на различных территориях страны. Также анализируемые издания позволяют выявить, что должностные лица судов занимались общественной деятельностью, что демонстрировало их активную жизненную позицию.

Список использованной литературы

1. Памятная книжка Московской губернии на 1899 г. М.: Губернская типография. 1899 г. 774 с.
2. Памятная книжка Московской губернии на 1904 г. М.: Губернская типография. 1904 г. 743 с.
3. Объяснительная записка к проекту Министра юстиции об усилении штатов некоторых судебных установлений от 18 февр. 1910 г. // Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 245. Оп. 3. Д. 72.
4. Справочная книжка разных учреждений г. Москвы 1872 г. М.: Типография ведомства Московской городской полиции. 1872 г. 807 с.
5. *Курас Т.Л., Курас С.Л.* Деятельность судебных палат Российской империи и органов тюремного ведомства на страницах памятных книжек // *Власть*. 2020. № 3. С. 219-224.
6. Памятная книжка Варшавского судебного округа на 1915 г. Варшава: Губернская типография, 1915. 224 с.
7. *Курас Т.Л., Курас С.Л.* Памятные книжки Российской империи как историко-правовой документ // *Иркутский историко-экономический ежегодник*: 2020. Иркутск: Изд-во БГУ, 2020. С. 455-462.
8. *Ильина Т.Н.* Кадровое обеспечение судебных учреждений в Российской империи во второй половине XIX – начала XX в.: институт кандидатов на должности по судебному ведомству // *Администратор суда*. 2010. № 2. С. 31-34.
9. Памятная книжка Виленской губернии на 1885 г. Вильна: Губернская типография, 1884. 350 с.
10. Памятная книжка Варшавского судебного округа на 1894 г. Варшава: типография К. Ковалевского, 1894. 178 с.
11. *Курас Т.Л.* Общественная деятельность служащих судебных палат Российской империи (1866-1917 гг.) // *Сибирский юридический вестник*. 2013. № 4. С. 16-22.

Информация об авторе

Курас Татьяна Леонидовна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры судебного права. Юридический институт Иркутского государственного университета (664082, г. Иркутск, ул. Улан-Баторская, 10, e-mail: tanya_kuras@mail.ru)

И.В. Минникес,
доктор юридических наук, профессор
Иркутский институт (филиал)
Всероссийского государственного
университета юстиции
(РПА Минюста России)

ИСТОЧНИКИ СЕМЕЙНОГО ПРАВА РОССИИ (X-НАЧАЛО XX ВВ.)

В статье рассматривается эволюция форм (источников) права, регулировавших брачно-семейные отношения в Российском государстве с IX по XIX век. Установлено, что на протяжении тысячелетнего развития права основными формами правового регулирования семейных отношений были обычаи, религиозные тексты и нормативные правовые акты, однако их система и место в иерархии источников права постоянно варьировались.

Ключевые слова: брачно-семейное право; источники права; история права России.

Становление и развитие института брака и семьи во все времена находилось в поле зрения права, однако его формы, т.е. источники права, существенно менялись с течением времени. В данном исследовании сделана попытка проанализировать – какие подходы характерны для конкретных исторических этапов и как менялось отношение законодателя к вопросу регулирования брачно-семейных отношений.

Прежде чем анализировать непосредственно формы регулирования брачно-семейных отношений, следует оговориться, что термин «брачно-семейное право» в историческом контексте не совсем корректен: брачно-семейного права как такового и, тем более, как самостоятельной системы норм не существовало. На протяжении многих веков нормы, регулирующие семейные отношения, включали религиозные предписания, обычаи, мораль и, в меньшей степени, нормы права. Но даже тогда, когда государство начало активно внедрять свои правовые установления и предписания в сферу семейно-брачных отношений (в XVIII в.), обозначение совокупности этих предписаний как брачно-семейного

права неоправдано. Поэтому следует говорить, скорее, о направлении или сфере правового регулирования, и, соответственно, об источниках права, регулирующих сферу брачно-семейных отношений.

Отправной точкой исследования вопроса об источниках права может послужить период формирования русского государства и права, т.е. IX в.

В древнейший период семейный союз и статус супругов и детей регламентируется прежде всего *обычаями*. Языческий брак целиком и полностью зависит от тех правил, которые сложились на конкретной территории в конкретном племени или племенном союзе. Так, древляне, по выражению летописца Нестора, «жили звериным обычаем, ... и браков у них не бывало», их брачная обрядность допускала насильственную «умычку» невесты; радимичи, вятичи и северяне «имели общий обычай: жили в лесу, ... и браков у них не бывало, но устраивались игрища между селами, и сходились на эти игрища, на пляски и на всякие бесовские песни и здесь умыкали себе жен по сговору с ними; имели же по две и по три жены...»; а вот поляне «...имеют и брачный обычай: не идет зять за невестой, но приводят ее накануне, а на следующий день приносят за нее - что дают...» [1].

С течением времени все большее влияние на сферу семейных отношений оказывают *религиозные тексты*, вводится византийское каноническое право. Однако на первых порах церковь слишком слаба, чтобы диктовать нормы поведения в брачно-семейной сфере, поэтому образуется своеобразный конгломерат языческо-церковных предписаний. Так, сватовство и рукобיתье в процессе языческой покупки невесты были дополнены богомольем, а церковный брак предварялся пропойнами (языческое возлияние богам).

Нормативный правовой акт практически не вмешивается в вопросы семьи, делая незначительные исключения только в контексте статуса ребенка, рожденного вне брака. Кроме того, из-за внедрения новой религии по инициативе государства, церковные нормы поддерживались княжескими актами. В частности, в Уставе Ярослава Владимировича были продублированы основания расторжения брака, пришедшие из византийского права.

Постепенно все важнейшие вопросы семейных отношений переходят в ведение церкви. Начинается активная борьба церкви против языческих обычаев, все еще имевших большое влияние на семейные отношения. Эта борьба целиком поддерживается светскими властями [2]. Княжеские акты и летописные сборники четко указывают, что вопросы брака, развода и доходы от совершения данных действий относятся к сфере церковной. Так, даже если упорствующим в «блуде» (под которым понимается проживание с новой женой при живой первой) заинтересуются «мирские» власти и «казнят», т.е. накажут своим судом, это не отменяет вклада виновника в пользу церкви.

Право XVI-XVII в. характеризуется господством *религиозного текста* как основного источника семейного права. *Обычай и нормативный правовой акт* становятся вспомогательными формами права при регулировании данной сферы отношений.

Особенность данного этапа состоит в том, что важнейшие вопросы семейно-брачных отношений отражены не только в церковных актах, но и в *актах смешанного церковно-светского характера*. Так, брачный возраст, правила вступления в повторные браки и другие проблемы решены в Стоглаве (который, как указано в главе 1 документа, представляет собой «вопросы и ответы мнози о различных церковных чинех, в царствующем граде Москве в царских полатах, от благоверного и боговенчанного царя и государя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси самодержца к отцу его Макарию митрополиту всеа Руси, и ко всему священному собору...» [3, с. 258]) и лишь некоторые – в Соборном Уложении 1649 г.

Правление Петра I выводит на первый план *нормативный правовой акт* как основу упорядочения семейных отношений, а *правовой обычай* и *религиозный текст* играют вспомогательную и дополняющую роль.

Обычай как средство регулирования сферы семейных отношений распространяется на территории с особым национальным составом населения, и в ограниченной степени – на семейные отношения в крестьянской среде. Только

в этих рамках обычай все еще способен играть роль формы регулирования семейных связей.

Установление абсолютизма и, как следствие, устранение от главенства религиозного лидера, вмешательство государства во все сферы жизни подданных возвели на первое место нормативный правовой акт главы государства. Этот процесс отразился и на формах воздействия на семейные отношения. Так, указ 1721 г. позволил православным вступать в брак с неправославными без перемены вероисповедания; согласно указу 1724 г., родители жениха и невесты должны принести присягу о добровольном согласии детей на брак; в 1752 г. Высочайшим повелением были восстановлены браки, расторгнутые из-за кумовства и т.д. [4, с. 35–46]. С начала XVIII в. складывается следующая модель взаимодействия различных форм (источников) права: светское законодательство, как более влиятельная форма, через нормативные правовые акты дополняло церковные нормы новыми положениями и изменяло ранее действовавшие, кроме того, обеспечивало посредством светских санкций строгое соблюдение церковных норм о браке.

Таким образом, в этот период началось формирование светского брачного права, основанного на нормативном правовом регулировании.

Окончательно *нормативный правовой акт* завоевал господствующие позиции в брачно-семейных вопросах в начале XIX в. Этому способствовала систематизация российского права. Книга I тома X Свода законов Российской империи именовалась «О правах и обязанностях семейственных» и включала разделы «О союзе брачном», «О союзе родителей и детей в союзе родственном», «Об опеке и попечительстве в порядке семейственном», где всесторонне регламентировались вопросы вступления в брак, статус сторон и детей в браке, усыновление, опеку, основания и порядок прекращения брачных отношений. Таким образом, проблемы, ранее решаемые нормами религиозных текстов, в основном перешли в ведение нормативного правового акта.

Однако, несмотря на достаточно полное отражение вопросов брака в нормативных правовых актах, нельзя полностью исключать и влияние

религиозных текстов. Так, в начале XX в. правительство планировало внести серьезные коррективы в нормы семейного права: ввести гражданский брак, урегулировать вопрос о раздельном проживании супругов и расширить список поводов к разводу такими факторами, как неизлечимая болезнь, жестокое обращение и т.д. Однако Синод отверг предлагаемые поправки, а законопроект о разводе «изучал» так долго, что его актуальность была утрачена из-за революции и последующих за ней декретов о гражданском браке и о разводе.

Кроме того, в среде крестьян и инородцев по-прежнему значительное место остается за *обычаями*, тем более, что во второй половине XIX в. государство обратило внимание на данный источник права и поощряло исследование и систематизации его предписаний. Так, практиковалось реальное или обрядное похищение невесты, больше известное как «воровская свадьба», – обычай, уходящий корнями в далекое прошлое.

Таким образом, на протяжении нескольких столетий основными формами правового регулирования семейных отношений были обычаи, религиозные тексты и нормативные правовые акты, однако их система, влияние на данную сферу отношений и место в иерархии источников права на каждом историческом этапе постоянно варьировались.

Список использованной литературы

1. Лаврентьевская летопись. 1377 г. Электронное представление рукописного памятника. URL: <http://expositions.nlr.ru/LaurentianCodex/project1.html>
2. Вишневский В.Г. Юридическая техника на ранних этапах своего развития (окончание следует) // Пролог: журнал о праве. 2014. № 3. С. 7–14.
3. Российское законодательство X-XX веков: в 9-ти т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. М.: Юрид. лит., 1985. 520 с.
4. Минникес И.В. Становление российского семейного права (X-XX вв.): учебное пособие. Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2020. 88 с.

Информация об авторе

Минникес Ирина Викторовна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права. Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА

Минюста России) (664011; г. Иркутск, ул. Некрасова, 4, e-mail: ivminnikes@mail.ru)

УДК 342.2
ББК 67.400.531

Т.А. Парфенова,
кандидат юридических наук
Иркутский институт (филиал)
Всероссийского государственного
университета юстиции
(РПА Минюста России)

ДУАЛИСТИЧЕСКАЯ МОНАРХИЯ: ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ (ОСНОВНЫЕ ТЕЗИСЫ)

Статья обращает внимание на проблемы понимания дуалистической монархии в юридической литературе, обозначаются противоречия, предлагается установление единого подхода в части характеристики дуалистической монархии и введение нового вида монархии – квазиабсолютной.

Ключевые слова: форма правления; монархия; дуалистическая монархия; квазиабсолютная монархия; абсолютная монархия.

Термин дуалистическая монархия происходит от латинского *dualis*, означающий двойственность. Данная форма правления зародилась в Европе в XVIII – XIX веках, в связи с выступлениями широких слоев населения против абсолютизма за ограничение прав монарха [1, с. 143].

Наиболее распространенное представление об этой разновидности состоит в том, что она, являясь переходной формой между абсолютной и парламентарной монархией, характеризуется разделением властей и сосредоточением исполнительной власти в руках у монарха, а законодательной у парламента. Стоит отметить, что нередко похожим образом характеризуется любая ограниченная монархия [2, с. 3–4].

По утверждениям различных авторов, к дуалистическим монархиям относятся самые разные государства: Иордания, Марокко, Кувейт, Люксембург, Бахрейн, Свазиленд (Эсватини), Лесото, Тонга и другие. Проведем сравнительно-правовой анализ основных документов двух принципиально не похожих друг на друга государства из перечисленных, но схожих, как

утверждается, по форме правления – государств Свазиленд (Эсватини) и Великого Герцогства Люксембург.

Согласно Конституции Свазиленда [3], король – это монарх, обладающий всей полнотой исполнительной власти, которую он осуществляет единолично или через правительство, им же назначаемое из числа парламентариев (по крайней мере половина министров назначается из числа избранных народом членов нижней палаты). Согласно Конституции, правительство ответственно перед парламентом, что, однако, не означает реальных рычагов воздействия власти законодательной на исполнительную, ведь король может осуществлять ее единолично (вне парламента, п. 3, ст. 64). Кроме того, парламент почти на половину формируется королем и в любой момент может быть распущен, а также ограничен в своей деятельности правом абсолютного вето. Полагаем, что о дуализме власти здесь говорить не приходится, но и об абсолютном характере, впрочем, тоже. Хотя стоит отметить, что в научной литературе Свазиленд нередко называют монархией абсолютного типа, что также не представляется верным [3], но позволяет задуматься о причинах такой идентификации.

Глава Великого Герцогства Люксембург, как и глава Свазиленда, обладает всей полнотой исполнительной власти (статья 33 Конституции [5]), которую он осуществляет единолично или через правительство, им же назначаемое и перед ним только ответственное. Законодательная власть принадлежит парламенту в лице Палаты депутатов, формируемой исключительно выборным путем. Только парламент может принимать законы – акты высшей юридической силы, которые подлежат подписанию и опубликованию Великим Герцогом. Конституция не упоминает о монаршем вето, но содержит возможность роспуска парламента главой государства. Полагаем, что в этом случае о дуализме власти говорить можно и нужно. И такой вариант распределения власти совсем не похож на то, что присутствует в Свазиленде.

По какой же причине два различных по форме правления государства объединены в устоявшейся классификации в одну группу? Дело в том, что в

юридической науке характеристика на первый взгляд понятной дуалистической монархии в действительности неоднозначна и противоречива.

Здесь можно выделить два основных направления идентификации дуалистической монархии.

Первое, наиболее часто встречающееся, характеризует власть главы государства как обладающего всей полнотой исполнительной власти и в незначительной степени ограниченной парламентом властью законодательной. А.В. Серегин, пишет: «В дуалистической монархии глава государства обладает реальной властью, хотя и ограниченной...отделением законодательной власти от исполнительной. Законодательная власть разделяется между венценосцем и парламентом, который избирается подданными...Исполнительная власть принадлежит государю, осуществляющему ее непосредственно или через назначаемое им правительство... Однако, разделение властей при данной форме правления обычно урезанное. Хотя законы принимаются депутатским корпусом, глава государства пользуется правом абсолютного veto..., а главное государь может распускать парламент, фактически заменяя дуалистическую монархию абсолютной» [6, с. 95].

Второе направление идентификации в большей степени отражает суть выбранного термина для этого вида монархии и действительно описывает дуализм власти. Э.П. Григонис пишет, что «...форма правления при дуалистической монархии весьма схожа с организацией власти в президентской республике. Президентская же республика, по мнению большинства авторов, классический пример реализации принципа разделения властей: вся законодательная власть сосредоточена в парламенте, вся исполнительная власть – в руках президента, то есть используется тот же принцип, что и при дуалистической монархии. К тому же и президентскую республику иногда называют дуалистической республикой» [7, с. 6].

Характеристика «дуалистическая» действительно используется, хоть и нечасто, применительно к республике. Так, А.Э. Калинович пишет: «Термин «дуалистическая республика» в большей степени соответствует сущности той

формы правления, которую обычно называют президентской республикой. Дуализм (двойственность) в такой республике выражается в том, что существует два основных носителя власти: законодательная власть принадлежит парламенту, а исполнительная власть — единолично президенту... Точно такие же черты присущи и дуалистической монархии, только вместо президента исполнительная власть в ней принадлежит монарху». [8, с. 6].

Представляется справедливым использовать термины в равных значениях при характеристике и монархии, и республики. Поэтому и первый, и второй вариант идентификации имеет право на существование, однако каждый при этом характеризует самостоятельный вид, из которых второй действительно дуалистический, предполагающий двойственность власти, а первый существенно отличающийся, который можно идентифицировать как квазиабсолютный, к примеру, но не дуалистический¹.

Подводя итог вышесказанному, представляется верным дополнить устоявшуюся классификацию монархических форм правления следующими уточнениями:

1. Определить дуалистическую монархию как форму правления, где действительно присутствует дуализм власти. С одной стороны, наследуемый глава государства сосредотачивает в своих руках власть исполнительную. Если монарх не осуществляет ее единолично, то исключительно через формируемое и ответственное перед ним правительство. С другой стороны, присутствует законодательный орган – выборный населением парламент. Законы, принятые парламентом, подписываются монархом, который может наложить на них вето, однако механизм преодоления его в акте конституционного характера предусмотрен.

2. Предусмотреть возможность существования монархии, где при полноте власти исполнительной, сосредоточенной в руках монарха,

¹ В этой связи хочется уточнить, что высказанная в научной статье [3] идентификация форм правления в Свазиленде, Брунее и ОАЭ, была сделана до данного исследования, на основании наиболее распространенной позиции о понимании дуалистической формы монархического правления. Настоящее исследование привело к критическому переосмыслению некоторых выводов в части идентификации дуалистической монархии.

присутствует и парламент, принимающий акты высшей юридической силы, однако не имеющий механизма преодоления вето со стороны главы государства, и вето, таким образом, является абсолютным. Такие монархии не должны называться дуалистическими, поскольку реального двоевластия не предполагают. Необходимо определить для них иной термин, к примеру – квазиабсолютные.

Список использованной литературы

1. *Чиркин В.Е.* Государствоведение: Учебник. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юристъ. 2000. 384 с.
2. *Корчагина Л.А.* Особенности монархической формы правления Германии (X-XIII вв.) Л.А. Корчагина // Пролог: журнал о праве. 2016. № 2. С. 2–10.
3. The Constitution of the Kingdom of Swaziland, July 28, 2005. URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Swaziland_2005?lang=en (дата обращения 15.10.2020)
4. *Парфенова Т.А.* Абсолютна ли монархия? Правотворческий аспект // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2020. № 3. С. 18–34.
5. Конституция Великого Герцогства Люксембург от 17 октября 1868 года. URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=92> (дата обращения 18.10.2020)
6. *Серегин А.В.* Форма государственного правления (вопросы теории): дисс. ... доктора юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2014. 379 с.
7. *Григонис Э.П.* Дуалистические формы правления // Мир юридической науки. 2017. № 4. С. 5–10.
8. *Калинович А.Э.* Формы правления в правовом государстве: теоретико-правовой аспект : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2008. 22 с.

Информация об авторе

Парфенова Татьяна Андреевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права. Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (664011, г. Иркутск, Некрасова 4, e-mail: parfenova_ta@mail.ru)

ФРАНЦУЗСКИЕ ЮРИСТЫ И ВЕСТЕРНИЗАЦИЯ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ ЯПОНИИ В ЭПОХУ МЭЙДЗИ

Исследуется общий вклад французских юристов (Жоржа Буске, Гюстава Буассонада де Фонтараби, Жоржа Аппера) в процесс модернизации правовой системы Японии во второй половине XIX века. Определяются основные сферы их непосредственного влияния, связанные с проводимой в империи Мэйдзи политикой вестернизации, организацией системы юридического образования и становлением современного облика японского права.

Ключевые слова: рецепция права; Буассонад; кодификация; японское право; Мэйдзи; правовая система; вестернизация.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №20-011-00034.

Интерес Японии к заимствованию французского права был обусловлен комплексом исторических причин, которые проявились практически сразу после Реставрации Мэйдзи и окончании политики *сакоку* (самоизоляции страны). Важным стимулом вестернизации было стремление японцев пересмотреть неравноправные договоры с западными державами, содержавшие пункты о консульской юрисдикции, экстерриториальности и некоторых иных привилегиях последних. Ликвидация феодализма и развитие капиталистических отношений потребовали от правительства Мэйдзи решительных действий по перестройке правовой системы страны. Под известным лозунгом «*бунмэй кайка*», что в переводе означает «цивилизация и просвещение», японцы устремились к обновлению практически всех сфер общественной жизни. Если в первые годы преобразований правительство ограничивалось снаряжением дипломатических, образовательных, научных миссий в Европу и Америку, то уже совсем скоро оно осознало необходимость в обширном контингенте иностранных специалистов, которые могли бы транслировать западные знания

непосредственно на территории архипелага. Так, в Японию последовательно прибыли три французских юриста, которые внесли значительный вклад в модернизацию правовой системы страны.

Молодой адвокат Жорж Илер Буске (1845–1937) стал первым французским юристом, который отправился в Токио в качестве иностранного юридического советника и преподавателя французского права. Несмотря на непродолжительное пребывание в Стране Восходящего Солнца, Буске принял активное участие в работе по уточнению переводов наполеоновских кодексов на японский язык. Другой сферой деятельности Буске было преподавание французского права в юридической школе *Мэйхорё*, организованной в 1872 году при Министерстве юстиции. Некоторое время японцы были удовлетворены познаниями и лекторскими навыками Буске. Однако поиски преподавателя французского права продолжились, так как Буске был довольно молод, чтобы полностью взять на себя работу по организации обучения в правовой школе. Министерство хотело нанять кого-то, кто был постарше, опытнее и имел достаточный для таких случаев авторитет в юридической сфере. Буске был адвокатом, а не ученым, поэтому он не обладал достаточными познаниями в области теории права и юридической философии. Кроме того, японцы начали осознавать необходимость найма ещё одного специалиста, который мог бы взяться за составление современных правовых кодексов для Японии [1, р. 38–39]. В 1873 году после длительных переговоров на архипелаг прибыл профессор Парижского юридического факультета Гюстав Буассонад де Фонтараби (1825 – 1910). Продолжительность его службы в Японии оказалась одной из самых внушительных среди всех иностранных специалистов, когда-либо нанятых правительством Мэйдзи, и составляла почти двадцать два года.

Общий вклад Буассонада в формирование современного облика правовой системы Японии можно представить в виде трех взаимосвязанных направлений юридической работы. Во-первых, в ходе дальневосточной миссии Буассонад преподавал основы западного права японским студентам в государственных, а затем и в частных юридических школах. Как преподаватель французского права

Буассонад выступил подлинным наставником для первого поколения японских юристов. После завершения обучения многие из учеников Буассонада смогли занять высокие позиции в японской правительственной и юридической иерархии. Как правило, они продолжали придерживаться политико-правовых взглядов Буассонада, транслируя его идеи и принципы в рамках своей профессиональной деятельности, обеспечивая их вращение в «архитектуру» нового японского правопорядка.

Во-вторых, Буассонад исполнял обязанности юридического советника лидеров Мэйдзи. Знания и мнения Буассонада по определенным вопросам часто запрашивались различными правительственными учреждениями Японии: министерством юстиции, министерством иностранных дел, кабинетом министров и др. [1, р. 3–4]. Несмотря на откровенно смелую и независимую манеру общения, Буассонаду удалось установить дружеские отношения с несколькими ключевыми фигурами из числа высших сановников Мэйдзи (Окубо Тосимити, Иноуэ Коваси). Некоторое время позиции Буассонада имели значительный политический вес при определении политического курса Японии.

В-третьих, по поручению правительства Японии Буассонад подготовил проекты основных отраслевых кодексов империи. Он начал свою работу с составления на французском языке Уголовного кодекса (далее – УК) и Кодекса уголовного следствия, последовательно реализованную в 1876 и 1877 годах. Ещё в сентябре 1875 года была создана официальная комиссия по подготовке проекта УК. Поскольку обучением членов комиссии занимался Буассонад, его влияние сильно ощущалось в документе, подготовленном по итогам её заседаний. Буассонад также предлагал комиссии собственные проекты кодексов. Проект Буассонада, составленный по модели французского УК 1810 г., стал основой для выработки итогового текста комиссии. Решением правительства внутри Госсовета был создан департамент по экспертизе проекта УК. Затем исправленный экспертами проект прошел обсуждение в *Гэнроине*, где в него было внесено немало изменений. При подготовке проекта Кодекса уголовного следствия Буассонад взял за основу французский уголовно-процессуальный

закон 1808 года. После всех согласований Уголовный кодекс (*Кэй хо*) и Кодекс уголовного следствия (*Тидзай хо*) были обнародованы в 1880 году и вступили в силу с 1 января 1882 года. Это были первые современные кодексы Японии, в которых содержались ранее неизвестные японскому праву принципы (*nullum crimen sine lege* и *nullum poena sine lege*; отмена классового характера преступлений и наказаний; деление преступных деяний на преступления, проступки и нарушения и др.). С марта 1879 года Буассонад приступил к работе над составлением проекта Гражданского кодекса для Японской империи. Работа затянулась почти на десять лет и была завершена к 1889 году. Однако к этому времени политическая ситуация в Японии изменилась. Ввиду протеста консервативного крыла японской политической элиты, вступление проекта Буассонада в юридическую силу сначала было отсрочено на три года, а затем проект и вовсе был отклонен по той причине, что он не отвечал национальным интересам Японии, не учитывал традиции и обычаи, и в целом был слишком европеизированным. Провал проекта ознаменовал собой завершение затянувшейся миссии Буассонада. В марте 1895 года он покинул Страну Восходящего Солнца без всякого чувства обиды, по-прежнему считая Японию своим вторым домом. Разделяя идеи универсализма сравнительного права, Буассонад желал создать японское право на базе лучших практик законодательного регулирования. И все же он оставался по преимуществу проводником французской правовой культуры и техники, поскольку считал французское право лучшим из существующих выражений идеи естественного права. Проект Буассонада до 1898 года служил основой для формирования японской судебной практики, поскольку идеи и принципы проекта использовались японскими магистратами в качестве своеобразного *ratio scripta* при рассмотрении гражданских дел.

Третьей значимой фигурой в истории французского правового влияния в эпоху Мэйдзи был юрист и историк Жорж Аппер (1850 – 1934). Аппер отправился в Японию в 1880 году после предложения Шарля Жиро о работе в Токио в качестве преподавателя. Предложение Жиро оказалось настолько

неожиданным, что поначалу Аппер оказался в полной растерянности [2, р. 399]. Решение отправиться на Дальний Восток в малознакомую страну было для него непростым шагом. Отъезд в Японию означал не только временное разобщение с семьей и оставление устроенного парижского быта: подобное «отлучение» от французской академической жизни значительно подрывало шансы Аппера на построение успешной профессорской карьеры по возвращении на родину. Однако он согласился. За девять лет, проведенных в Японии, Аппер сумел внести существенный вклад в подготовку юридических кадров новой Японии. Ясность и точность учения Аппера позволили ему завоевать симпатии своих многочисленных японских учеников. Благодаря преподавательской работе Аппера, которую он осуществлял с рвением настоящего миссионера, французское влияние сильно ощущалось в Японии в те годы.

Модернизация правовой системы Японии в эпоху Мэйдзи не была простым воспроизведением идей и принципов западного права. Скорее она была выстроена на многочисленных конфликтах, конкуренции различных политических сил, а также была вынуждена считаться с особенностями японского национального характера. Рецепция французского права в ранние годы Мэйдзи была частью обширного курса реформ, предполагавших создание современного японского государства и общества. Деятельность французских юристов позволила Японии быстрыми шагами преодолеть тот значительный разрыв, который в вопросах эволюции законодательств разделял Страну Восходящего Солнца и цивилизованные страны Запада.

Список использованной литературы

1. *Ikeda M.K.* French legal advisor in Meiji Japan (1873-1895): Gustave Emile Boissonade de Fontarabie. Diss. Ann Arbor, UMI., Michigan, 1996. VI-293 p.
2. *Dareste P.* Georges Appert (1850 – 1934) // *Revue historique de droit français et étranger*. Quatrième série. 1934. Vol. 13. No. 2. P. 398-404.

Информация об авторе

Пужаев Владимир Владимирович – преподаватель кафедры трудового и экологического права. Юридический факультет Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И.

Лобачевского (603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23, e-mail: notionn@mail.ru)

УДК 340.1
ББК 67.06

Н.С. Романенко,
Байкальский государственный университет

СТАДИИ ЮРИДИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА И СТАДИИ ПРИМЕНЕНИЯ ПРАВА: СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ

В статье автор рассматривает проблематику стадий юридического процесса и стадий применения права. Определены критерии, необходимые для выделения стадий. Проводится соотношение функциональных и процедурных стадий.

Ключевые слова: теория права; процессуальное право; юридический процесс; структура юридического процесса; стадии юридического процесса.

В теории государства и права особое внимание уделяется применению права, правоприменительному процессу и его стадиям. Однако стадиям юридического процесса уделяется крайне мало внимания либо же авторы вовсе обходят эту тему стороной. В данной работе хотелось бы затронуть тему стадии юридического процесса и стадии применения права и определить, тождественные это друг другу понятия или нет, а также проанализировать их соотношение.

Стадии процесса раскрываются относительно какой-либо осуществляемой в той или иной форме юридической деятельности. По отношению к стадии, как части осуществляемой в правовом поле деятельности, имеются различные мнения и данная проблема еще не нашла однозначно решения. В связи с этим вопрос, что такое стадия в целом и стадия юридического процесса, в частности, остается открытым.

Например, Ю.М. Козлов, Л.В. Коваль связывают понятие стадии со стадией процесса и называют ее «фазой процесса», П.Л. Сахаров связывает стадию с «этапом процесса» [1, с. 55], Ю.К. Осипов с «моментом процесса» [1, с. 56].

Каждый из этих ученых стадию в первую очередь связывает с процессом, причем, процессом в его классическом понимании, а именно – судебным

процессом и деятельностью суда. Также в поддержку данной точки зрения следует отметить, что одни под стадией процесса понимают совокупность процессуальных действий или процессуальных отношений, объединенных ближайшей целью [3, с. 77], другие – порядок движения дела, установленный законом, а третьи – поочередно сменяющие друг друга самостоятельные этапы, имеющие конкретные цели и задачи.

Все указанные выше мнения трактуют стадию как пространственно-временной промежуток, где совершаются определенные процессуальные действия, преследующие определенную цель или задачу, которая должна быть достигнута или решена на определенном этапе. Причем стадия выступает как динамичный элемент деятельности и, в свою очередь, может делиться на начальные, промежуточные и конечные стадии.

Применение права, в какой бы форме оно не осуществлялось, всегда протекает как определенный процесс, точнее, применение права – это разновидность (форма) юридического процесса. Юридический процесс – это различные формы деятельности государственных органов, должностных лиц и лиц, заинтересованных в исходе дела и достижения юридически значимого результата. Таким образом, юридический процесс является общим родовым понятием, характеризующим юридическую деятельность, а применение права – это видовое понятие юридического процесса, одна из его форм.

Следует обозначить общие критерии выделения стадии правоприменительного и юридического процесса: 1) существуют относительно обособленные комплексы юридически значимых действий; 2) комплексы юридически значимых действий выполняются специальными, уполномоченными на то субъектами, 3) уполномоченные субъекты призваны решать различные этапные задачи правоприменительной деятельности; 4) юридически значимые действия должны обладать определенной последовательностью; 5) вся юридическая деятельность должна быть направлена на достижение единой цели.

И юридический процесс, и процесс применения права в ходе перехода от стадии к стадии переплетаются между собой и противопоставлять их не имеет смысла, так как правоприменение – это лишь часть юридического процесса, а сам юридический процесс – это совокупность форм юридической деятельности в виде правоприменительной, правоисполнительной, правоохранительной, надзорной деятельности.

Стадии юридического процесса и стадии применения права следует характеризовать с внешней стороны, где процедурные стадии дают нам полное представление о производстве (разбирательстве дела), а кроме процессуальных норм права применяются процессуально-процедурные нормы права, влияющие на организацию и управление процессом как своеобразным механизмом. Также стадии юридического процесса и стадии применения права следует характеризовать с внутренней стороны, где функциональные стадии логически отражают механизм применения права, где применяются нормы материального права.

Соотнесение между собой функциональных и процедурных стадий позволяет прийти к следующим выводам.

Первая функциональная стадия – *установления фактических обстоятельств дела* – предоставляет информацию о юридическом деле в виде разрозненных юридических фактов или их совокупности, которые необходимо соотнести между собой и принять решение о дальнейшем правоприменении. На данном этапе применяются в основном нормы гражданского, уголовного или административного права.

Первая функциональная стадия порождает такую процедурную стадию как *возбуждение юридического дела*. На этом этапе применяются нормы процессуального права (гражданско-процессуального, уголовно-процессуального, административно-процессуального кодекса и проч.). Эти две стадии могут присутствовать и в деятельности правоохранительных органов, и в деятельности суда.

Вторая функциональная стадия – это *стадия юридической оценки фактических обстоятельств юридического дела*, которая позволяет произвести юридическую квалификацию. Лицо, занимающееся определенной юридической деятельностью, выступает не только как должностное лицо, но и как правоприменитель. Оно производит выбор необходимой нормы, занимается ее толкованием и установлением ее юридической силы.

Вторая функциональная стадия порождает вторую процедурную стадию: *подготовки материалов юридического дела*, где каждое действие облекается в форму процессуального документа.

Третья функциональная стадия – *передачи оформленного юридического дела с произведенной классификацией* в вышестоящие надзорные органы или в суд для оценки и проведения проверки на соответствие требованиям законности.

Эта третья функциональная стадия порождает *стадию рассмотрения дела по существу и принятия по нему решения*. В ходе этой стадии свою независимую профессиональную оценку дают контролирурующие органы в виде прокуратуры или суда. На данной стадии могут быть выявлены ошибки или найдены пробелы в применении права, что может повлечь возвращение к прошлым стадиям для устранения ошибок и пробелов. В этом и проявляется динамизм стадии в виде временного возвращения на прошедшие стадии или следования дальше.

Четвертая функциональная стадия – это *стадия принятия правоприменительного решения*, которая завершает правоприменение путем его оформления. После этого правоприменение права как деятельность перестает существовать, но служит важнейшим связующим элементом для юридического процесса как для дальнейших форм деятельности в виде исполнения права и контроля над исполнением принятого решения, что в свою очередь порождает еще две процедурные стадии такие, как *стадию исполнения принятого по юридическому делу решения* и *стадию контроля над исполнением принятого по юридическому делу решения*.

Таким образом, юридический процесс и применение права соотносятся между собой как целое и его часть, а выделяемые функциональные стадии тесно

связаны с процедурными стадиями, так как тесно взаимосвязаны между собой не только нормы материального и процессуального права, но и действия многих уполномоченных субъектов, наделенных властными полномочиями и занимающиеся правоприменением, правоисполнением или надзором.

Список использованной литературы

1. *Солдатова О.Е.* Юридический процесс (теоретико-правовой аспект: дис. ...канд. юрид. наук. Челябинск, 2014. 178 с.
2. *Осипов Ю.К.* Элементы и стадии применения норм советского гражданского процессуального права // Краткая антология уральской процессуальной мысли. 55 лет кафедре гражданского процесса Уральской государственной юридической академии. Екатеринбург: Изд-во Гуманит. ун-та, 2004. С. 308–326.
3. *Елисейкин П.Ф., Осипов Ю.К.* Подведомственность юридических дел. Свердловск, 1973. 124 с.

Информация об авторе

Романенко Никита Сергеевич – преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин. Институт государства и права Байкальского государственного университета (664003, г. Иркутск, ул. Ленина, д.11, e-mail nrserg91@gmail.com)

УДК 346.13

ББК 67.3

М.А. Сафонов,
кандидат юридических наук
Иркутский институт (филиал)
Всероссийского государственного
университета юстиции
(РПА Минюста России)

К ВОПРОСУ О ПРАВОВЫХ ОСНОВАХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НЮРНБЕРГСКОГО ТРИБУНАЛА

С позиции теоретико-правовой науки рассмотрен вопрос о процессуальных и материальных нормах права, лежавших в основе деятельности Международного Военного трибунала над главными функционерами нацистского режима в Германии. Дана оценка правовым основам деятельности Нюрнбергского трибунала с позиции учения об источниках (формах) права. Рассмотрена роль национального законодательства и международных договоров в процессе подготовки суда над военными преступниками.

Ключевые слова: история государства и права; теория государства и права; источники права; Нюрнбергский трибунал.

На фоне нарастания противоречий в сфере межгосударственных отношений, эскалации военных конфликтов и фиктивизации части норм и институтов международного права интерес исследователей к истории первого международного суда над военными преступниками растет с каждым годом.

В основном работы специалистов, посвященные теме Нюрнбергского Международного трибунала над главными преступниками, затрагивают проблематику значения «Суда истории» для развития международного права и подробно описывают не имеющие прецедентов мероприятия по его подготовке [1, с. 165]. Между тем, вопрос о правовых основах деятельности Нюрнбергского трибунала 1945-1946 гг. до настоящего времени недостаточно полно освещен в отечественной юридической науке.

Ряд авторов отмечают, что нормативная база деятельности Нюрнбергского трибунала начала создаваться уже в военное время. Так, к числу предшествующих созданию трибунала актов обычно относят ноту народного комиссара иностранных дел СССР В. М. Молотова от 25 ноября 1941 г. «О возмутительных зверствах германских властей в отношении советских военнопленных» [2, с. 49], а также ноту советского правительства от 14 октября 1942 г. «Об ответственности гитлеровских захватчиков и их сообщников за злодеяния, совершаемые ими в оккупированных странах Европы» [3, с. 12].

Акты такого рода имели большое значение с точки зрения выработки некоторых принципов, которыми впоследствии руководствовался Международный военный трибунал. Однако при строгом подходе к определению правовых основ привлечения нацистских преступников к ответственности данные документы едва ли можно считать источниками права (в формальном смысле), обеспечивающими деятельность суда в Нюрнберге.

Указанные нормативные акты являлись актами национального законодательства: сфера их нормативного регулирования распространялась лишь на те органы правосудия, которые действовали на территории, находящейся под юрисдикцией соответствующего государства. Кроме того, большая часть подобных актов имела в своей основе нормы-декларации, скорее выражавшие намерение привлечь к ответственности агрессоров, нежели устанавливающие конкретные механизмы для решения данной задачи.

Стоит выделить такой акт советского законодательства как Указ Президиума Верховного Совета Союза ССР от 2 ноября 1942 г. о создании чрезвычайной комиссии по расследованию преступлений гитлеровцев [4].

Данный акт имел важное значение для сбора доказательств преступной деятельности немецких войск и органов власти на оккупированных территориях, что позволило основательно и в короткие сроки подготовить материалы обвинения для суда в Нюрнберге [2, с. 49]. Указ об образовании чрезвычайной государственной комиссии обеспечил возможность подтвердить причастность подсудимых к совершению преступлений, но порядок и основания привлечения их к суду определялись другими источниками.

Важнейшее место занимали международные договоры, в числе которых были как акты декларативного характера (как, например, Декларация правительств СССР, США и Великобритании от 2 ноября 1943 г. «Об ответственности гитлеровцев за совершаемые зверства» [5]), так и акты, содержание которых напрямую было направлено на формирование правовой основы деятельности Международного военного трибунала.

Наиболее значимым международным договором являлся Устав Международного Военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников, принятый в Лондоне представителями СССР, США, Великобритании и Франции 8 августа 1945 г. [6].

Устав определял состав и компетенцию Международного военного трибунала, закреплял права подсудимых на защиту и в целом создавал

процессуальную основу работы суда над главарями «Третьего рейха». Значение Устава Международного военного трибунала подробно раскрыто в отечественной научной литературе [7, с. 416].

Вместе с тем, необходимо отметить, что Устав имел своей целью создание процессуальной основы деятельности суда, тогда как судебное разбирательство имело под собой и нормы материального права. В контексте изучения правовых основ привлечения к ответственности руководителей нацистской Германии необходимо определить источники права, на основании которых подсудимым были предъявлены три основных пункта обвинения.

Основанием для привлечения к ответственности за преступления против мира – подготовку и развязывание агрессивной войны – служат договоры о ненападении, заключенные Германией не только с Советским Союзом, но и с другими странами: с Англией, Францией и Польшей [8, с. 101]. Имея в виду наличие таких нормативных договоров, развязанная Германией война получила от международного сообщества оценку вероломной военной агрессии.

Другой пункт обвинения касался военных преступлений (преступлений против законов и обычаев войны). Целенаправленная политика уничтожения, порабощения и грабежа мирного населения, создание невыносимых условий для военнопленных и другие военные преступления прямо противоречили букве и духу Женевской конвенции 1906 г. и Гаагской конвенции 1907 г., ранее ратифицированных Германией [9, с. 32]. Основой для данного пункта обвинения вновь выступали международные договоры.

Что касается преступлений против мира и человечности, то, как видится, в качестве основного источника, содержащего нормы права, нарушенные руководителями Германии, могут быть названы основные принципы права, глубоко укоренившиеся в мировой политико-правовой действительности со времен европейских буржуазных революций. Принципы права составляют важную часть правовой «надстройки» общества [10]. Принцип гуманизма, умеренности наказания и его соразмерности преступлению, принципы

законности, гражданского равенства, демократизма – эти и другие общепризнанные большинством развитых стран принципы сами по себе обязывали государства соблюдать определенные нормы во внутренней и внешней политике. Тем временем руководители Германии подвергли эти принципы права регулярным, осознанным и грубым нарушениям.

Таким образом, деятельность осужденных на нюрнбергском процессе немецко-фашистских руководителей являлась преступной не только в морально-этическом плане, но и в смысле грубого нарушения ими норм права. Правовые нормы, послужившие основой для признания обвиняемых виновными, были отражены не только в созданных во время войны источниках, но и в нормативных договорах: договорах о ненападении, Женевской и Гаагской конвенциях, а также общепризнанных принципах права.

В силу неразвитости международно-правовых институтов эти нормы в большинстве случаев не имели санкций.

При подходе к изучению правовых основ деятельности нюрнбергского трибунала с позиции современной науки теории права мы видим, что наказание немецко-фашистских руководителей было не только справедливым актом возмездия, но и – в полном смысле этого слова – правовым решением, поскольку оно исходило от существующих в той или иной форме норм права.

Список использованной литературы

1. *Смирных С.Е.* Значение Нюрнбергского процесса для дальнейшего развития международного права // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 3. С. 163–166.
2. *Седнев Р.И., Шаталов Е.А.* Становление международных уголовно-правовых норм и правовые проблемы привлечения к уголовной ответственности военных преступников Второй мировой войны // Российское право: образование, практика, наука. 2019. № 2. С. 48–54.
3. *Орлова С.А.* Нюрнбергский и последующие судебные процессы как итог Второй мировой войны // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Естественные, общественные науки. 2018. № 1. С.11–17.
4. Об образовании чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и

их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР: указ Президиума Верховного Совета Союза ССР от 2 ноября 1942 г. URL: <http://nurnberg.rusarchives.ru/documents/ukaz-prezidiuma-verhovnogo-soveta-sssr-ob-obrazovanii-chrezvychaynoy-gosudarstvennoy> (дата обращения: 05.10.20).

5. Декларация об ответственности гитлеровцев за совершаемые зверства от 30 октября 1943 г. (электронная копия машинописного текста из фондов АВП РФ). URL: <http://nurnberg.rusarchives.ru/documents/deklaraciya-ob-otvetstvennosti-gitlerovcev-za-sovershaemye-zverstva-prinyataya-konferencii> (дата обращения: 05.10.20).

6. Устав Международного военного трибунала от 8 августа 1945 г. (электронная копия машинописного текста из фондов АВП РФ). URL: <http://nurnberg.rusarchives.ru/documents/ustav-mezhdunarodnogo-voennogo-tribunala> (дата обращения: 05.10.20).

7. Тимофеева А.А., Сурикова А.А. Нюрнбергский процесс в аспекте современной политики // Балтийский гуманитарный журнал. 2018. № 2. С. 415–417.

8. Хлестов О.Н. Соглашения о ненападении перед Второй мировой войной // Аграрное и земельное право. 2011. № 12. С. 95–102.

9. Борботько П.В., Шматков И.И. Некоторые вопросы практической реализации норм международного гуманитарного права в годы Первой мировой войны // Веснік Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта. 2009. № 4. С. 31–37.

10. Грозина Е.В. Элементы законодательной надстройки // Пролог: журнал о праве. 2017. № 1. С. 56–58.

Информация об авторе

Сафонов Михаил Александрович – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права. Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (664011, г. Иркутск, ул. Некрасова, 4, e-mail: leftfordeadmoe@mail.ru)

УДК 34 (091)
ББК 67.3.

В.В. Синиченко,
доктор исторических наук, профессор
Академия управления МВД России

В.В. Ракитский,
Восточно-Сибирский институт МВД России

ЭВОЛЮЦИЯ НОРМ ПРАВА В ОТНОШЕНИИ ТАМОЖЕННЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ И РОЛЬ ПОЛИЦИИ В ПРЕСЛЕДОВАНИИ КОНТРАБАНДЫ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Описывается как эволюционировали нормы таможенного законодательства и «полицейское право» в отношении таможенных правонарушений. Авторы приходят к выводу, что в начале XX в. территориальность выступает признаком специализации розыска. Железнодорожная полиция была обязана преследовать контрабанду в полосе отчуждения железных дорог, горная полиция – в пределах приискового района, сыскные отделения – в городах Российской империи. Увеличивается в начале XX в. и число субъектов таможенных преступлений, появляется специальный субъект – чиновник таможенного ведомства, в отношении которого вели дознание сотрудники полиции.

Ключевые слова: розыск; полиция; устав; контрабанда.

В юридической литературе конца XIX – начала XX вв. отсутствовало определение понятий «предварительное следствие» и «дознание». Существовал термин полицейский «розыск», который рассматривался средством дознания [1, с. 620; 2, с. 5–7].

Впервые определение розыска как начальной стадии дознания появилось в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. В статьях 253 и 254 такие действия полиции как «розыск», «словесные расспросы» и «негласное наблюдение» рассматривались как основные полицейские инструменты дознания [3, с.110–134].

Институционализация розыска в досудебном уголовном преследовании базировалась на специализации органов полиции как по виду, так и территориальности совершаемых преступлений [4, с.137].

Так, в изучаемый период, появилась железнодорожная полиция в 1861 г., речная полиция в 1867 г., в 1891 г. была создана портовая полиция, а в 1899 г. горно-полицейская стража, и, наконец, в 1903 г. конно-полицейская стража. Специализация органов полиции продолжала формироваться вплоть до краха всей правоохранительной системы Российской империи в 1917 г. С 1907 г. при городских полицейских управлениях появилась сыскная полиция, филёрские группы [5, с.67].

Сыскная полиция и филерские группы специализировались, прежде всего, на уголовном розыске, а горно-полицейская стража – на хищении золота с приисков (экономические правонарушения). Речная и портовая полиция расследовали правонарушения в сфере перевозок речным и морским транспортом, а железнодорожные жандармско-полицейские управления – все виды правонарушений в полосе отчуждения железнодорожной магистрали.

Таким образом Устав уголовного судопроизводства 1864 г., не разграничил предварительное следствие и дознание, установив почти полную взаимозаменяемость следователя и полицейского чиновника. В результате такого дублирования розыск в сфере таможенных правонарушений зависел от личных и профессиональных качеств таможенного инспектора или полицейского, ведущего следствие [6, с. 24].

Отметим, что ст. 1216 «Устава уголовного судопроизводства» возлагала обязанность возбуждения дел о контрабанде на чины Министерства внутренних дел (общей полиции и жандармско-полицейских управлений при железных дорогах), специальные подразделения Министерства финансов (таможенной инспекции, акцизного надзора и корчемной стражи) и Министерства государственных имуществ (горной полиции) [7, с. 72].

Таможенный устав признавал контрабандой хранение, складирование и транспортировку указанных в Уставе товаров при непредставлении доказательств законности их происхождения [8, с. 13].

В Уставе субъектом преступления признавалось несколько категорий лиц. Во-первых, находящийся в Российской империи собственник товаров,

признанных контрабандными; во-вторых, лицо, непосредственно сопровождающее товар, если собственник товаров не известен; в-третьих, владелец помещения, где товар был обнаружен [8, с. 13].

Права полицейских по розыску правонарушений, предусмотренных Таможенным уставом 1892 г., предусматривали право на конфискацию товаров и право на наложение денежного взыскания (ст. 1522, п.1 и ст. 1524, п.1.). Причем импортные (зарубежные) товары, когда они незаконно пересекали таможенную границу подлежали конфискации, а экспортные товары (российские) должны были быть возвращены обратно производителям, после внесения последними штрафа (ст. 1522, п. 2; ст. 1524, п. 2.).

Отечественные товары за контрабандный провоз временно арестовывались и на них накладывалось 10%-ное взыскание их стоимости, без конфискации товара (ст.ст. 1520; 1521; 1524, п.3) [8, с. 7].

Отметим, что Таможенный устав 1892 г. вместо традиционного для юриспруденции показателя степени общественной опасности – размера ущерба, использовал другое – имущественная состоятельность преступника.

Поэтому в соответствии со ст. 1641 Устава по факту контрабанды задержавший ее сотрудник полиции должен был для составления акта об административном взыскании (штрафе) собрать сведения об имущественном и сословном положении правонарушителя.

В том случае, если контрабандист оказывался несостоятельным, дело о контрабанде передавалось в суд. Последний своим решением заменял денежное взыскание на уголовное наказание – арест или тюремное заключение. Таким образом, правовая оценка содеянного ставилась в зависимость от материальных возможностей правонарушителя исполнить первоначальное юрисдикционное решение [9, с. 37].

Изъятие товара у контрабандиста осуществлялось на основании ст. 1139 и ст. 1148 «Устава таможенного». Штрафы на них накладывались по ст. 31 и ст. 34 «Уложения о наказаниях». Наложение административного наказания на контрабандистов происходило в соответствии со ст. 930 «Устава уголовного

судопроизводства». Согласно этой статье контрабандный товар и провозные средства направляли в окружной суд, где к правонарушителям согласно ст. 771 «Устава уголовного судопроизводства» и ст. ст. 1048, 1164, 1065 и 1070 «Устава таможенного» применялся штраф и взыскание судебных издержек [10, л. 35].

Как показывает «Уголовное уложение...» 1903 г. основная задача, которая ставилась полиции в вопросах противодействия контрабанде, в то время заключалась в правильном составлении административных протоколов для окружного суда. Но после того, как в 1904 г. состоялась модернизация российского уголовного права и за рецидивную контрабанду в «Уголовном уложении» появилось наказание в виде тюремного заключения или пребывания в исправительном доме, полицейские были обязаны были предоставить для окружного суда, не только протокол задержания и протокол изъятия контрабанды, но и опросный лист, а также справку об экспертизе контрабандного товара. По сути, полицейские вели с этого времени полноценное уголовное расследование [11].

В Таможенном уставе 1904 г. впервые появились нормы ответственности за контрабандное перемещение товаров по железным дорогам. Право на борьбу с контрабандой в полосе отчуждения железной дороги получили как сотрудники МВД (общей и железнодорожной полиции), так и Министерства финансов (ведомственной полиции) [8, с.10].

В результате некоторые из объездчиков и контролеров корчемной стражи и акцизного надзора Министерства финансов считали возможным проверять на железнодорожных станциях поездные документы и книги железной дороги, как на станциях, так и на поездах. Здесь корчемники пытались задерживать все акцизные предметы, не имеющие признаков законного происхождения, однако, это вызвало столь резкое неприятие со стороны чинов железнодорожной полиции – жандармско-полицейских управлений железных дорог, что, по сути, позволяет говорить о необъявленной войне, шедшей между ними. Чины железнодорожной полиции препятствовали любой деятельности корчемников в полосе отчуждения железной дороги.

Таможенный устав 1904 и – впоследствии 1910 гг. – усилил размер административной ответственности правонарушителя (контрабандиста). Суммы штрафов увеличились от двух до пяти раз по сравнению с таможенным уставом 1892 г. [12].

Кроме того, в этот новый таможенный устав была инкорпорирована статья об уголовной ответственности контрабандистов-рецидивистов. Нашло это отражение и в «Уголовном уложении», ст. 59 которого вводила дополнительное наказание для контрабандистов – от двух недель до трех месяцев тюремного заключения.

Тогда же появился специальный субъект в деле провоза контрабанды – должностное лицо таможенного ведомства, пропустившее контрабанду по предварительному сговору.

В ст. 926 «Уголовного уложения» появилось и понятие «контрабанды преступным сообществом». В нем выделялись «основатели и начальники шаек или сообществ для производства провоза подлежащих акцизу питей, для провоза контрабанды и вообще для производства запрещенной торговли, или для подкупа чиновников или служителей какой-либо части управления и т.п.». За действия в составе преступной группы контрабандистам грозила уголовная ответственность сроком от трех с половиной до четырех лет [8, с. 12].

Эволюция норм права, регулирующих такое явление, как контрабанда, говорит о том, что законодатель был обеспокоен проблемой эффективности работы правоохранительных органов в данной правовой плоскости. Поэтому в Таможенных уставах России 1904 и 1910 гг. был расширен круг субъектов контрабандного правонарушения, и правоохранители были ориентированы уже на выявление как преступных групп, водворяющих нелегальные и запрещенные товары через границу, так и должностных лиц, способствовавших провозу контрабанды через таможенную границу Российской империи. Роль полиции состояла как в задержании контрабандистов – владельцев незаконно перемещаемых товаров или лиц, во владении которых находился указанный товар, так и в аресте «злостных» нарушителей закона – организаторов

преступных контрабандистских синдикатов (крупных предпринимателей) или чинов Министерства финансов, попустительствовавших контрабандистам.

Список использованной литературы

1. *Случевский В.К.* Учебник русского уголовного процесса / [Соч.] В. Случевского, преп. уголов. судопроизводства в Уч-ще правоуказания, тов. обер-прокурора Уголов. касс. деп. Сената. [Вып. 1–2]. [Текст]. – Санкт-Петербург: тип. М.М. Стасюлевича, 1891–1892. – 2 т.; 24. Т.1. Судостроительство. – 1891. – XII, 320 с.; Т.2. Судопроизводство. – 1892. – VIII, 444 с.
2. *Квачевский А.А.* Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по судебным уставам 1864 года: Теорет. и практ. руководство, сост. А. Квачевским. [Текст] Ч. 1. – Санкт-Петербург: тип. Ф.С. Сушинского, 1866-1870. – 22. [О дознании и розыске]. – 1867. – [2], II, 371 с.
3. Свод законов Российской Империи [Текст] : [издание 1876 –1917 гг.]. – Санкт-Петербург: [б. и.], [1876–1917]. Т. 16, ч. 1: Судебные уставы императора Александра II. 1914. 1321 с.
4. *Мулукаев Р.С., Малыгин А.Я., Епифанов А.Е.* История отечественных органов внутренних дел. Учебник для вузов / Под ред. д. ю. н. Р. С. Мулукаева. М.: NOTABENE Медиа Трейд Компания, 2005. 336 с.
5. *Шинджеликашвили Д.И.* Министерство внутренних дел царской России в период империализма (Структура, функции, реакц. сущность, связь с другими м-вами): Учеб. пособие. – Омск, 1974. 111 с.
6. *Бразоль Б. Л.* Очерки по следственной части: История. Практика. – Петроград: Гос. тип., 1916. 215 с.
7. *Синиченко В.В.* Правонарушения иностранцев на востоке Российской империи во второй половине XIX - начале XX веков. Иркутск: Вост.-Сиб. ин-т МВД России, 2003. 191 с.
8. *Беляева Н.А. и др.* Дальневосточная контрабанда как историческое явление: борьба с контрабандой на Дальнем Востоке России во второй половине XIX – первой трети XX века : монография. Владивосток, 2010. 292 с.
9. *Бойко А.И., Родина Л.Ю.* Контрабанда: история, социально-экономическое содержание и ответственность. С-Пб.: Юрид. центр Пресс, 2002. 297 с.
10. Российской государственный военно-исторический архив (РГВИА г. Москва). Фонд.1582. Опись. 2. Дело. 688.
11. *Аграшенков А.В., Краснянский И.Ю.* Борьба с контрабандой в России (X – начало XX в.) // Правоведение. 1998. № 4. С. 70–80.
12. Свод законов Российской Империи [Текст] : [издание 1876-1917 гг.]. - Санкт-Петербург : [б.и.], [1876-1917]. Т. 6: Устав таможенный. 1910. 335 с.

Информация об авторах

Синиченко Владимир Викторович – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела исследования стратегических проблем управления. Научно-исследовательский центр Академии управления МВД России (125130, Москва, ул. З. и А. Космодемьянских, 8, e-mail: v.v.sinichenko@bk.ru)

Ракитский Владислав Владимирович – преподаватель кафедры специальной подготовки. Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации (664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110 e-mail: rakitskiy777@mail.ru)

УДК 347.157.1

ББК 67.410

Л.П. Станишевская,
кандидат исторических наук, доцент
Белорусский государственный экономический университет

К ВОПРОСУ О ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ПРАВАХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ПОСЛЕОКТЯБРЬСКИЙ ПЕРИОД

Исследуется эволюция процессуальных прав несовершеннолетних в послеоктябрьский период. Автор приходит к выводу о том, что права ребенка в гражданском процессуальном законодательстве БССР были недостаточно регламентированы.

Ключевые слова: права несовершеннолетних; процессуальное законодательство; послеоктябрьский период.

Вопрос защиты процессуальных прав несовершеннолетних в настоящее время привлекает пристальное внимание процессуалистов. Историческое исследование данной проблематики позволяет актуализировать возникающие проблемы в области защиты прав ребенка.

В результате революционных процессов несовершеннолетние оказались самой незащищенной категорией населения. Рост детской преступности, бродяжничество и пр. потребовало незамедлительного принятия государственных мер. В республике провозглашается лозунг: «Все дети – это дети всего государства», вопрос о проблеме детства становится предметом заботы законодателей.

Декретом от 14 января 1918 г. «О комиссиях для несовершеннолетних» упраздняются суды для несовершеннолетних. Несмотря на то, что комиссии были уголовно ориентированы, они восприняли опыт «детских» судов. По инициативе В.Г. Короленко осенью 1918 г. создается независимая общественная организация – Лига спасения детей. За короткий срок своей деятельностью лига помогла 3,5 тыс. детей [1, с. 94]. Параллельно с Лигой в 1919 г. по линии государства создается Совет защиты детей, а в 1925 – Центральная Комиссия по делам несовершеннолетних, чуть позже начинают свою деятельность местные комиссии по делам о несовершеннолетних. В июле 1931 г. принимается Постановление СНК «О комиссиях по делам несовершеннолетних». Комиссиям вменялась обязанность организация работы по охране прав и интересов детей и подростков, а также работа по предупреждению и борьбе с их безнадзорностью. С 1935 г., когда было принято Постановление СНК СССР и ЦК ВКК (б) «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности», ответственность за обустройство детей возлагается на местные органы власти.

В 1920-е гг. утверждаются правила подсудности дел о несовершеннолетних, уточняются требования к народным заседателям, сроки рассмотрения дел, впервые формулируется правило о недопустимости рассмотрения дел несовершеннолетних без участия защиты и др.

Одним из значимых примеров усиления в общественно-правовой мысли России понимания необходимости особой защиты детей является Декларация прав ребенка, разработанная русским педагогом К. Н. Вентцилем в 1918 году, провозгласившая для детей равные со взрослыми права и свободы, в том числе право ребенка на свободу и неприкосновенность [2]. К сожалению, перспективные идеи Декларации прав ребенка К. Н. Вентцеля не получили дальнейшего развития, поскольку на повестку дня встали задачи создания советской государственности в целом, а также создания института советской семьи – в частности. Реформированию института семьи способствовало принятие декретов «О расторжении брака» и «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния» от 18 декабря 1917 г. Советское

законодательство, уравнившее в правах мужчин и женщин, уравнило также в правах детей, рожденных в браке и вне брака. Кодексом законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве РСФСР от 22 октября 1918 г. достаточно подробно были регламентированы права детей и родителей.

БССР, не имевшая собственного законодательного опыта, в послеоктябрьский период использовала законодательные акты РСФСР. Так, Постановлением Президиума ЦИК БССР Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы РСФСР были введены в действие на территории республики летом 1922 г., Гражданский и Гражданско-процессуальный кодексы – в 1923 г. Указанные кодексы стали рассматриваться как кодексы БССР.

Процессуальный гражданский закон, прежде всего, защищал интересы государства, а не детей. В то же время, в соответствии со ст. 9 ГК БССР несовершеннолетние, достигшие 14 лет, признавались способными к самостоятельному распоряжению получаемой ими заработной платой и самостоятельной ответственности за причиненный их действиями вред, а также к совершению любых допускаемых законодательством сделок с согласия своих законных представителей – родителей или опекунов. Кодекс о браке и семье БССР, вступивший в силу 1 марта 1927 г., также не внес существенных изменений в правовое положение несовершеннолетних.

Конституция БССР 1937 г. в главе 8 «Основные права и обязанности граждан» провозгласила право на государственную охрану интересов матери и ребенка (ст. 97). Что же касается процессуальных прав детей, БССР (как и СССР) не имела специальных нормативных актов, посвященных детям и их процессуальным правам.

В 1944 г. издается Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об увеличении помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания “Мать-героиня” и учреждении ордена “Материнская слава” и медали “Медаль материнства”». Указом устанавливалось, что только зарегистрированный брак

порождает права и обязанности супругов, предусмотренные кодексами законов о браке, семье и опеке союзных республик. В целях улучшения демографической ситуации в стране отменялось право обращения матери в суд с иском об установлении отцовства, что негативно сказалось на правах внебрачных детей, лишив их отцовской заботы и поддержки [3, с. 144].

В послевоенный период право БССР развивалось в русле общей политики советского государства. В 1961 г. принимаются Основы гражданского законодательства СССР, которые едва ли не впервые в советском праве вводили приоритет заключенных СССР международных договоров над внутренним законодательством.

С 1 января 1965 г. вводятся в действие Верховным Советом БССР Гражданский и Гражданско-процессуальный кодексы. В Конституции СССР 1977 г. (ст. 53) конституционное закрепление получило положение о том, что семья находится под защитой государства. Однако указанная Конституция еще не содержала понятия защиты семьи, хотя в ней и были представлены составляющие элементы семьи (ст. 53, 35, 66), признавалась необходимость защиты семьи как важнейшей социальной ячейки.

Необходимо отдать должное тому факту, что в советский период сформировалось принципиально новое отношение к несовершеннолетним, законотворческая деятельность в отношении семьи в целом носила позитивный характер, способствовала усилению социальной защиты материнства и детства. Однако процессуальные права несовершеннолетних, как и прежде, мало интересовали законодателя.

В Конституции БССР 1978 г., провозгласившей построение развитого социализма и общенародного государства, закрепляется положение о правовой защите, материальной и моральной поддержке материнства и детства (ст. 33). В ст. 51 указывается, что «семья находится под защитой государства», а ст. 64 обязывает граждан заботиться о детях, готовить их к общественно-полезному труду, растить достойными членами общества. Принятие Конституции СССР

1977 г. и Конституции БССР 1978 г. изменило, таким образом, отношение общества к подрастающему поколению.

Принятие ряда международных документов, направленных на защиту прав детей (Женевская Декларация прав ребенка 1924 г., Декларация прав ребенка 1959 г., Конвенции о правах ребенка 1989 г.), которое сопровождалось утверждением идеи о приоритете интересов детей перед потребностями государства, не могло не сказаться на политике советского государства. Так, дети стали рассматриваться уже не как объекты, а как субъекты правоотношений, самостоятельно действующие граждане. Ст. 13 Закона Республики Беларусь от 19 ноября 1993 г. «О правах ребенка» и ст. 189 Кодекса о браке и семье закрепили положение о том, что несовершеннолетние в случае нарушения их прав могут обратиться не только в органы опеки и попечительства и прокуратуру, но и по достижении 14 лет – в суд.

Таким образом, в послеоктябрьский период происходит отказ от института родительской власти. Ребенок становится объектом государственной политики. Однако права ребенка в гражданском процессуальном законодательстве остаются недостаточно регламентированными [4, с. 15].

Список использованной литературы

1. *Кривонос А.В.* Исторический опыт борьбы с беспризорностью // Государство и право. 2003. №7. С. 92–98.
2. *Вентцель К. Н.* Отделение школы от государства и декларация прав ребенка. М.: Типо-литография Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К., 1918. 16 с.
3. История государства и права СССР. М.: Издательство МГУ, 1985 1986. Ч. 1. 1985. 279 с.
4. *Станишевская Л.П.* Историко-правовые аспекты зарождения и эволюции прав несовершеннолетних в гражданском процессе /под общ. ред. Т.С. Тарановой. Минск: РИВШ, 2020. 162 с.

Информация об авторе

Станишевская Людмила Петровна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин. Белорусский государственный экономический университет (220094; г. Минск, пр. Рокоссовского, 65, e-mail: Nic-lus@yandex.ru)

СЕКЦИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО, АДМИНИСТРАТИВНОГО И ИНФОРМАЦИОННОГО ПРАВА

УДК 342.4
ББК 67.400.1

Т.И. Афанасьева,
*кандидат юридических наук, доцент
Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*

ПОПРАВКИ В СТАТЬЮ 118 КОНСТИТУЦИИ РФ: ИТОГ И ОЖИДАНИЯ

Анализируются изменения Конституции РФ в части уточнения видов судопроизводства и судебной системы России. Делается вывод о сохраняющейся неопределенности в отношении конституционных (уставных) судов субъектов РФ. Рассматриваются возможные варианты развития законодательства по вопросам функционирования указанных судов.

Ключевые слова: поправки в Конституцию РФ; конституционная реформа; судебная система; судопроизводство.

Поправки в ст. 118 Конституции РФ [1] таковы, что заставляют задуматься о перспективах судебной системы России.

Одно из таких изменений, безусловно, позитивно. Речь идет об указании арбитражного судопроизводства как самостоятельного направления судопроизводства. В этой части корректировку Конституции РФ можно назвать долгожданной. А потому не удивительно, что Конституционный Суд РФ, которому до некоторого времени приходилось доказывать право арбитражного судопроизводства на существование, в п. 5.2 своего Заключения от 16 марта 2020 г. [2] признал ее не противоречащей Конституции РФ.

Свою позицию Конституционный Суд РФ, исходя из ее содержания, выстроил на пяти утверждениях.

Во-первых, Конституционный Суд РФ счел возможной опору на *факт* наличия в судебной системе РФ арбитражных судов. Немного странно, как нам кажется, выглядит этот аргумент в обосновании, поскольку получается, что фактически присутствующее в правовой системе Конституции РФ не

противоречит.

Во-вторых, Конституционный Суд РФ указал, что дела, рассматриваемые арбитражными судами, являются по своей правовой природе гражданскими и *административными*. В этом аргументе, на наш взгляд, Конституционный Суд РФ скорректировал одну из своих более ранних позиций. До внесения поправок в Конституцию РФ он говорил об арбитражном судопроизводстве только как об одном из направлений исключительно гражданского судопроизводства. Такой вывод следует из анализа используемых Конституционным Судом РФ формулировок в текстах ряда его постановлений. К примеру, в пункте 5 Постановления от 17 октября 2017 г. № 24-П [3] Конституционный Суд РФ говорит, что посредством гражданского судопроизводства осуществляют судебную власть суды общей юрисдикции и арбитражные суды. В пункте 4 Постановления Конституционного Суда РФ от 25 февраля 2020 г. № 9-П содержится следующая фраза: «по правилам гражданского (арбитражного) или административного судопроизводства...» [4].

Справедливости ради надо отметить, что в одном из определений Конституционного Суда РФ [5], а точнее особом мнении судьи, профессора М. И. Клеандрова, сформулировано положение, которое наводит на мысль о том, что уже давно в Конституционном Суде РФ существовало мнение о необоснованном ограничении арбитражного судопроизводства только гражданским. Из текста особого мнения М.И. Клеандрова следует, что арбитражные суды осуществляют и гражданское, и административное судопроизводство. Кроме того, мнение М.И. Клеандрова заставляет задуматься еще над одним вопросом – а не является ли административное судопроизводство разновидностью гражданского и арбитражного?

В-третьих, Конституционный Суд РФ подкрепил свою позицию относительно самостоятельности арбитражного судопроизводства напоминанием о том, что решения в рамках арбитражного судопроизводства принимаются и проверяются в том числе Верховным Судом РФ. Тем самым Конституционный Суд РФ подчеркнул и статус Верховного Суда РФ как единого

высшего судебного органа, и гарантированность надлежащего отправления правосудия в том числе в арбитражных судах.

В-четвертых, Конституционный Суд РФ в очередной раз указал на объективную необходимость существования арбитражного судопроизводства, которая предопределена, прежде всего, тем, что специфика субъектного состава и связанная с ним специфика предмета арбитражных споров требуют особого процессуального порядка.

Последний аргумент Конституционного Суда РФ базируется на констатации отсутствия несоответствия введения в текст Конституции РФ арбитражного судопроизводства принципу самостоятельности судебной власти, как и ограничения гарантированной статьями 18 и 46 Конституции РФ судебной защиты прав и свобод.

Таким образом, в вопросе конституционности арбитражного судопроизводства и видов судопроизводства в России отныне поставлена точка, чего нельзя сказать о другой поправке в ст. 118 Конституции РФ.

Часть 3 ст. 118 Конституции РФ дополнена положением, раскрывающим структуру судебной системы РФ: «Судебную систему Российской Федерации составляют: Конституционный Суд РФ; Верховный Суд РФ; федеральные суды общей юрисдикции; арбитражные суды; мировые суды субъектов РФ».

Эта поправка незамедлительно вызвала отклик в научных и практических кругах. Как мы видим, в перечне судов, составляющих судебную систему страны, не поименованы конституционные (уставные) суды субъектов РФ.

До внесения этой поправки в Конституцию РФ в доктрине прочно утвердилось мнение, что в Основном законе нет полного перечня судов, входящих в судебную систему РФ. Конституция РФ называла сначала только три высших суда – Конституционный Суд РФ (ст. 125), Верховный Суд РФ (ст. 126) и Высший Арбитражный Суд РФ (ст. 127). С 2014 года без последнего, в связи с его упразднением ст. 127 была исключена.

С учетом того, что в Конституции РФ не было исчерпывающего перечня судов, мы говорили о том, что полный перечень действующих в России судов

определен Федеральным конституционным законом «О судебной системе РФ» (далее – Закон о судебной системе) [6]. В результате, этот закон приобрел значение *ведущего* акта в установлении судебной системы РФ.

В соответствии с ч. 1 ст. 4 Закона о судебной системе, создание судов, не предусмотренных этим законом, не допускается. Данное положение позволяет сделать вывод, что любое изменение судебной системы РФ невозможно без внесения изменений в указанный закон. Между тем, Закон о судебной системе определяет, какие суды создаются в субъектах РФ на основе их собственных законов, и из их числа конституционные (уставные) суды не исключены, несмотря на изменившуюся формулировку ч. 3 ст. 118 Конституции РФ.

Возникает закономерный вопрос о судьбе конституционных (уставных) судов, учитывая, что Конституция РФ обладает высшей юридической силой среди всех нормативно-правовых актов государства, имеет прямое действие на всей территории страны, а законы и иные правовые акты, принимаемые в России, не должны противоречить ей. В таком случае, почему не приводится в соответствие с Конституцией РФ Закон о судебной системе?

Следует отметить, что вопрос о судьбе конституционных (уставных) судов был предметом обсуждения. Следовательно, отсутствие этих судов в тексте ст. 118 Конституции РФ не может быть случайностью.

На сегодняшний день в пятнадцати субъектах РФ действуют такие суды. Вместе с тем, вопрос востребованности таких судов чрезвычайно дискуссионный. По официальным данным самих конституционных (уставных) судов, размещенных на их сайтах в сети «Интернет», ими по существу (постановления и заключения) рассматривается очень небольшое количество обращений.

В частности, за период с 2010 г. по 2020 г. Конституционным Судом Кабардино-Балкарской Республики по существу рассмотрено 1 обращение, Республики Адыгея – 3, Республики Дагестан – 17, , Республики Марий Эл – 19, Республики Карелия – 23, Республики Ингушетия – 25, Республики Северная Осетия-Алания – 31, Республики Саха (Якутия) – 48, Республики Коми – 52,

Республики Татарстан – 60, Уставным судом г. Санкт-Петербурга – 16, Свердловской области – 53. Больше всего рассмотренных по существу обращений у Уставного Суда Калининградской области – 102 дела.

С учетом затрат региональных бюджетов на содержание конституционных (уставных) судов, которые исчисляются десятками, а где-то сотнями миллионов рублей в год, вопрос целесообразности функционирования таких судов стоит особенно остро. Опыт тех субъектов РФ, которые отказались в итоге от конституционных (уставных) судов (Республика Бурятия, Республика Тыва, Челябинская область), свидетельствует о том, что достаточно крупные бюджетные траты на содержание таких судов стали основной причиной их упразднения.

Примечательно и то обстоятельство, что относительно рассматриваемой поправки Конституционный суд РФ высказался предельно ясно. В п. 5.1 своего Заключения от 16 марта 2020 г. он указал, что согласно предлагаемой редакции ч. 3 ст. 118 перечень судов является исчерпывающим. Очевидно, в отношении конституционных (уставных) судов Конституционный Суд РФ не считал возможным исходить из *факта* их существования в российской судебной системе.

Как отметил А. Р. Султанов, упущение или намеренная попытка игнорировать позиции Конституционного Суда РФ не может быть основанием для неприменения этих правовых позиций правоприменителем [7]. В этой связи вполне понятна позиция тех, кто говорит об упразднении конституционных (уставных) судов [8].

Надо сказать, что в ряде субъектов РФ ждут законопроекта от Государственной Думы РФ, но в Государственной Думе РФ пока об этом не задумывались, судя по той информации, которая попадает в СМИ. И в числе законопроектов, находящихся сейчас на рассмотрении в Государственной Думе РФ, действительно, нет тех, которые были бы направлены на изменение Закона о судебной системе.

Впрочем, конституционные (уставные) суды, как нам кажется, могут и остаться в судебной системе России. Обращает на себя внимание и тот факт, что первое предложение ч. 3 ст. 118 Конституции РФ сохранилось неизменным: «Судебная система Российской Федерации устанавливается Конституцией Российской Федерации и *федеральным конституционным законом*». Такой закон в стране один – Закон о судебной системе. Возможно, это позволит сохранить конституционные (уставные) суды в тех субъектах РФ, где они востребованы.

Возможен и еще один вариант развития событий вокруг конституционных (уставных) судов субъектов РФ. До принятия в 1996 г. Закона о судебной системе в качестве предшественников конституционных (уставных) судов в субъектах РФ функционировали органы конституционного надзора (контроля). Потому вполне можно допустить, трансформацию конституционных (уставных) судов в такие органы в тех регионах страны, где в них заинтересованы.

Список использованной литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.). URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.

2. О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации: заключение Конституционного Суда РФ от 16 марта 2020 г. № 1-3 // Вестник Конституционного Суда РФ. 2020. № 2.

3. По делу о проверке конституционности пункта 5 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Д.А. Абрамова, В.А. Ветлугаева и других: постановление Конституционного Суда РФ от 17 октября 2017 г. № 24-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2017. № 6.

4. По делу о проверке конституционности пункта 1 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.Н. Таратухина: постановление Конституционного Суда

РФ от 25 февраля 2020 г. № 9-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2020. № 2.

5. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Юдина Юрия Рудольфовича на нарушение его конституционных прав статьями 301 и 312 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 17 января 2012 г. № 174-О-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2012. № 4.

6. О судебной системе Российской Федерации: федер. конст. закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ (ред. от 30 окт. 2018 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 1. Ст. 1.

7. Султанов А. Р. Учет постановлений Конституционного Суда РФ и постановлений Европейского Суда по правам человека в гражданском процессе // Пролог: журнал о праве. 2013. № 2. С. 34–40.

8. Басманов Н. Уставные суды упрощаются? URL: https://zakon.ru/blog/2020/6/23/ustavnye_sudy_uprazdnyayutsya (дата обращения: 22.09.20).

Информация об авторе

Афанасьева Татьяна Ивановна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры организации судебной и прокурорско-следственной деятельности. Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (125993, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9, e-mail: tia82@bk.ru)

УДК 342:35
ББК 67.401.02

А.В. Бычков,
кандидат юридических наук, доцент
Иркутский институт (филиал)
Всероссийского государственного
университета юстиции
(РПА Минюста России)

МЕРЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕСОБЛЮЖДЕНИЕ АНТИКОРРУПЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА КАК МЕХАНИЗМ ПРОФИЛАКТИКИ КОРРУПЦИОННЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ

В статье систематизирована информация об основных элементах, в совокупности образующих свод запретов, ограничений и требований, установленных в целях противодействия коррупции. Приводятся примеры из правоприменительной практики, статистические сведения о лицах, занимавших государственные и муниципальные должности в Иркутской области, включенных в Реестр лиц, уволенных в связи с утратой доверия.

Ключевые слова: коррупция; профилактика коррупционных правонарушений; противодействие коррупции; антикоррупционное законодательство.

В Российской Федерации истекает срок действия Национального плана противодействия коррупции на 2018 – 2020 годы, утвержденного Указом Президента РФ от 29 июня 2018 г. №378 [1]. Мероприятия, предусмотренные данным документом стратегического характера, предусматривали, среди прочего, совершенствование системы запретов, ограничений и требований, установленных в целях противодействия коррупции; систематизацию и актуализацию нормативно-правовой базы по вопросам противодействия коррупции, устранение пробелов и противоречий в правовом регулировании в области противодействия коррупции.

Система запретов, ограничений и требований, установленных в целях противодействия коррупции, включает в себя следующие элементы.

1. Запрет открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами, установленный Федеральным законом «О противодействии коррупции» от 25 дек. 2008 г. №273-ФЗ (далее – Закон «О противодействии коррупции») и Федеральным законом от 7 мая 2013 года №79-ФЗ [2, 3]. Суть данного запрета сводится к тому, что все отношения с указанными активами должны быть прекращены, а при представлении сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера всё, что находится за рубежом, должно быть указано.

Достаточная информация о не соблюдении этого запрета лицами, перечисленными в Законе, является основанием для принятия решения об осуществлении проверки, процедурные вопросы (порядок, сроки и т.п.) проведения которой описаны в Положении о проверке достоверности и полноты сведений, представляемых гражданами, претендующими на замещение должностей федеральной государственной службы, и федеральными государственными служащими, и соблюдения федеральными государственными

служащими требований к служебному поведению, утв. Указом Президента РФ от 21 сентября 2009 г. №1065 [4]. Органам государственной власти субъектов Российской Федерации и органам местного самоуправления рекомендовано руководствоваться этим Указом при разработке аналогичных нормативных правовых актов.

Несоблюдение запрета влечет досрочное прекращение полномочий, освобождение от замещаемой (занимаемой) должности или увольнение в связи с утратой доверия.

2. *Обязанность представления сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера* (ст. 8 Закона «О противодействии коррупции»), невыполнение которой является правонарушением, влекущим освобождение от замещаемой должности. В этой связи складывается соответствующая судебная практика: например, в Иркутском областном суде в 2019 году рассматривалось дело по административному исковому заявлению Губернатора Иркутской области к Думе города Иркутска. Иркутский областной суд удовлетворил требования Губернатора области и в последующем по апелляционной жалобе Думы города Иркутска дело было рассмотрено в Верховном суде РФ. Суды пришли к выводу, что у Думы города Иркутска не было права запрашивать у губернатора Иркутской области документы, подтверждающие факты, являющиеся основанием для досрочного прекращения полномочий лиц, замещающих муниципальные должности [5, 6].

3. *Обязанность представления сведений о расходах*, установленная Федеральным законом от 3 декабря 2012 года №230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» [7]. Основанием для контроля является достаточная информация о том, что обязанным лицом, его супругой (супругом) и (или) несовершеннолетними детьми в течение отчетного периода совершены сделки (совершена сделка) по приобретению различного имущества на общую сумму, превышающую общий доход данного лица и его супруги (супруга) за три последних года, предшествующих отчетному периоду.

При выявлении в ходе осуществления контроля за расходами обстоятельств, свидетельствующих о несоответствии расходов данного лица, его супруги (супруга) и несовершеннолетних детей их общему доходу, Генеральный прокурор Российской Федерации или подчиненные ему прокуроры в порядке, установленном законодательством о гражданском судопроизводстве, обращаются в суд с заявлением об обращении в доход Российской Федерации указанного в законе имущества, в отношении которых данным лицом не представлено сведений, подтверждающих его приобретение на законные доходы, или об обращении в доход Российской Федерации денежной суммы, эквивалентной стоимости такого имущества, если его обращение в доход Российской Федерации невозможно.

Законодателем также установлено требование о размещении в интернете сведений об источниках получения средств, за счет которых совершены сделки (совершена сделка) по приобретению имущества, если общая сумма таких сделок превышает общий доход лица, и его супруги (супруга) за три последних года, предшествующих отчетному периоду.

Приведем соответствующий пример из судебной практики. В 2013 г. депутат Р. заключил две сделки купли-продажи по приобретению объектов недвижимого имущества на общую сумму 28 175 000 руб. Подтвержденный доход Р. за три последних года, предшествующих отчетному периоду, составил 5 410 252 руб. Суд удовлетворил требования об изъятии в доход Российской Федерации имущества, в отношении которого не представлены доказательства его приобретения на законные доходы [8].

4. Обязанность государственных и муниципальных служащих уведомлять об обращениях в целях склонения к совершению коррупционных правонарушений (статья 9 Закона «О противодействии коррупции». Невыполнение этой обязанности, является правонарушением, влекущим увольнение с государственной или муниципальной службы либо привлечение к иным видам ответственности в соответствии с законодательством Российской Федерации.

5. Обязанность соблюдения правил поведения в конфликте интересов, которые включают обязанность принимать меры по предотвращению и урегулированию конфликта интересов. Непринятие лицом, являющимся стороной конфликта интересов, мер по предотвращению или урегулированию конфликта интересов является правонарушением, влекущим увольнение указанного лица в соответствии с законодательством Российской Федерации.

6. Ограничения, налагаемые на гражданина, замещавшего должность государственной или муниципальной службы, при заключении им трудового или гражданско-правового договора, включающие обязанность уведомления таким гражданином своего работодателя и необходимость получения согласия соответствующей комиссии по соблюдению требований к служебному поведению государственных или муниципальных служащих и урегулированию конфликта интересов.

Несоблюдение этой обязанности влечет прекращение трудового или гражданско-правового договора, заключенного с указанным гражданином, а для работодателя – привлечение к административной ответственности по статье 19.29 КоАП РФ.

Также имеется и ряд других ограничений и обязанностей, налагаемых на должностных лиц и лиц, замещающих муниципальные должности, например, на замещение определенных должностей, занятие предпринимательской деятельностью, использование служебной информации, получение гонораров, на служебные командировки, на вхождение в состав попечительских советов, как иностранных организаций, так и российских.

За нарушение антикоррупционного законодательства лицо подлежит увольнению (освобождению от должности) в связи с утратой доверия. Эти случаи перечислены в статье 13.1 Закона «О противодействии коррупции».

Сведения об увольнении (освобождении от должности) в связи с утратой доверия за совершение коррупционного правонарушения включаются государственным органом (органом местного самоуправления), в котором это лицо замещало соответствующую должность, в Реестр лиц, уволенных в связи с

утратой доверия. Так, например, из 2432 лиц, включенных в Реестр по состоянию на 9 ноября 2020 г. **62 лица** – из Иркутской области, в том числе: 50 депутатов муниципальных образований, 5 сотрудников администраций муниципальных образований, министр лесного комплекса Иркутской области; заместитель министра строительства, дорожного хозяйства Иркутской области; руководитель службы ветеринарии Иркутской области – главный государственный ветеринарный инспектор Иркутской области; начальник боевого отделения отряда № 2 спецназначения УКОН ГУ МВД России по Иркутской области; инспектор отдела надзорной деятельности и профилактической работы г. Иркутска управления надзорной и профилактической работы ГУ МЧС России по Иркутской области; заместитель командира отряда (по службе) специального отряда быстрого реагирования Управления Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации по Иркутской области; инженер (по связи и специальной технике) технической группы отделения материально-технического обеспечения Управления Ростгвардии по Иркутской области; специалист 1 разряда правового отдела УФНС России по Иркутской области [9].

Подводя итог, отметим, что несмотря на порой обоснованную критику действующего антикоррупционного законодательства [см., напр., 10–12], можно констатировать: нормативно-правовое регулирование, направленное на профилактику коррупции, в целом, представляет собой достаточно прозрачную систему, позволяющую эффективно противодействовать этому негативному явлению.

Список использованной литературы

1. О Национальном плане противодействия коррупции на 2018 – 2020 годы: Указ Президента РФ от 29 июня 2018 г. № 378 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 27. Ст. 4038.
2. О противодействии коррупции: федер. закон РФ от 25 дек. 2008 г. №273-ФЗ (ред. от 24 апр. 2020 г.) // Российская газета. 2008. 30 дек.
3. О запрете отдельным категориям лиц открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами:

федер. Закон РФ от 7 мая 2013 г. №79-ФЗ (ред. от 1 мая 2019 г.) // Российская газета. 2013. 15 мая.

4. О проверке достоверности и полноты сведений, представляемых гражданами, претендующими на замещение должностей федеральной государственной службы, и федеральными государственными служащими, и соблюдения федеральными государственными служащими требований к служебному поведению (вместе с «Положением о проверке достоверности и полноты сведений, представляемых гражданами, претендующими на замещение должностей федеральной государственной службы, и федеральными государственными служащими, и соблюдения федеральными государственными служащими требований к служебному поведению»): Указ Президента РФ от 21 сент. 2009 г. №1065 (ред. от 9 авг. 2018 г.) // Российская газета. 2009. 22 сент.

5. О признании частично недействующими п. 9 Порядка досрочного прекращения полномочий лиц, замещающих муниципальные должности города Иркутска, за совершение коррупционных правонарушений, утв. решением Думы г. Иркутска от 28 июня 2018 г. №006-20-480753/8 и п. 14 Порядка досрочного прекращения полномочий лиц, замещающих муниципальные должности города Иркутска, за совершение коррупционных правонарушений, утв. решением Думы г. Иркутска от 28 июня 2018 г. №006-20-480753/8 (ред. от 28 июня 2019 г.): решение Иркутского областного суда от 19 авг. 2019 г. №3а-107/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

6. Об изменении решения Иркутского областного суда от 19 авг. 2019 г., которым были признаны недействующими пункты 9 и 14 порядка досрочного прекращения полномочий лиц, замещающих муниципальные должности города Иркутска, за совершение коррупционных правонарушений, утв. решением Думы г. Иркутска от 28 июня 2018 г. №006-20-480753/8: апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 18 дек. 2019 г. №66-АПА19-12 // СПС «КонсультантПлюс».

7. О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам: федеральный закон от 3 дек. 2012 г. №230-ФЗ (ред. от 3 авг. 2018 г.) // Российская газета. 2012. 5 дек.

8. Обзор судебной практики по делам по заявлениям прокуроров об обращении в доход Российской Федерации имущества, в отношении которого не представлены в соответствии с законодательством о противодействии коррупции доказательства его приобретения на законные доходы, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30 июня 2017 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

9. Реестр лиц, уволенных в связи с утратой доверия (список). – URL: <https://gosszluzhba.gov.ru/reestr>.

10. *Шорохов В.Е.* Правовые основы государственной антикоррупционной политики в России // Российская юстиция. 2019. №11. С. 49–51.

11. *Козлов Т.Л.* Перспективы развития российского законодательства о противодействии коррупции // Журнал российского права. 2020. №5. С. 158–166.

12. *Пресняков М.В., Чаннов С.Е.* Реестр лиц, уволенных с государственной и муниципальной службы в связи с утратой доверия: вопросы эффективности // Журнал российского права. 2020. №10. С. 168–183.

Информация об авторе

Бычков Артур Викторович – кандидат юридических наук, доцент, директор. Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (664011, г. Иркутск, ул. Некрасова, 4, e-mail: 0338@mail.ru)

УДК338.2

ББК 73

Е.М. Зубович,
*Иркутский институт (филиал)
Всероссийского государственного
университета юстиции
(РПА Минюста России);
ГАУ «Иркутский областной
многофункциональный центр
предоставления государственных и
муниципальных услуг»*

К ВОПРОСУ ЦИФРОВОГО РАЗВИТИЯ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УСЛУГ ЧЕРЕЗ МНОГОФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ЦЕНТРЫ (МФЦ)

Ожидания современного общества диктуют повсеместного внедрения информационных технологий в государственные процессы. Автором проводится анализ соответствия законодательства Российской Федерации и практики постоянного совершенствования процессов предоставления государственных услуг за счет инновационных решений и цифрового развития.

Ключевые слова: государственные услуги; предоставление государственных услуг; сервисы; многофункциональные центры; административный регламент; принцип экстерриториальности; проактивная модель.

В настоящее время государственные услуги (сервисы) широко представлены в сети Интернет: единый портал государственных услуг (далее – госуслуг), электронные сервисы на сайтах органов власти и в мобильных приложениях. Сегодня в России более 100 млн человек пользуются порталом

госуслуг, через который можно получить паспорт, записаться на прием к врачу, оплатить штрафы, узнать пенсионные начисления и др.

При этом у общества есть запрос на предоставление государственных услуг в инновационной форме: в проактивном формате и экстерриториально. Такой формат позволяет реализовать развитие современных цифровых технологий, а также технологий больших данных и знаний [1, с. 26].

В России с 2007 года действует система МФЦ – многофункциональных центров предоставления государственных и муниципальных услуг, в которых можно получать госуслуги с помощью «универсальных специалистов». МФЦ также интегрируются в систему электронных сервисов органов власти и соперничают друг с другом по внедрению инновационных и цифровых решений [2, с. 62].

Законодательной базой предоставления услуг, в том числе для работы МФЦ, является Федеральный закон «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» от 27.07.2010 № 210-ФЗ (далее – 210-ФЗ) [3]. Государственные и муниципальные услуги отождествляются, так как процессы оказания услуг очень схожи, представляют собой некую квинтэссенцию и называются общим термином – «госуслуги». В числе прочего 210-ФЗ определяет требования и обязанности при взаимодействии всех участников процесса оказания госуслуг, в том числе и с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. На практике внедрение инновационных и цифровых решений при оказании государственных и муниципальных услуг выявляет проблематику несовершенства законодательной базы, а именно 210-ФЗ.

Одним из новых принципов предоставления государственных услуг является внедрение проактивной модели. Так, проактивная модель предоставления госуслуг позволяет оказывать услугу до обращения заявителя. Речь идёт о ситуациях, когда гражданину сообщается о необходимости замены паспорта по достижению возраста или о том, что его настоящее социальное

положение предусматривает назначение социальных пособий, назначение пенсионных выплат и т.п.

Практика назначения выплат в период пандемии коронавируса сложилась таким образом, что выплаты назначались в приближении к проактивной модели – гражданину достаточно было указать на портале госуслуг реквизиты счета для перечисления денежной выплаты, заявление оформлялось единожды в электронном виде или через МФЦ. Без преувеличения можно констатировать, что предоставление органом власти госуслуг без необходимости обращения заявителей – это уже сложившаяся практика.

Однако в настоящее время отсутствуют правовые условия, позволяющие начать предоставление услуги до фактического обращения заявителя. Ст. 2 210-ФЗ определяет, что государственные и муниципальные услуги «осуществляются по запросам заявителей», т.е. имеют исключительно заявительный характер. Данный недостаток закона представляется весьма существенным.

Кроме того, краеугольным камнем при оказании конкретной госуслуги является административный регламент – нормативный правовой акт, устанавливающий порядок предоставления государственной или муниципальной услуги и стандарт предоставления государственной или муниципальной услуги [4]. Именно этот документ описывает заявительный характер и определяет порядок предоставления услуги, требуемые документы и случаи возникновения права на услугу.

Общим правовым лекалом для написания административных регламентов является как раз тот же самый 210-ФЗ (глава 3), который и требует совершенствования. При формировании нововведений в статьи 210-ФЗ также необходимо учитывать наличие прочно устоявшегося института МФЦ. Функция МФЦ – предоставление госуслуг в одном месте, законодательно МФЦ не оказывает непосредственно госуслугу, а осуществляет прием документов, передачу их в орган власти и выдачу результата услуги [5].

При этом роль многофункциональных центров усиливается и активно претерпевает изменения – происходит отказ от получения государственных

услуг в местах нахождения органов власти и переход к их предоставлению исключительно через МФЦ. Необходимым условием работы МФЦ становится принцип экстерриториальности – возможность гражданина независимо от места жительства и места нахождения получать госуслуги в любом МФЦ региона или страны [6, с. 43].

Необходимо отметить позитивное развитие российского законодательства о государственных и муниципальных услугах, в частности, закрепление чёткого определения терминологии и порядка предоставления проактивных государственных и муниципальных услуг.

Однако сегодня еще имеются нерешенные проблемы в области управления предоставлением государственных и муниципальных услуг. В настоящее время отсутствуют правовая база, позволяющая начать оказывать услуги по экстерриториальному признаку. Федеральные органы власти, предоставляющие массовые услуги через МФЦ, инициируют изменения в ведомственные нормативные правовые акты для урегулирования разрыва законодательства. Так, представляется весьма важным определение исходных начал оказания госуслуг по принципу экстерриториальности в 210-ФЗ, при этом необходимо учитывать законодательную возможность доступа МФЦ в информационные базы федеральных, региональных и муниципальных органов власти, оказывающих госуслуги [7, с. 85].

Не урегулировано должным образом и межведомственное взаимодействие при предоставлении государственных услуг по принципу экстерриториальности через МФЦ и в электронном виде.

Таким образом, можно предположить, что сеть МФЦ является перспективной формой государственной и муниципальной административной деятельности, нуждающейся в дальнейшем качественном развитии, а современное состояние общества тесно связано с развивающимися интернет-технологиями, помогающими органам власти и учреждениям оказывать качественные, востребованные и доступные услуги [8, с. 149].

Список использованной литературы

1. *Гаврилова Л.А.* Многофункциональные центры предоставления государственных и муниципальных услуг: преимущества и проблемы создания // *Сервис Plus*. 2015. Т. 9. № 1. С. 26–33.
2. *Казанов А.М.* Роль многофункциональных центров предоставления государственных и муниципальных услуг в системе регионального «электронного правительства» // *Известия Иркутского государственного университета. Сер. «Политология. Религиоведение»*. 2016. Т. 15. С. 62–68.
3. Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг: Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ (в ред. от 31 июля 2020 г.) // *Российская газета*. 2010. 30 июля.
4. Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления: указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 601 // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2012. № 19. Ст. 2338.
5. Об утверждении Правил организации деятельности многофункциональных центров предоставления государственных и муниципальных услуг: постановление Правительства Российской Федерации от 22.12.2012 г. № 1376 (в ред. от 16 ноября 2020 г.) // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2012. № 53 (ч. II). Ст. 7932.
6. *Морев В. А., Денисов С. Е.* Развитие многофункциональных центров предоставления государственных и муниципальных услуг в 2007-2018 гг. и их интеграция с электронным правительством // *Научный результат. Технологии бизнеса и сервиса*. 2019. Т.5. № 3. С. 42–51.
7. *Михайлова С.С.* Современное состояние развития системы многофункциональных центров в республике Бурятия // *Economics / Colloquium-Journal*. 2019. № 8 (32). С. 84–86.
8. *Прокофьева А.И.* Оценка эффективности предоставления государственных и муниципальных услуг на базе МФЦ в регионах России // *Вестник Поволжского института управления*. 2018. Т. 18. № 2. С.140–149.

Информация об авторе

Зубович Евгений Михайлович – заместитель директора. ГАУ «Иркутский областной многофункциональный центр предоставления государственных и муниципальных услуг». Старший преподаватель кафедры государственно-муниципального управления и предпринимательского права. Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (664005, г. Иркутск, ул. Некрасова, д. 4, e-mail: zubovich@gmail.com)

Н.В. Кешикова,
кандидат юридических наук, доцент
Иркутский институт (филиал)
Всероссийского государственного
университета юстиции
(РПА Минюста России)

СИСТЕМА ПОРЯДКА ФОРМИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ: АЛГОРИТМ ДЕФИНИРОВАНИЯ, СТРУКТУРА, ЗНАЧИМОСТЬ

В статье рассматриваются некоторые существующие в современной науке подходы к определению понятия «структура» через призму познания порядка формирования государственных органов как системного образования. В развитие существующих взглядов автор с опорой на комплексный подход формулирует собственную дефиницию «структуры системы порядка формирования государственных органов», предлагает свой алгоритм построения определения понятия «система порядка формирования государственных органов» через ближайший вид и индивидуальные отличия, а также выявляет значимость исследуемой системы.

Ключевые слова: система; порядок формирования государственных органов; структура; подходы к пониманию.

Актуальность темы исследования обусловлена сложившимся на сегодняшний день несовершенством конституционно-правового закрепления системы государственной власти Российской Федерации в целом и системы порядка формирования государственных органов, в частности, отмечаемым как научным сообществом (Сыманюк Н.В., 2014; Ряховская Т.И., 2015; Сибилёв Ю.Н., 2016; Мирзоев М.Г., 2017; Петухова Н.В.; 2018; Балаева Д.Р., 2019 и др.), так и представителями государственных органов [1; 2]. Так в последнем своем Послании Федеральному Собранию РФ Президент РФ В.В. Путин предложил закрепить в Конституции РФ принципы единой системы публичной власти, выстроить эффективное взаимодействие между государственными и муниципальными органами [1], что нашло отражение в самом тексте Конституции РФ после всенародного одобрения поправок [3]. Тем не менее обсуждение вопросов трансформации системы государственной власти [4] и

оптимизации системы порядка формирования государственных органов [5; 6], взаимодействия между ее элементами, продолжаются в российской юридической науке и по сей день. В этой связи хотелось бы заострить внимание на проблеме понимания структуры системы порядка формирования государственных органов, алгоритме построения определения понятия соответствующей системы, а также ее значимости.

Как известно, понятийный аппарат науки конституционного права создает необходимую теоретико-правовую основу для познания объективных закономерностей, связанных с реализацией конституционно-правовых норм. В этом отношении «порядок формирования государственных органов» в качестве института выступает как неотъемлемая составляющая часть конституционного права, одновременно демократический порядок формирования государственных органов отражает одну из необходимых сторон принципа демократизма в составе основ конституционного строя России. В качестве такового данный порядок имеет собственный понятийный аппарат, на основе которого осуществляется познание объективных закономерностей функционирования всей системы порядка формирования государственных органов. Здесь основополагающим, «ядерным» понятием в процессе исследования данного системного образования является по логике и по праву родовое понятие – «система». Именно системность исследуемого явления позволит нам выявить в дальнейшем основные закономерности функционирования существующего порядка формирования государственных органов.

Далее следует заметить, что в науке так и не выработан универсальный ответ на вопрос, что из себя представляет структура исследуемой системы. Традиционное семантическое понимание структуры включает несколько значений [7]. И в философии структура системы описывается по-разному. Это напрямую зависит от того, каким подходом руководствуются ученые – чисто коммуникативным [8], либо коммуникативно-функциональным [9], либо применяют системно-структурный метод познания [8], либо системно-целевой подход [10]. В результате мы сталкиваемся с различными определениями как

структуры, так и системы. Чтобы найти некий компромисс, в нашем варианте понимания структура системы должна оцениваться с учетом нескольких подходов, комплексно. Такая позиция по логике соотносится с нашими представлениями о порядке формирования государственных органов как деятельности, основанном на методологическом плюрализме, обеспечивающим использование различных, многоплановых приемов, способов и средств научного познания объектов государственно-правовой действительности. В связи с чем порядок формирования государственных органов как деятельность исследуется нами через призму комплексного подхода с применением синтеза системно-структурного и деятельностного приемов анализа [6]. По логике и структура данного порядка как деятельности предстает в виде многопланового феномена, имеющего различные инварианты существования и функционирования и в связи с чем, нуждается в комплексном подходе к ее познанию. Тем более, что подобного рода попытки в отношении структуры системы как родового понятия и явления предпринимаются в науке. Например, В. Н. Садовский, А. Ю. Бабайцев используют синтез приемов – системно-структурный, коммуникативный, средовой [11].

Следовательно, в нашем случае структура порядка формирования государственных органов представляет собой единство выделенных на основе принципов сохранения или инвариантности ее целостных свойств и состава элементов, порядка и принципов их взаимодействия, а также устойчивых связей между ними, которые организуются под влиянием соответствующего характера взаимоотношений между самими структурными элементами и её взаимоотношением со внешней средой – сферой институционализации и воспроизводства государственности. Что касается соотношения понятий «система» и «система порядка формирования государственных органов», то по мнению автора, более широким(родовым) следует считать понятие «система» в целом. Поэтому указание в термине «система порядка формирования государственных органов» на вид системы освобождает в дальнейшем от обязанности приводить в определении общие, родовые признаки системы. Их

наличие в характеристике презюмируется. А определение понятия «система порядка формирования государственных органов» следует построить с учетом того, какими видовыми признаками система порядка формирования государственных органов отличается от других видов систем. В связи с этим понятие «система порядка формирования государственных органов» должно строиться на основе общего родового понятия «система» с переходом к видовым признакам и учетом индивидуальных особенностей интересующей нас системы порядка формирования государственных органов. Дальнейшее совершенствование системы порядка формирования государственных органов необходимо осуществлять путем развития ее системно-структурных признаков в процессе дифференциации и типологии самого порядка. В целом же система порядка формирования государственных органов имеет основополагающее значение, так как не только обуславливает общие количественные и качественные пределы установления и применения порядка формирования государственных органов, категорию институционализации и воспроизводства государственности, особенности выбора и установления того или иного типа порядка формирования во взаимосвязи с видовой принадлежностью государственных органов, но и служит демократическим началом системы основ конституционного строя России и одновременно основой системы государственной власти Российской Федерации.

Список использованной литературы

1. Послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию РФ от 15 января 2020 года. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/62582> (дата обращения 03.09.2020).
2. Ежегодный отчет Правительства в Государственной Думе Федерального Собрания РФ от 22 июля 2020 года. URL: <http://government.ru/news/40074/> (дата обращения 03.09.2020).
3. Конституция Российской Федерации (принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. с изм., одобр. в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.). URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения 03.09.2020).
4. *Суходольский Г.М.* Конституционно-правовые основы взаимодействия в системе государственной власти Российской Федерации: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук / 12.00.02. Казань, 2019. 29 с.

5. *Кешикова Н.В.* Концепт «идентификация» в понятийном аппарате исследования концептуальной модели порядка формирования государственных органов // В сб.: Проблемы современного законодательства России и зарубежных стран. Мат-лы VII Межд. научно-практ. конф. Иркутск, 2018. С. 55–59.

6. *Кешикова Н.В.* Проблемы идентификации концептуальной модели порядка формирования государственных органов в теории конституционного права. Иркутск, 2018. 231 с.

7. Общий толковый словарь русского языка. URL: <http://tolslovar.ru/s13370.html> (дата обращения 03.09.2020).

8. Новая философская энциклопедия: В 4 тт. / под редакцией В.С. Стёпина. М., 2001. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/page/abouthttps://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/page/about> (дата обращения 03.09.2020).

9. *Полеиук И.А.* Структурный аспект организации систем // Журнал Economics. 2015. С. 53–56.

10. *Кант И.* Сочинения в шести томах. Том 5. М.: Изд-во «Мысль», 1966. 564 с.

11. *Садовский В.Н. [и др.]* Система / отв. ред.: А.В. Агеев. URL: <https://gtmarket.ru/concepts/7091> (дата обращения 03.09.2020).

Информация об авторе

Кешикова Наталья Владимировна – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права. Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (664011, г. Иркутск, ул. Некрасова, 4, e-mail: nvkeshikova2011@mail.ru)

УДК 342.9

ББК 67.401.041

А.Г. Самусевич,
*кандидат юридических наук
Иркутский институт (филиал)
Всероссийского государственного
университета юстиции
(РПА Минюста России)*

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕВЫПОЛНЕНИЕ ПРАВИЛ ПОВЕДЕНИЯ ПРИ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ СИТУАЦИИ ИЛИ УГРОЗЕ ЕЕ ВОЗНИКНОВЕНИЯ (ст. 20.6.1 КоАП РФ)

В рамках статьи автор предпринимает попытку анализа состава правонарушения, предусмотренного ст. 20.6.1 КоАП РФ. Данная норма была принята в первоначальный период появления и распространения коронавирусной инфекции COVID-19 и предусматривает ответственность за

невыполнение установленных правил в сфере противодействия указанной инфекции. Отмечается, что на сегодняшний день затруднена практическая реализация этой нормы, так как не определены конкретные деяния и отсутствуют ресурсы для ее применения.

Ключевые слова: административное правонарушение; административная ответственность; невыполнение правил поведения, коронавирусная инфекция, COVID-19.

Приступая к исследованию обозначенных вопросов, как видится, следует отметить, что в настоящее время административно-правовая политика государства в сфере противодействия коронавирусной инфекции COVID-19 требует все большего научного осмысления с целью ее эффективной реализации. Полагаем, что актуальность правовых исследований в рассматриваемой области обусловлена тем обстоятельством, что именно правовая политика оказывает существенное влияние на функционирование практически всех областей жизнедеятельности населения той или иной страны.

Анализ отечественной и зарубежной литературы показывает, что авторы в основном уделяют внимание тем мерам, которые соответствующие государства предпринимали в связи с угрозой распространения такой инфекции.

Стоит иметь в виду, что правовая политика в рассматриваемой сфере может являться эффективным способом борьбы с коронавирусной инфекцией, если она качественно регулирует общественные отношения, которые возникают по поводу противодействия распространения этой инфекции. Это, в первую очередь, зависит от того, насколько качественные нормативные акты и акты управления были приняты и реализованы. Насколько они адекватно отвечают тем угрозам, которые несет COVID-19.

Так, в свете реализации рекомендаций всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), практически во всех странах мира, в том числе и в России, были введены ограничительные меры, которые заключались в установлении специального режима для граждан, выражающегося во всеобщей самоизоляции, приостановлении деятельности некоторых предприятий и др. Были определены и правила поведения для граждан и юридических лиц в период

данного режима. Как видится, нет смысла их все перечислять, а обратим наше внимание на проблемные вопросы административной ответственности за невыполнение установленных правил.

Итак, с 1 апреля 2020 года в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) [1] Федеральным законом от 1 апр. 2020 г. № 99-ФЗ [2] была внесена статья 20.6.1 «Невыполнение правил поведения при чрезвычайной ситуации или угрозе ее возникновения». На первый взгляд, вполне логично было со стороны государства установить меры юридической ответственности для тех граждан, которые сознательно нарушали установленные правила. При этом были установлены и повышенные штрафные санкции для граждан (от одной тысячи до пятидесяти тысяч рублей).

В связи с этим, интерес представляет определение сущности указанного правонарушения, а именно его объективной стороны. Кроме того, большие вопросы возникают и при умысле совершения такого правонарушения.

Проблема состоит в том, что данное правонарушение в большинстве случаев остается латентным, что также говорит об неэффективности данной нормы. Высокий уровень латентности заключается в том, что, во-первых, правонарушитель не всегда знает, что становится субъектом правонарушения, так как не подозревает о том, что заражен коронавирусной инфекцией и продолжает посещать места массового скопления людей без средств защиты, а во-вторых, компетентные органы государственной власти не спешат фиксировать такие правонарушения даже при их наличии. В какой-то мере сказанное подтверждается и статистической информацией. Так, например, по информации Правительства Иркутской области по состоянию на 2.10.2020г. зарегистрировано 19,4 тыс. случаев коронавирусной инфекции, что составляет 809,8 на 100 тыс. населения. Это выше, чем показатель по России, который составляет 801,6 на 100 тыс. населения. Заболевание протекает с клиникой внебольничной пневмонии – в более чем 14 % случаев, ОРВИ – около 28%, бессимптомно – 57–58% случаев [3].

Вполне очевидно, что, принимая данную норму, законодатель стремился к тому, чтобы на первоначальном этапе распространения коронавируса, сдержать

его, в том числе, и с помощью мер государственного принуждения. Однако по истечении времени стало понятно, что практической реализации в условиях российской действительности данная норма не получит. Во-первых, любое привлечение граждан к административной ответственности в такой сложный период вызывает серьезное недовольство в обществе, а, во-вторых, соблюдение и выполнение таких правил в полном объеме не представляется возможным.

Если анализировать объективную сторону рассматриваемого правонарушения, то видно, что диспозиция указанной нормы определяет, что правонарушение наступает за невыполнение правил, которые установлены Постановлением Правительства РФ от 2 апр. 2020 г. № 417 [4]. В частности, в указанных Правилах устанавливаются следующие обязанности для граждан:

- соблюдать общественный порядок, требования законодательства РФ о защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, о санитарно-эпидемиологическом благополучии населения;

- выполнять законные требования (указания) руководителя ликвидации чрезвычайной ситуации, представителей экстренных оперативных служб и иных должностных лиц, осуществляющих мероприятия по предупреждению и ликвидации чрезвычайной ситуации;

- при получении инструкций (указаний) от уполномоченных должностных лиц, в том числе через средства массовой информации или операторов связи, эвакуироваться с территории, на которой существует угроза возникновения чрезвычайной ситуации, или из зоны чрезвычайной ситуации и (или) использовать средства коллективной и индивидуальной защиты и другое имущество (в случае его предоставления органами исполнительной власти субъектов РФ, органами местного самоуправления и организациями), предназначенное для защиты населения от чрезвычайных ситуаций.

И если из федеральных Правил усматриваются только общие обязанности, то в актах субъектов РФ такие правила поведения уже в какой-то мере были конкретизированы. Так, в соответствии с Правилами поведения при введении

режима повышенной готовности на территории Иркутской области... [5], гражданам в этот период предписывается:

- при посещении магазинов и других помещений организаций и совершении поездок в общественном транспорте использовать средства индивидуальной защиты органов дыхания (маски и т.п.) (ч. 2.1 Правил);

- при появлении признаков респираторного заболевания (ОРВИ) таких, как повышенная температура тела, кашель и др., незамедлительно вызывать врача на дом (п. 2 ч. 11 Правил).

При этом лицам в возрасте 65 лет и старше рекомендовано соблюдать режим самоизоляции до исключения угрозы жизни и здоровью граждан, в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19). Стоит обратить внимание на тот факт, что термин «самоизоляция» встречается только по отношению к указанной категории граждан.

Кроме того, позже был издан указ Губернатора Иркутской области № 279-уг от 12.10.2020 г. [6], который продублировал некоторые положения указа № 59-уг, а также были дополнены некоторые правила поведения для граждан. В частности, гражданам предписывается, что в случае получения положительного анализа на коронавирусную инфекцию, в том числе при самообращении в медицинскую организацию, осуществляющую тестирование, в течение одних суток со дня получения результата анализа сообщить информацию о факте заболевания:

- ответственному должностному лицу, определенному работодателем;
- образовательной организации, в которой гражданин получает очное образование.

Таким образом, административная ответственность за правонарушение, предусмотренное ст. 20.6.1. КоАП РФ может наступить в отношении граждан только за отсутствие маски находясь в магазине или другом помещении, а также в общественном транспорте. Сомнение вызывает второй аспект – вызов врача при появлении признаков ОРВИ. Так, если заболевший при этих признаках не вызывает врача на дом, то в данном случае имеются основания для привлечения

к ответственности по указанной статье. Также, если гражданин не сообщит в течение суток о факте заболевания, то это тоже является основанием для привлечения его к административной ответственности. Не совсем понятно, как меры юридической ответственности реализовать на практике.

Кроме того, гражданам необходимо постоянно отслеживать в СМИ и на информационных порталах новые требования и указания должностных лиц, так как их невыполнение влечет за собой юридическую ответственность.

Учитывая, что рассматриваемое правонарушение носит массовый и бесконтрольный характер, на что указывалось должностными лицами всех уровней власти, сегодня становится очевидно, что реализовать рассматриваемую норму практически невозможно. Как видится, необходимо конкретизировать правила поведения граждан в период режима повышенной готовности, так как речь идет о мерах юридической ответственности.

Список использованной литературы

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 дек. 2001 г. №195-ФЗ (ред. от 15 окт. 2020 г., с изм. от 16 окт. 2020 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. №1 (часть I). Ст. 1.

2. О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федер. закон РФ от 1 апр. 2020 г. № 99-ФЗ // Российская газета. 2020. 3 апр.

3. Областные парламентарии просят жителей соблюдать меры безопасности для предотвращения роста заболеваемости коронавирусной инфекцией / Сайт Законодательного Собрания Иркутской области. URL: <http://www.irk.gov.ru/events/news/detail.php?ID=31656> (дата обращения 04.10.2020).

4. Об утверждении Правил поведения, обязательных для исполнения гражданами и организациями, при введении режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации: постановление Правительства Российской Федерации от 2 апр. 2020 г. № 417 // Российская газета. 2020. 8 апр.

5. Правила поведения при введении режима повышенной готовности на территории иркутской области, на которой существует угроза возникновения чрезвычайной ситуации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19) (порядок передвижения на территории иркутской области лиц и транспортных средств, за исключением транспортных средств, осуществляющих межрегиональные перевозки): указ Губернатора Иркутской области от 18 марта 2020 года № 59-уг (ред. от 29 сент. 2020 г.). URL:

<https://irkobl.ru/coronavirus/covid19-acts.php/945640/> (дата обращения 04.10.2020).

6. О режиме функционирования повышенной готовности для территориальной подсистемы Иркутской области единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций: указ Губернатора Иркутской области от 12 октября 2020 № 279-уг. URL: <https://rg.ru/2020/10/12/irkutsk-ukaz279-reg-dok.html> (дата обращения 18.10.2020).

Информация об авторе

Самусевич Алексей Геннадьевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права. Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (664011, г. Иркутск, ул. Некрасова, 4, e-mail: samusevich79@mail.ru)

УДК 342.34
ББК 67.400.2

С.Н. Слободчикова,
Байкальский государственный университет

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА РЕФЕРЕНДУМА И ОБЩЕРОССИЙСКОГО ГОЛОСОВАНИЯ: КОМПАРАТИВНЫЙ ПОДХОД

Рассматриваются отличительные особенности правового регулирования референдума и общероссийского голосования. Определяются компаративные критерии, на основе которых устанавливаются особенности правовой природы двух демократических институтов, делается вывод о расширении границ принципа народовластия.

Ключевые слова: общероссийского голосование; референдум; принцип народовластия.

В конституционной правовой материи существуют классические институты народовластия, представляющие собой демократические ценности конституционного образа государства. Так, в части 3 статьи 3 Конституции Российской Федерации закреплено положение о референдуме как высшем непосредственном выражении власти народа. В дополнение вышеизложенному на федеральном уровне в статье 1 Федерального конституционного закона от 28 июня 2004 № 5-ФКЗ «О референдуме Российской Федерации» [1] (далее – ФКЗ «О референдуме РФ») данный институт определяется как всенародное голосование граждан РФ, обладающих правом на участие в референдуме, по

вопросам государственного значения. Согласно правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, обозначенной в Постановлении от 11 июня 2003 г. № 10-П [2], правовая сущность референдума раскрывается во взаимосвязи со свободными выборами – данные формы непосредственной демократии являются равноценными и дополняющими друг друга, однако имеют свои особенности и собственное предназначение в процессе осуществления народовластия.

В январе 2020 года глава государства внес в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проект Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» (далее – Закон РФ о поправке к Конституции РФ). В статье 2 данного законопроекта содержалось предписание о проведении общероссийского голосования как способа одобрения предложенных изменений в Конституцию РФ. Однако в статье 136 Конституции РФ закрепляется правовой механизм принятия поправок, согласно которому поправки принимаются в порядке принятия федерального конституционного закона и вступают в силу после их одобрения органами законодательной власти не менее чем двух третей субъектов РФ. В силу правовой позиции Конституционного Суда РФ [3] поправки принимаются в форме особого правового акта – закона Российской Федерации о поправке к Конституции РФ. Таким образом в конституционных положениях и правоприменительной практике вообще не предусматривается необходимость одобрения гражданами РФ таких поправок.

Представляется, что по своей конституционно-правовой природе референдум и общероссийское голосование схожи, однако Президент РФ определил именно общероссийское голосование как заключительный элемент вступления поправок в силу. В этой связи общероссийское голосование следует отличать от референдума по следующим критериям.

Первый критерий: правовая природа. Если референдум относится к формам непосредственной демократии [4, с. 22–29], то общероссийское голосование, полагаем, является институтом народного одобрения государственных решений.

Второй критерий: источник правового регулирования. В настоящее время вопросы организации и проведения федерального референдума разрешаются в положениях ФКЗ «О референдуме РФ». В свою очередь правовое регулирование общероссийского голосования по вопросу одобрения изменений в Конституцию РФ определяется в Законе РФ о поправке к Конституции РФ.

Третий критерий: сущность вопроса. Так, на референдум выносится вопрос, формулировка которого исключает множественность толкования, множественный ответ и неопределенность правовых последствий принятого на референдуме решения. Как известно, в Законе РФ о поправке к Конституции РФ содержалось более 200 предложений текстуального изменения глав 3–8, что делает невозможным исполнение вышеобозначенных требований. Предметный вопрос общероссийского голосования – одобрение населением изменений в действующую Конституцию РФ, предложенных Президентам РФ, принятых Федеральным Собранием РФ и одобренных законодательными органами государственной власти субъектов РФ.

Четвертый критерий: субъект инициативы. Инициатива проведения референдума принадлежит: 1) не менее чем двум миллионам граждан РФ, при условии, что на территории одного субъекта РФ находится место жительства не менее 50 тысяч из них; 2) федеральным органам государственной власти, но только в случаях и в порядке, предусмотренном международным договором РФ. Вместе с тем в положениях статьи 2 Закона РФ о поправке к Конституции РФ определяется, что инициатива проведения общероссийского голосования принадлежит Президенту РФ, а сама возможность проведения такого голосования появляется только после вступления в силу Закона РФ о поправке к Конституции РФ и в случае, если Конституционный Суд РФ даст положительное заключение о соответствии предложенных изменений положениям глав 1, 2 и 9 Конституции РФ.

Пятый критерий: определение результатов. Так, референдум РФ признается состоявшимся, если в голосовании приняло участие более половины всех зарегистрированных участников референдума, а решение считается принятым, если за него проголосовало более половины участников референдума, принявших участие в голосовании. В свою очередь в части 5 статьи 3 Закона РФ о поправке к Конституции РФ устанавливается только необходимое количество голосов для признания изменений в Конституцию РФ одобренными – более половины граждан РФ, принявших участие в голосовании. Вместе с тем количество участников общероссийского голосования, необходимое для признания такого голосования состоявшимся, в данном законе не устанавливается.

Перечень компаративных критериев референдума и общероссийского голосования не является исчерпывающим, но однозначно свидетельствует в пользу того, что общероссийское голосование имеет особую юридическую природу [5], отличную от референдума. Таким образом в конституционной плоскости общероссийское голосование расширило границы принципа народовластия как одной из основ конституционного строя России. Однако общероссийское голосование в отличие от референдума конституционно не закреплено, его дальнейшая правовая судьба не определена и может носить эпизодический характер.

Список использованной литературы

1. О референдуме Российской Федерации: федер. конст. закон от 28 июня 2004 г. № 5-ФКЗ (ред. от 18 июня 2017 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 27. Ст. 2710.
2. По делу о проверке конституционности Федерального конституционного закона «О внесении изменения и дополнения в Федеральный конституционный закон «О референдуме Российской Федерации» (с особым мнением судьи Конституционного Суда Российской Федерации В.О. Лучина) : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 11 июня 2003 г. № 10-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 25. Ст. 2564

3. По делу о толковании статьи 136 Конституции РФ: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 31 октября 1995 г. № 12-П // Собрание законодательства Российской Федерации. № 45. Ст. 4408.

4. *Петров А.А.* Институт референдума в свете решений Конституционного Суда Российской Федерации // Избирательное право. 2007. № 4. С. 22–29.

5. О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации: заключение Конституционного Суда Российской Федерации от 16 марта 2020 г. № 1-3 // Российская газета. 2020. 17 марта.

Информация об авторе

Слободчикова Светлана Николаевна – доцент кафедры государственно-правовых дисциплин. Институт государства и права Байкальского государственного университета (664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: sveta150189@gmail.com)

УДК 342.4
ББК 67.400.1

Л.М. Чуркина,
кандидат юридических наук
Уральский государственный экономический университет

КОНФЛИКТ КОНСТИТУЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ПРАКТИКЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ

Тезисы посвящены актуальной проблеме соотношения конституционных ценностей. Особое внимание уделено понятию и реализации конституционных ценностей в Российской Федерации. В статье анализируется практика применения конституционных ценностей, вытекающих из международных договоров, в Конституционном Суде РФ.

Ключевые слова: конституционные ценности; Конституционный Суд РФ; Европейский Суд по правам человека.

Понятие конституционных ценностей появилось с принятием Конституции Российской Федерации в 1993 году. Проведенные за этот период исследования данной категории конституционного права позволяют рассматривать данное

понятие с различных сторон. О.А. Снежко под конституционными ценностями понимает основополагающие, предельно обобщенные принципы (цели, установки), лежащие в основе российской государственности [1, с. 13]. Исходя из определения Н.В. Витрук: «Конституционная ценность – объекты реальной действительности, признанные в качестве основных ценностей и нашедшие свое закрепление и гарантирование в использовании, реализации, охране и защите в Конституции Российской Федерации» [2, с. 270].

Представляется, что наиболее полным является понятие конституционных ценностей, данное А.А. Кондрашовым. Он рассматривает конституционные ценности в качестве общесоциальных принципов (догматов) с правовой коннотацией, закрепленных в конституции или вытекающие из системного толкования нескольких конституционных предписаний, а также выявляемых в ходе интерпретационной деятельности органов конституционного правосудия, которые имеют целью обеспечить достижение такого соотношения интересов личности, общества и государства, где в приоритете высшая ценность личных прав человека в рамках возникших в ходе цивилизационного развития морально-нравственных, общесоциальных, этических, правовых, культурных и иных фундаментальных основ человеческого бытия [3, с. 21].

Правовой формой выражения конституционных ценностей выступают конституционные нормы, в частности, глава 1 и 2 Конституции РФ. Вместе с тем закрепление конституционных ценностей в Конституции РФ не гарантирует их реализацию на практике и требует активного участия Конституционного Суда Российской Федерации, выполняющего важную роль в процессе укрепления и развития конституционных ценностей в ходе отправления конституционного правосудия.

Таким образом, конституционные ценности закреплены в Конституции РФ, могут выявляться в правоприменительной деятельности Конституционного Суда Российской Федерации. Следует отметить, что в силу того факта, что Россия является субъектом международных правоотношений и, соответственно, участником многочисленных международных договоров, конституционные

ценности также вытекают из общепризнанных принципов и норм международного права, ратифицированных международных договоров. Данной точки зрения придерживаются и другие авторы [4, с.76].

Практика Конституционного Суда РФ в целом свидетельствует о том, что он признает за правовыми позициями Европейского Суда по правам человека доктринальное и юридическое значение для обеспечения конституционных ценностей в Российской Федерации.

В некоторых случаях правовые позиции Европейского Суда по правам человека оказывали решающее значение на решение вопроса Конституционным Судом РФ о конституционности [5]. В ряде решений Конституционный Суд выносил постановления ЕСПЧ в резолютивную часть решения [6].

Однако в последние годы возникли противоречия между практикой Конституционного Суда РФ и Европейского Суда по правам человека по вопросу исполнения решений ЕСПЧ нашим государством.

В решении Конституционного Суда от 19 апреля 2016 года № 12-П/2016 рассматривался вопрос об исполнении постановления ЕСПЧ по делу Анчугов и Гладков против России [7]. В данном деле ЕСПЧ постановил, что общий запрет на право голоса, наложенный автоматически в соответствии с пунктом 3 статьи 32 Конституции на всех осужденных к лишению свободы, противоречит статье 3 Протокола № 1. Конституционный Суд постановил, что постановление ЕСПЧ в России не подлежит исполнению.

В другом деле Конституционный суд рассмотрел вопрос о возможности исполнения решения ЕСПЧ от 31 июля 2014 года по делу ОАО «Нефтяная Компания ЮКОС против России». Дело касалось налогового и исполнительного производств, возбужденных в отношении российской нефтяной компании ЮКОС (далее – «Компания ЮКОС»). В постановлении от 20 сентября 2011 г. ЕСПЧ установил, что принудительное исполнение налоговых решений, включая продажу "Юганскнефтегаза" для взыскания налогов, а также в части удвоенных налоговых штрафов является незаконным и нарушало статью 1 Протокола №1. ЕСПЧ постановил, что Российская Федерация должна

выплатить 1 866 104 634 евро компании-заявителю акционеры и их правопреемники и наследники, в зависимости от обстоятельств, пропорционально их номинальному участию в компании.

Министерство юстиции подало ходатайство в Конституционный суд на основании «обнаруженной неопределенности в вопросе о возможности выполнения» постановления ЕСПЧ.

В своем решении Конституционный суд признал, что ЕСПЧ является «живым инструментом», призванным принимать во внимание изменения в области защиты прав человека». Тем не менее, Конституционный Суд указал, что российский конституционный строй не подчиняется европейской конвенционной системе. Он еще раз подтвердил, что «взаимодействие европейского конвенционного и российского конституционного правопорядков невозможно в условиях подчинения... только диалог между различными правовыми системами является основой для защиты прав человека и основных свобод в российском конституционном правопорядке и во многих отношениях зависит от уважения Европейского суда по правам человека к национальной конституционной идентичности».

Ссылаясь на толкование статей 26, 31 § 1 и 46 § 1 Венской конвенции о праве международных договоров, Конституционный суд выразил мнение, что постановление ЕСПЧ не может рассматриваться как обязательное для исполнения Российской Федерацией, «если конкретное положение Конвенции (...), на котором основано это постановление, в результате толкования осуществляется в нарушение общего правила толкования договоров, смысл вступает в противоречие с положениями Конституции Российской Федерации» [8]. Таким образом, Конституционный Суд подтвердил общий принцип, которым сейчас руководствуется при прочтении постановлений ЕСПЧ, ранее высказанный в своем решении об исполнении постановления ЕСПЧ Анчугов и Гладков.

Конституционный Суд счел, что выплата суммы, присужденной ЕСПЧ, противоречит конституционным принципам равенства и справедливости в

налоговых отношениях (статья 17, Раздел 3; Статья 19, разделы 1 и 2; Статья 55, разделы 2 и 3; Статья 57 Конституции). Суд сделал вывод, что постановление ЕСПЧ от 31 июля 2014 г. невозможно выполнить в соответствии с Конституцией (статья 57 в сочетании со статьями 15 (разделы 1, 2 и 4), 17 (раздел 3), 19 (разделы 1 и 2), 55 (Разделы 2 и 3) и 79).

Вместе с тем, Конституционный Суд не исключил возможности проявления доброй воли со стороны России в «определении границы компромисса и механизмов его достижения в отношении акционеров Компания ЮКОС». Он признал компетенцию правительства инициировать рассмотрение вопроса оплаты с лимитом, чтобы такой платеж не повлиял на бюджет доходов и расходов, а также имущество Российской Федерации.

Таким образом, практика Конституционного Суда РФ демонстрирует возникновение актуальной проблемы в соотношении публичных и частных конституционных ценностей.

Список использованной литературы

1. *Снежко О.А.* Правовая природа конституционных ценностей современной России // Сравнительное конституционное обозрение. 2005. №2. С. 13–19.
2. *Витрук Н.В.* Конституция Российской Федерации как ценность и конституционные ценности // Материалы науч.-практ. конф., посв. 15-летию Конституции РФ и 60-летию Всеобщей декларации прав человека (Санкт-Петербург, 13–14 ноября 2008 г.) / отв. ред. В.Д. Зорькин. М., 2009. С. 9–20.
3. *Кондрашов А.А.* Конфликт конституционных ценностей в теории и практике конституционного правосудия в России // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2015. №4. С. 21–29.
4. *Рудт Ю.А.* Влияние универсальных правовых ценностей на развитие национальных конституционно-правовых ценностей в России и Европе // Инновационное развитие юридической науки как фактор укрепления российской государственности: материалы III Межрегиональной научно-практической конференции, посвященной 20-летию Конституции Российской Федерации, г. Новосибирск, 1-2 ноября 2013 г. Новосибирск: Изд-во СибАГС, 2014. С. 447–450.
5. По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона "О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней", пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона "О международных договорах Российской Федерации", частей первой и

четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2015 г. №21-П // Российская газета. 2015. 27 июля.

6. По делу о проверке конституционности положений части второй статьи 170 и части второй статьи 235 Кодекса законов о труде Российской Федерации и пункта 3 статьи 25 Федерального закона «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» в связи с запросами Зерноградского районного суда Ростовской области и Центрального районного суда города Кемерово: постановление Конституционного Суда РФ от 24 янв. 2002 г. №3-П // Российская газета. 2002. 7 февр.

7. По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу «Анчугов и Гладков против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации: постановление Конституционного Суда РФ от 19 апреля 2016 г. №12-П // Российская газета. 2016. 5 мая.

8. По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 31 июля 2014 года по делу «ОАО "Нефтяная компания "ЮКОС" против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации: постановление Конституционного Суда РФ от 19.01.2017 №1-П // Российская газета. 2017. 3 февр.

Информация об авторе

Чуркина Людмила Михайловна – кандидат юридических наук, доцент кафедры конкурентного права и антимонопольного управления. Уральский государственный экономический университет (620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, 45/62, e-mail: lch2015@mail.ru)

НЕКОТОРЫЕ ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К АДМИНИСТРАТИВНОЙ И ДИСЦИПЛИНАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ СОТРУДНИКОВ ФСИН РОССИИ

В статье рассматриваются отдельные теоретико-прикладные аспекты привлечения к административной и дисциплинарной ответственности сотрудников ФСИН России. Автором обращается внимание на оптимизацию и дифференциацию вопросов привлечения к ответственности.

Ключевые слова: административная ответственность; дисциплинарная ответственность; система административных наказаний.

Институт юридической ответственности сотрудников ФСИН России традиционно является актуальным, достаточно значимым и не до конца исследованным в контексте одной из сторон их правового статуса. Важно подчеркнуть, что сам факт возможности наказания сотрудника, с одной стороны, определяет границы его правомерного и неправомерного поведения, а с другой – служит средством обеспечения надлежащего несения службы, соблюдения ими служебной дисциплины и законности в целом.

Важно отметить, что ответственность сотрудников ФСИН России напрямую связана с их правовым положением, что выражается в специальной регламентации ответственности указанных сотрудников (признании за ними статуса специальных субъектов ответственности).

Следовательно, по сравнению с общегражданским статусом, правовое положение сотрудника ФСИН России обуславливает в ряде случаев более строгую ответственность наделенных им лиц, расширяет круг оснований для привлечения их к ответственности. Это объясняется тем, что у сотрудников ФСИН России, ввиду наличия у них особых, в том числе, властных полномочий, существует возможность злоупотребления или неправильного распоряжения ими, что может повлечь серьезные нарушения прав человека и ущерб интересам

государства. В этой связи более строгая ответственность является необходимым условием для обеспечения законности в этой сложной сфере государственной деятельности, а это – в свою очередь – предопределяет достаточно жесткие требования к отбору кандидатов на службу.

Административная ответственность, являясь одним из средств правовой защиты установленного государством правопорядка, выражается в применении к правонарушителям административно-правовых наказаний, перечень которых закреплен в ст. 3.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [1] (далее – КоАП РФ).

Административная ответственность сотрудников ФСИН наступает в случае совершения ими административного правонарушения, которым признается противоправное, виновное действие (бездействие) физического или юридического лица, за которое КоАП РФ или законами субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях установлена административная ответственность. Вместе с тем, ответственность указанных субъектов подразделяется на общегражданскую и специальную.

В ст. 2.5 КоАП РФ сказано, что сотрудники органов и учреждений уголовно-исполнительной системы несут ответственность за административные правонарушения в соответствии с нормативными правовыми актами, регламентирующими порядок прохождения службы в указанных органах. Помимо сотрудников УИС, КоАП РФ перечисляет категории лиц, привлекаемых к ответственности в соответствии с нормативными правовыми актами, регламентирующими порядок прохождения службы в ряде государственных органов. К их числу отнесены: военнослужащие, граждане, призванные на военные сборы, и имеющие специальные звания сотрудники Следственного комитета Российской Федерации, органов внутренних дел, войск национальной гвардии Российской Федерации, органов принудительного исполнения Российской Федерации, Государственной противопожарной службы и таможенных органов.

Дисциплинарные взыскания применяются, как правило, в порядке служебного подчинения, только определенным кругом субъектов линейной власти, в пределах их компетенции и установленного перечня таких взысканий.

Таким образом, в случае совершения сотрудником ФСИН административного правонарушения, ответственность за которое должна наступать в рамках служебных отношений, уполномоченный орган административной юрисдикции (или его должностное лицо) обязаны направить материалы дела по месту прохождения службы сотрудником для решения вопроса о назначении ему дисциплинарного взыскания.

В общем виде основанием дисциплинарной ответственности является дисциплинарный проступок, то есть виновное нарушение правил, обязанностей службы, в частности, трудовой дисциплины. Под нарушением же дисциплины в юридической литературе понимается противоправное неисполнение или ненадлежащее исполнение по вине работника возложенных на него обязанностей [2, с. 119]. Противоправными признаются такие действия (бездействие), которые не соответствуют требованиям законодательства, либо прямо противоречат ему.

В таком контексте совершенный сотрудником ФСИН административный проступок может одновременно являться и нарушением им служебных норм, то есть дисциплинарным проступком. Такая ситуация предполагает решение вопроса о допустимости или недопустимости наложения на виновное лицо сразу двух санкций – и административного наказания, и дисциплинарного взыскания. Однако следует напомнить, что базовым принципом юридической ответственности является *Non bis in idem* (лат. «Не дважды за то же»), справедливо запрещающий подвергать лицо за одно противоправное деяние, содержащее признаки и административного, и дисциплинарного проступка, двойному наказанию.

Отметим также, что меры дисциплинарного воздействия зачастую могут повлечь для правонарушителя-сотрудника ФСИН даже более серьезные правовые последствия, например, увольнение со службы и, как следствие –

лишение заработка. Этим обстоятельством объясняется необходимость строгой дифференциации, как самих дисциплинарных наказаний, так и порядка их назначения, за совершение аналогичных административных правонарушений.

За последние два десятилетия прослеживается устойчивая тенденция к существенному усилению административной ответственности за отдельные потенциально опасные для общества деяния, например, за административные правонарушения в области дорожного движения. Распространяются подобного рода ужесточения и в отношении всех правонарушителей «в погонах».

Вместе с тем, с учетом направленности современной политики на строгое наведение порядка в системе государственной, и – в особенности – правоохранительной службы, круг правонарушений, за совершение которых лица, подпадающие под действие дисциплинарных уставов или положений о дисциплине, несут административную ответственность на общих с другими гражданами основаниях, постепенно расширяется. Объясняется это тем, что социальные последствия совершаемых сотрудниками ФСИН правонарушений наносят существенный ущерб авторитету государственной власти и престижу государственной службы, подрывают доверие граждан к институтам власти и ее представителям.

Согласно действующему законодательству, в качестве оснований для привлечения к административной ответственности сотрудников ФСИН могут выступать отдельные составы административных правонарушений в сфере санитарно-эпидемиологического, природоохранного, таможенного, земельного, законодательства, законодательства о выборах и референдумах, о размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд, требований в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения, соблюдения пожарной безопасности вне места службы, административные правонарушения в области налогов, сборов и финансов, некоторые другие правонарушения.

Так, только за совершение административных правонарушений в области охраны окружающей среды и природопользования (гл. 8 КоАП РФ), сотрудники

могут быть привлечены к ответственности более чем по 65 составам. Целый ряд глав КоАП РФ распространяются на сотрудников ФСИН в полном объеме (главы 12, 15 и 16).

В настоящее время за совершение указанных правонарушений, предусмотренных ч. 2 ст. 2.5 КоАП РФ, к правонарушителям-сотрудникам ФСИН могут быть применены предупреждение; административный штраф; лишение специального права и дисквалификация. Таким образом, законодательно установлены определенные исключения из общих правил назначения наказаний: к сотрудникам ФСИН, совершившим перечисленные правонарушения, не могут быть применены меры административного наказания в виде административного ареста и обязательных работ.

В заключении подчеркнем, что с учетом предстоящего изменения законодательства об административной ответственности, отмеченные правоотношения требуют своей дальнейшей проработки и обоснованного правового регулирования. Представляется принципиально важным в новых условиях найти баланс между защитой интересов общества и государства и целесообразностью применения того или иного вида ответственности к сотрудникам всех правоохранительных органов государства. Речь, в том числе, может идти о поиске новых видов правовых санкций в отношении представителей власти и более точной правовой регламентации оснований и порядка их применения.

Список использованной литературы

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 дек. 2001 г. №195-ФЗ (ред. от 15 окт. 2020 г., с изм. от 16 окт. 2020 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. №1 (часть I). Ст. 1.
2. *Бахрах Д.Н.* Административное право. М., 1993. 301 с.

Информация об авторе

Шилов Юрий Валерьевич – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры публичного права. Пермский институт ФСИН России (614012, г. Пермь, ул. Карпинского, 125, e-mail: shilov_yura_1968@mail.ru)

**УДК 343.24/.29
ББК 67.408.02**

**С.В. Барсегян,
МУ МВД России «Иркутское»**

**РЕЦЕПЦИЯ ИЛИ ИМПЛЕМЕНТАЦИЯ ПОНЯТИЯ
«РЕСОЦИАЛИЗАЦИЯ ЛИЦА, ПОДВЕРГШЕГОСЯ НАКАЗАНИЮ»**

В статье анализируются теоретико-прикладные вопросы регламентации целей наказания. Предлагается внедрить термин «ресоциализация» в Уголовный и Уголовно-исполнительный кодексы Российской Федерации. Рассматриваются различные пути реализации этой задачи.

Ключевые слова: уголовный закон; наказание; цель; ресоциализация.

В области охраны прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя Российской Федерации от преступных посягательств, общественного мира и безопасности человечества, а также предупреждения преступлений особое место занимает институт наказания. Этот институт является и составной частью уголовной политики государства.

Эффективность института наказания не только влияет на снижение показателей преступности, но и создает положительный климат для всех социальных институтов. Безусловно, отдельные нормы Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) нуждаются в коррекции.

Назначением уголовного наказания государство стремится выполнять задачи и функции уголовной политики, направленные на борьбу с преступностью. Одной из целей уголовного наказания должна быть также ресоциализация преступников, направленная на профилактику рецидивной преступности [1, с. 60]. Вопросы ресоциализации осужденных и лиц, освободившихся из мест лишения свободы, актуальны и являются комплексным индикатором уровня рецидивной преступности [2, с. 17]. Споры о целях

уголовного наказания не перестают быть в центре внимания отечественных и международных правоведов. Неправильная оценка целей уголовного наказания не способствует эффективности борьбы с преступностью. Добиться успеха в этом направлении можно только с объединением положительного опыта законодателя, практиков и ученых [3, с. 19].

Возможно ли выдвигать «ресоциализацию лица, подвергшегося наказанию» в качестве цели наказания? Если для нас понятие «ресоциализация» является относительно новым, то страны Евросоюза накопили большой опыт на пути процедуры ресоциализации подсудимых, использование которого может значительно сократить время на избавление от старых методов исправления осужденного в уголовно-исполнительных учреждениях Российской Федерации и способствовать внедрению в уголовно-исполнительную систему института ресоциализации.

В УК РФ закреплено положение о том, что он основывается на Конституции Российской Федерации и общепризнанных принципах и нормах международного права. Превосходство норм международного права над нормами национального права означает, что внутригосударственное право состоит из двух правовых систем: национальное (внутригосударственное) право и международное право. В совокупности они формируют внутригосударственное законодательство. В случае противоречий между ними предпочтение отдается нормам международного права. Соответственно, нормы национального права не только не должны противоречить международным, но и должны обеспечить их исполнение. В УК РФ сформировано положение, согласно которому нормы, предусматривающие уголовную ответственность, должны быть включены в УК (в международном праве это соответствует принципу «Nulla poena sine lege»). Отсюда вытекает положение о том, что нормы ратифицированных РФ международных договоров, предусматривающие уголовную ответственность, не могут применяться напрямую. Однако данное положение противоречит части 4 статьи 15 Конституции Российской Федерации, которая провозглашает приоритет норм ратифицированных международных

договоров над национальным законодательством. Считаем, что данная статья нуждается в дополнении: необходимо указать, что нормы ратифицированных международных договоров, предусматривающие уголовную ответственность (уголовное наказание, условия применения уголовного наказания и т.п.), могут быть применены только после их рецепции или имплементации в национальное законодательство. Внедрить нормы международного права в национальное законодательство можно двумя способами:

1. Нормы международного права в оригинале отразить в УК РФ (рецепция);
2. Путем имплементации (трансформации международно-правовых норм в национальные законы) норм международного права в УК РФ.

В европейских странах ресоциализацией осужденных занимается служба пробации на основании Резолюции Комитета министров Совета Европы от 22 января 1965 года. Для стран ООН источником права в области института наказания должна служить новая редакция Стандартных минимальных правил обращения с заключенными («Правила Манделы») от 17 декабря 2015 года [4].

В соответствии с международными стандартами и российским законодательством 14 октября 2010 года принято распоряжение №1772-р «Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года» [5]. Дальнейшую адаптацию освобождающихся лиц предполагалось осуществлять силами служб пробации. В 2011 году созданная межведомственная рабочая группа разработала пакет законопроектов о создании полноценной службы пробации. Однако бюджетные ассигнования разрушали все надежды. Решение данного вопроса было отодвинуто до 2030 года.

Термин «ресоциализация» должен быть внедрен в уголовное и уголовно-исполнительное законодательства путем имплементации. Так как уголовное законодательство является базовым для уголовно-исполнительного законодательства, в том числе и по стоящим перед уголовным наказанием целям, считаем, что необходимо внедрить понятие «ресоциализации» как в уголовном, так и в уголовно-исполнительном законодательстве.

Ряд ученых полагает, что ресоциализация и исправление осужденного имеют один и тот же смысл. Однако, как указывает профессор А.М. Хачикян, ресоциализация – более широкое понятие, а исправление необходимо оценивать как самостоятельный этап ресоциализации [6, с. 65]. По мнению А.М. Хачикяна, социальную адаптацию тоже надо отнести к отдельным элементам ресоциализации.

Термин «ресоциализация» внедряется в законодательство постсоветских государств. Так, согласно статье 57 проекта нового уголовного кодекса Республики Армения, целью наказания является восстановление социальной справедливости, ресоциализация лица, подвергнувшегося наказанию, а также предупреждение преступлений» [7, с. 65]. Согласно части 1 статьи 39 УК Грузии, целью наказания является восстановление справедливости, предупреждение совершения новых преступлений и ресоциализация виновного. Согласно части 2 статьи 68 УК Кыргызской Республики, целями наказания является исправление и ресоциализация виновного, предупреждение совершения новых преступлений, восстановление социальной справедливости.

Термин «ресоциализация» в российском законодательстве встречается только в статье 25 Федерального закона от 23 июля 2016 года №182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации». Стоит отметить, что предметом регулирования указанного закона являются общественные отношения, возникающие в сфере профилактики правонарушений в Российской Федерации. Ресоциализация при этом рассматривается как форма профилактического воздействия.

Проблемам ресоциализации осужденных 2020 г. был посвящен восьмой выпуск Бюллетеня Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. Важность ресоциализации обсудили уполномоченный по правам человека в Российской Федерации Т.Н. Москалькова, защитник прав человека Республики Армения А.А. Татоян, Омбудсмен Кыргызской Республики Т.Б. Мамытов, главный Омбудсмен Турецкой Республики Ш. Малкоч, Омбудсмен

Азербайджанской Республики С.Я. Алиева, а также уполномоченные по правам человека субъектов Российской Федерации.

Исходя из того, что ресоциализация лица, подвергшегося наказанию, представляет собой восстановление осужденного в социальном статусе, как полноправного члена общества, перевоспитание к самостоятельной социально-нормативной жизни в обществе, его возвращение к статусу правопослушного гражданина, данный термин, наш взгляд, полностью соответствует целям уголовного наказания, а уточнение «ресоциализация лица, подвергшегося наказанию», полностью дополняет и дает новый (окончательный) смысл такой цели наказания, как исправление осужденного.

В связи с этим полагаем, что постановка вопроса о внедрении термина «ресоциализация» (ресоциализация лица, подвергшегося наказанию) как в уголовное, так и в уголовно-исполнительное законодательство в качестве цели наказания является актуальной и обоснованной.

Список использованной литературы

1. *Семенова Е.Ю.* Вопросы социальной адаптации (ресоциализации) лиц, освобожденных из мест лишения свободы // Бюллетень Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. №8. 2020. С. 60–63.
2. *Татоян А.А.* Мандат и опыт защитника прав человека Республики Армения в вопросах ресоциализации осужденных и лиц, освободившихся из мест лишения свободы // Бюллетень Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. №8. 2020. С. 14–20.
3. *Леквешвили М.* Цели наказания и уголовно-криминалистические аспекты // Журнал Верховного суда Грузии и Судейской ассоциации Грузии. 2014. №4.
4. Минимальные стандартные правила обращения с заключенными (Правила Нельсона Манделы) (Приняты Резолюцией ГА ООН №70/175 от 17 дек. 2015 г.). URL: http://www.unodc.org/documents/justice-and-prison-reform/SMRbrochures/UN_Standard_Minimum_Rules_for_the_Treatment_of_Prisoners_the_Nelson_Mandela_Rules-R.pdf (дата обращения: 12.09.2020).
5. Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года: утв. распоряжением Правительства РФ от 14 октября 2010 г. №1772-р (ред. от 23 сент. 2015 г.). // Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. №43. Ст. 5544.

6. *Хачикян А.М.* Ресоциализация и социальная адаптация осужденных // Сб. научных статей Армянской ассоциации международного права (на армянском языке). Ереван, 2016. 120 с.

7. *Оганнисян В.* Гарантии защиты отдельных социальных прав человека в Республике Армении после конституционных реформ 2015 года // Сб. научных статей Армянской ассоциации международного права (на армянском языке). Ереван, 2016. 66 с.

Информация об авторе

Барсегян Сурен Вазгенович – старший лейтенант полиции, участковый уполномоченный отдела полиции №9. МУ МВД России «Иркутское» (664050, г. Иркутск, ул. Ржанова, 25А, e-mail: barsegyan.suren1986@mail.ru)

УДК 343.34

ББК 67.408.132.11

А.М. Бычкова,
кандидат юридических наук, доцент
Иркутский институт (филиал)
Всероссийского государственного
университета юстиции
(РПА Минюста России)

К ВОПРОСУ О КРИМИНАЛИЗАЦИИ ПРОПАГАНДЫ НАРКОТИКОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ К ЗАКОНОПРОЕКТУ № 986128-7

В статье поднимается проблема необходимости ужесточения ответственности за пропаганду наркотиков. Указывается, что законопроект, пояснительная записка к которому содержит сведения о масштабной пропаганде наркотиков в интернете, направлен при этом не на криминализацию пропаганды, а на внесение изменений в статью 230 УК РФ. Предлагаемые изменения никоим образом не затронут лиц, пропагандирующих наркотики на широкую аудиторию интернет-пользователей.

Ключевые слова: наркотические средства; пропаганда наркотиков; криминализация пропаганды наркотиков; склонение к употреблению наркотиков; законопроект об ответственности за пропаганду наркотиков.

По данным Государственного антинаркотического комитета Российской Федерации, в 2019 г. в рамках работы по реализации статьи 15.1 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» МВД России было рассмотрено 40 611 электронных обращений, по которым принято свыше 22,7 тыс. экспертных

решений об ограничении доступа к интернет-ресурсам. При этом на долю специализированных торговых площадок, используемых для организации сбыта наркотиков («интернет-магазинов»), пришлось порядка 9 тыс. решений. В общей сложности в соответствии со статьей 15.1 Закона об информации Роскомнадзором в Единый реестр на основании решений уполномоченного органа внесено 21 715 интернет-страниц (или доменных имен интернет-сайтов) [1, с. 6].

Приведенные цифры оторваны от данных о реальном состоянии проблемы и совершенно не означают, что доступ к информации, пропагандирующей употребление наркотиков и доступ к интернет-ресурсам, продающим наркотики, стал затруднен для пользователей интернета. Информация, запрещенная к распространению согласно законодательству России, по-прежнему размещается в свободном доступе, причем, как правило, пользователи не нуждаются без лишней необходимости посещать так называемый «darknet», использовать VPN и прокси-серверы, чтобы получить желаемое [2]. Население Российской Федерации подвергается непрерывной идеологической обработке, целью которой является формирование общественного мнения (особенно – среди подростков и молодежи), склонного принять идеи о «пользе» легализации наркотиков, а также стать открытым к обсуждению «преимуществ» употребления тех или иных веществ, не раздумывая о последствиях такого поведения [3,4].

В связи с этим очевидно, что легкость распространения противоправного контента в такой информационной среде как интернет может быть ограничена только строгостью наказания за такие действия в сочетании с его показательной неотвратимостью.

Действующее законодательство в этой сфере представлено следующими правовыми нормами:

– статьей 46 Закона РФ от 8 янв. 1998 г. №3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах», устанавливающей запрет на «пропаганду в сфере оборота наркотических средств, психотропных веществ и их

прекурсоров, новых потенциально опасных психоактивных веществ и в сфере культивирования наркосодержащих растений»;

– статьей 6.13 Кодекса РФ об административных правонарушениях, предусматривающей административное наказание за нарушение данного запрета.

В статье 46 Закона РФ «О наркотических средствах и психотропных веществах», по сути, описаны два вида пропаганды:

– пропаганда наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, новых потенциально опасных психоактивных веществ, культивирования наркосодержащих растений, осуществляемая юридическими или физическими лицами и направленная на распространение сведений о способах, методах разработки, изготовления и использования наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, новых потенциально опасных психоактивных веществ, местах их приобретения, способах и местах культивирования наркосодержащих растений, а также производство и распространение книжной продукции, продукции средств массовой информации, распространение указанных сведений посредством использования информационно-телекоммуникационных сетей или совершение иных действий в этих целях (ч. 1 ст. 46);

– пропаганда каких-либо преимуществ в использовании отдельных наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов или прекурсоров, новых потенциально опасных психоактивных веществ, наркосодержащих растений, в том числе пропаганда использования в медицинских целях наркотических средств, психотропных веществ, новых потенциально опасных психоактивных веществ, наркосодержащих растений, подавляющих волю человека либо отрицательно влияющих на его психическое или физическое здоровье (ч. 2 ст. 46).

Каким же образом законодатель планирует изменить существующую ситуацию в сфере ужесточения ответственности за пропаганду наркотиков? В календарь рассмотрения вопросов Государственной Думой на 10 декабря 2012

года включено рассмотрение Проекта Федерального закона №986128-7 «О внесении изменений в статью 230 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [5].

Законопроект предлагает дополнить часть вторую статьи 230 УК РФ («Склонение к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов») пунктом «д» следующего содержания: «д) с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»), а также дополнить эту статью частью четвертой следующего содержания: «4. Деяния, предусмотренные частями первой, второй, пунктом «а» части третьей настоящей статьи, если они повлекли по неосторожности смерть двух или более потерпевших, – наказываются лишением свободы на срок от двенадцати до пятнадцати лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до двадцати лет или без такового и с ограничением свободы на срок до двух лет либо без такового».

При этом очевидно, что данный законопроект направлен не на криминализацию пропаганды наркотиков, а на ужесточение ответственности за последствия склонения к потреблению наркотиков и введение нового квалифицирующего признака «использование информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»)». Дело в том, что состав статьи 230 УК РФ отличается от действий, направленных на пропаганду наркотиков тем, что при склонении имеется конкретный потерпевший (склоняемое лицо), пропаганда же направлена на индивидуально неопределенный круг лиц, широкую аудиторию и адресно не обращается к конкретному лицу.

Таким образом, данный законопроект – при его принятии – совершенно не коснется криминализации пропаганды наркотиков и находится в несоответствии с Пояснительной запиской к нему, в тексте которой говорится: «Указанные действия, совершенные с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть "Интернет"), являются общественно опасными, поскольку охватывают *многомиллионную аудиторию*,

существенной частью которой являются несовершеннолетние, а также способствуют созданию устойчивого спроса на наркотики и ведут к расширению сбыта запрещенных веществ. При этом технические возможности сети "Интернет", используемые для создания и распространения информации о наркотиках и склонения лиц к их потреблению, позволяют с минимальными затратами реализовать преступный замысел (анонимность, трансграничный характер, оперативность и быстрота распространения, *охват широкой аудиторией*). В этих целях злоумышленниками широко используются различные социальные сети, интернет-площадки популярных форумов, ресурсы крупных тематических сайтов, свободный доступ к которым имеет неограниченное число пользователей» [5, *курсив наш* – А.Б.].

Констатируем, что законодатель, правильно поднимающий проблему общественной опасности пропаганды наркотиков, одновременно предлагает внести изменения, которые абсолютно не затронут лиц, активно занимающихся данной пропагандой.

Список использованной литературы

1. Доклад о наркоситуации в Российской Федерации в 2019 году (выдержка). – URL: <https://media.mvd.ru/files/embed/1907226>.
2. Суходолов А.П., Бычкова А.М. Цифровые технологии и наркопреступность: проблемы противодействия использованию мессенджера «Телеграм» в распространении наркотиков // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13, № 1. С. 5–17.
3. Бычкова А.М. О необходимости противодействия пропаганде легализации наркотиков в Российской Федерации // Основные направления государственной политики России в сфере обеспечения национальной безопасности: Материалы международной научно-практической конференции / под ред. Е.М. Якимовой. Иркутск, 2018. С. 20–27.
4. Бычкова А.М. О законодательных инициативах в сфере либерализации наркополитики // Уголовно-правовое воздействие и его роль в предупреждении преступности (IV Саратовские уголовно-правовые чтения): сборник статей по материалам IV Всероссийской научно-практической конференции (Саратов, 30 сентября – 1 октября 2019 г.) / под общ. ред. Н.А. Лопашенко; [ред. А.В. Голикова]. Саратов: Издательство ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», 2019. С. 86–90.

5. О внесении изменений в статью 230 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: проект Федерального закона №986128-7. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/986128-7>.

Информация об авторе

Бычкова Анна Михайловна – кандидат юридических наук, доцент, начальник отдела научных исследований. Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (664011, г. Иркутск, ул. Некрасова, 4, e-mail: amb-38@mail.ru)

УДК 343.3/.7

ББК 67.408.1

М.В. Винокуров,
*Университет прокуратуры
Российской Федерации*

ОБ УСИЛЕНИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЕ, ПРЕДУСМОТРЕННОЕ СТАТЬЕЙ 238.1 УК РФ, СОВЕРШЕННОЕ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СМИ ИЛИ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ СЕТЕЙ

В статье анализируется состав преступления, предусмотренный частью 1.1. ст. 238.1, введенной Федеральным законом №95 от 1 апреля 2020 г. и устанавливающим ответственность за обращение фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и оборот фальсифицированных биологически активных добавок, совершенные с использованием средств массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет». Отмечено, что несмотря на значительные улучшения статьи 238.1, действия законодателя не учли предложения теоретиков уголовно-правовой науки.

Ключевые слова: фальсифицированные лекарственные средства и медицинские изделия; использование СМИ в целях совершения преступлений; информационно-телекоммуникационные сети; интернет; дистанционная реализация.

Необходимость охраны здоровья и борьбы с распространением фальсифицированных лекарственных средств и медицинских изделий очевидна для общества и государства.

В условиях развития средств связи и устройств передачи данных появляются новые способы взаимодействия людей, в том числе – по обмену

товарами. Не является исключением распространение фальсифицированных лекарственных средств с использованием интернет-ресурсов и иных средств массовой информации.

В настоящее время для реализации фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств и медицинских изделий, либо фальсифицированных биологически активных добавок (далее обобщенно – фальсифицированные лекарства), не нужно расположенного по определенному адресу места, о котором узнают потенциальные покупатели, следовательно – не нужны статичные точки по продаже фальсифицированных лекарств. В то же время проще стало перемещать фальсифицированные лекарства с места на место, что существенно затрудняет обнаружение предметов преступления правоохрнительными органами.

Кроме того, продавцу и покупателю больше нет необходимости встречаться лично: фальсифицированные лекарства можно доставить через курьера. Это делает практически невозможным процесс проверочной закупки и еще больше усложняет выявление фальсифицированных лекарств.

Процесс информатизации также позволяет существенно расширить круг потенциальных покупателей. Использование социальных сетей, рекламы, рекомендации блогеров в совокупности с низкой стоимостью фальсифицированных лекарств в значительной степени увеличивают интерес населения к покупке подобной продукции.

Данные обстоятельства повышают степень общественной опасности и должны наказываться более строго, нежели традиционное обращение фальсифицированных лекарств.

О необходимости усиления ответственности за обращение фальсифицированных лекарств высказывались многие авторы. Так, например, С.В. Максимов, еще в 2014 году оценивая законопроект по введению уголовной ответственности за обращение фальсифицированных лекарств справедливо указывал, что законодатель не учитывает требование п. «d» ст. 13 Конвенции, согласно которому каждая Сторона принимает необходимые законодательные и

иные меры с тем, чтобы сбыт или предложение к сбыту фальсифицированных и недоброкачественных лекарств и медицинских изделий, которые совершены с использованием средств широкого распространения, таких как информационные системы, включая Интернет, относились бы к отягчающим наказание обстоятельствам» [1, с. 86].

Р.В. Шабровым, Н.Ю. Лушем и А.Д. Шадриным при исследовании уголовной ответственности по ст. 238.1 УК РФ отмечалось, что в ходе обсуждения Закона о фальсификации было предложено несколько особых квалифицирующих признаков, которые, на их взгляд, позволили бы еще в большей степени дифференцировать ответственность в зависимости от степени общественной опасности деяния: «Среди них, прежде всего, необходимо отметить квалифицирующие признаки, предусмотренные Конвенцией «Медикрим». Например, распространение информации о фальсифицированных медицинских продуктах в информационных сетях, в том числе через Интернет» [2]. Предложение о введении данного квалифицирующего признака предлагалось также И.В. Фирсовым [3, с.12].

Федеральным законом №59-ФЗ «О внесении изменений в статью 238.1 уголовного кодекса Российской Федерации» от 1 апреля 2020 г. в статью 238.1 УК РФ была введена часть 1.1, установившая ответственность за обращение фальсифицированных лекарств, совершенное с использованием средств массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет» [4].

Изучение данной новеллы позволяет заключить, что законодатель предпочел ввести новую часть в статью 238.1 УК РФ вместо внесения дополнения в ч.2 ст. 238.1 УК РФ соответствующего квалифицирующего признака. Из анализа санкций частей статьи 238.1 УК РФ можно сделать вывод, что поскольку санкция части 1.1. более строгая по сравнению с санкцией части первой, но менее строгая по сравнению с частью второй, то законодатель посчитал общественную опасность обращения фальсифицированных лекарств с использованием СМИ и информационно-телекоммуникационных сетей менее

опасной нежели совершенные группой лиц или повлекшие причинение тяжкого вреда здоровью либо смерть человека [5].

Так в части 1.1. наказание в виде принудительных работ предусмотрено на срок от четырех, а не от 3 лет как в первой части; нижний предел дополнительного наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью поднят до 2 лет; изменилось также наказания в виде лишения свободы, диапазон сроков которого поднялись с 3–5 лет в первой части, до 4–6 в части 1.1., данное изменения является наиболее существенным поскольку часть 1.1. ст. 238.1 УК РФ относится к категории тяжких преступлений; диапазон дополнительного наказания в виде штрафа также поднялся с 0,5–2 до 0,7–2,5 млн. рублей, а также другие изменения.

По сравнению же с ч. 2 ст. 238.1 УК РФ, наказание по ч. 1.1. существенно более мягкое, поскольку ч. 1.1 предусматривает наказание в виде принудительных работ, тогда как в ч. 2 без альтернативы может быть назначено только наказание в виде лишения свободы. При этом диапазон сроков в части 1.1. составляет 4–6 лет против 5–8 лет лишения свободы во второй части. Дополнительные наказания в санкции части второй также более строгие.

В случае введения в ч. 2 ст. 238.1 УК РФ пункта «в», наказание за обращение фальсифицированных лекарств с использованием СМИ и информационно-телекоммуникационных сетей просто приравнивалось бы к ответственности по части второй. Вероятно, что законодателем сделана попытка более тщательной дифференциации ответственности.

Вместе с тем, такой выбор законодательной тактики представляется излишним и приводит к усложнению и без того запутанной статьи. Дифференцировать ответственность в каждом конкретном случае можно было бы исходя из применения нижнего и верхнего пределов санкции статьи.

Кроме того, в настоящее время общественная опасность обращения фальсифицированных лекарств группой лиц является более высокой нежели за обращение фальсифицированных лекарств с использованием СМИ и информационно-телекоммуникационных сетей. Правильность данного подхода

вызывает большие сомнения, поскольку опасность использования СМИ и информационно-телекоммуникационных сетей представляется нам более серьезной.

Список использованной литературы

1. *Максимов С. В.* Фальсификация лекарственных средств в России и перспективы ратификации Конвенции Совета Европы «Медикрим» // Труды Института государства и права РАН. 2014. №3.
2. *Шабров Р.В., Луц Н.Ю., Шадрин А.Д.* Закон против фальсификации лекарственных средств и биологически активных добавок // Ремедиум. 2015. №1–2.
3. *Фирсов И. В.* Незаконный оборот медицинской продукции: уголовно-правовое исследование: автореферат ... канд. юрид. наук. М., 2017. 26 с.
4. О внесении изменений в статью 238.1 Уголовного кодекса Российской Федерации: федер. Закон РФ от 1 апр. 2020 г. №95-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. №14 (часть I). Ст. 2025.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 27 окт. 2020 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

Информация об авторе

Винокуров Максим Владимирович – помощник прокурора Куйбышевского района г. Иркутска, юрист 1-го класса, аспирант. Университет прокуратуры Российской Федерации (117638, Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1, e-mail: rayndl@bk.ru)

УДК 342.98
ББК 67.401.14

А.А. Вихляев,
Московский университет МВД России
им. В.Я. Кикотя

К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ СИСТЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МЕЖДУ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНЫМИ ИНСПЕКЦИЯМИ И ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМИ УЧАСТКОВЫХ УПОЛНОМОЧЕННЫХ ПОЛИЦИИ ПО ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ПРОФИЛАКТИЧЕСКОЙ РАБОТЫ С УСЛОВНО ОСУЖДЕННЫМИ ЛИЦАМИ

В статье рассмотрены актуальные вопросы взаимодействия уголовно-исполнительных инспекций и подразделений участковых уполномоченных полиции по вопросам осуществления контроля за условно осужденными лицами. Предлагаются пути по совершенствованию действующей нормативно-правовой

базы в целях актуализации и упорядочения системы взаимодействия субъектов профилактики по предупреждению и пресечению правонарушений среди лиц, осужденных к лишению свободы условно.

Ключевые слова: участковый уполномоченный полиции; уголовно-исполнительная инспекция; условно осужденные лица; индивидуальная профилактическая работа; ресоциализация.

По данным официальной статистики за 2019 год в Российской Федерации было совершено 2 024 337 преступлений, по которым привлечено к уголовной ответственности 620 054 преступника. Показатель совершенных преступлений за январь-август текущего года также неутешителен – на территории России выявлено 1 367 378 преступлений [1]. Таким образом, количество совершенных преступлений продолжает оставаться на стабильно негативном уровне.

Также по данным правовой статистики за 2019 год срок условного осуждения был продлен в отношении 80 322 лиц (86% от общего числа ходатайств, поступивших в суды общей юрисдикции). Отмена условного осуждения в связи с неисполнением возложенных обязанностей, уклонением от возмещения вреда или совершением нового преступления была применена в отношении 16 582 осужденных [2].

В подобной ситуации как никогда остро встают вопросы реализации института наказания; в особенности, применения такой формы наказания, как условное осуждение. Применение указанной формы несет очень важный социально-воспитательный подтекст: помогает надлежащим образом проводить ресоциализацию лиц, осужденных за совершение преступлений небольшой и средней тяжести, или привлекаемых к уголовной ответственности впервые. Наказание, не связанное с лишением свободы, позволяет указанным лицам отбывать его без фактического отчуждения от общества или потери постоянного заработка (как это могло бы произойти в случае реального осуждения с отбыванием наказания в местах лишения свободы).

Другим немаловажным фактором, влияющим на ресоциализацию, является исполнение решений судов о прохождении обязательных курсов лечения для лиц, страдающих наркозависимостью, имеющих алкогольную зависимость или

страдающих различными формами тяжких заболеваний, опасных для окружающих.

Осуществление индивидуальной профилактики за условно осужденными образует отдельный административный механизм, позволяющий реализовать правоохранительную функцию государства.

Обязанность по контролю за поведением условно осужденного лица по месту жительства на протяжении испытательного срока возлагается на подразделения Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН) России. Так, согласно ч.1 ст.188 УИК РФ [3], уголовно-исполнительные инспекции не реже одного раза в квартал с участием сотрудников органов внутренних дел в порядке, предусмотренном законодательством Российской Федерации, осуществляют наблюдение за соблюдением условно осужденными общественного порядка и исполнение ими возложенных судом обязанностей.

При этом, по нашему мнению, формулировка и описание самой индивидуально-профилактической деятельности, осуществляемой комплексно с участием органов внутренних дел, в действующих нормативно-правовых актах, с учетом современных реалий, изложена некорректно.

Так, согласно Приказу МВД России от 29 марта 2019 г. № 205 «О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности», основное участие в непосредственной профилактике делинквентного поведения лиц, условно осужденных за совершение преступлений и состоящих на учете во ФСИН, осуществляют подразделения участковых уполномоченных полиции.

Свою оперативно-служебную деятельность по профилактике противоправного поведения условно осужденных участковый уполномоченный полиции организует в составе структурных подразделений органов внутренних дел на территориальном уровне. Указанная деятельность относится непосредственно к деятельности подразделений, и функционалом служб и работников органов внутренних дел не является. Так, в основном, службы и работники в составе этих служб обеспечивают деятельность отраслевых

подразделений органов внутренних дел и непосредственной профилактикой противоправного поведения условно осужденных лиц не занимаются. Таким образом, формулировка, применяемая федеральным законодательством, в данном случае употребляется некорректно.

В целях устранения противоречий, по нашему мнению, актуальным будет являться корректировка положений УИК РФ в сторону «подразделений органов внутренних дел, уполномоченных на осуществление индивидуально-профилактической работы за условно осужденными лицами».

Данная формулировка позволит устранить действующие противоречия с одной стороны, с другой – наделить субъектов профилактики из числа сотрудников органов внутренних дел соответствующими полномочиями по осуществлению указанного вида деятельности, одновременно расширяя перечень критериальных показателей, характеризующих направления оперативно-служебной деятельности уполномоченных лиц.

Участковый уполномоченный полиции принимает участие в пределах компетенции в осуществлении контроля за поведением осужденных за совершение преступлений, которым, в том числе, назначено наказание в виде лишения свободы условно.

В процессе осуществления индивидуальной профилактики участковый уполномоченный полиции посещает осужденных не реже одного раза в квартал. Профилактическая работа с условно осужденными, проводится до их снятия с учета в надзирающей уголовно-исполнительной инспекцией.

Характер взаимодействия подразделений органов внутренних дел с уголовно-исполнительными инспекциями устанавливается соответствующим Регламентом [4, п.7]. Однако следует отметить, что последние изменения в регламент вносились лишь в 2017 году, когда как с принятием нового приказа [5] в 2019 году, регламентирующего деятельность участкового уполномоченного полиции на административном участке, каких-либо корректировок внесено не было.

В частности, формально отсутствует перечень критериев, по которым участковый уполномоченный полиции должен проводить оценку ресоциализации условно-осужденных лиц по месту жительства.

Формулировка, содержащаяся в УИК РФ, не отражает всего спектра возможного противоправного поведения условно осужденного. Так, согласно упомянутой ст.188 УИК РФ, непосредственный контроль осуществляется уголовно-исполнительными инспекциями совместно с органами внутренних дел за соблюдением осужденными лицами общественного порядка и ограничений, установленных судами. При этом понятие «общественного порядка» не акцентирует внимание на правонарушения, которые может совершить осужденный в процессе социального взаимодействия с различными общественными институтами или в быту. Так, например, под понятие общественного порядка формально не подпадают правонарушения в семейно-бытовой сфере.

В соответствии с Приказом МВД России от 29 марта 2019 г. №205 участковый уполномоченный полиции наделяется полномочиями по осуществлению различных форм профилактического воздействия, к которым относятся: правовое информирование, профилактическая беседа и объявление официального предостережения о недопустимости действий, создающих условия для совершения правонарушений, либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения. В то время, как в федеральном законе и ведомственных правовых актах указывается только одна форма – профилактическая беседа. Таким образом, участковый уполномоченный полиции, в процессе реализации своих задач и мероприятий профилактического характера на административном участке, остается стесненным в методах профилактического воздействия на совершающих правонарушения лиц, условно осужденных за совершение преступлений.

Учитывая вышеизложенное, целесообразным видится дополнение УИК РФ и Регламента взаимодействия следующим положением: «должностные лица органов внутренних дел, осуществляют контроль за поведением условно

осужденного, в процессе индивидуально-профилактической работы реализуют формы профилактического воздействия в виде правового информирования и профилактической беседы, а в случае совершения подконтрольными лицами правонарушений или отказа от прохождения ресоциализации – выносят в отношении последних официальное предостережение о недопустимости действий, создающих условия для совершения правонарушений, либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения, одновременно информируя о проведенных мероприятиях уголовно-исполнительные инспекции в порядке, утвержденном действующим законодательством».

Подобная формулировка будет способствовать улучшению взаимодействия между подразделениями участковых уполномоченных полиции и уголовно-исполнительными инспекциями по вопросам профилактики правонарушений, а также позволит реализовать в полной мере государственный механизм по применению мер принуждения предупредительного и пресекающего характера в отношении правонарушителей из числа условно осужденных лиц.

Список использованной литературы

1. Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. Раздел «Правовая статистика».. URL: http://crimestat.ru/offenses_map (дата обращения: 01.10.2020).
2. Электронный справочный ресурс «Судебная статистика РФ». URL: <http://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/> (дата обращения: 01.10.2020).
3. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 8 янв. 1997 г. № 1-ФЗ (ред. от 31 июля 2020 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. 32. Ст. 198.
4. Об утверждении Регламента взаимодействия ФСИН России и МВД России по предупреждению совершения лицами, состоящими на учете уголовно-исполнительных инспекций, преступлений и других правонарушений: приказ Минюста России №190, МВД России №912 от 4 окт. 2012 г. // Российская газета. 2012. 26 окт.
5. О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности (вместе с «Инструкцией по исполнению участковым уполномоченным полиции служебных обязанностей на обслуживаемом административном участке», «Наставлением по организации службы участковых уполномоченных

полиции»): приказ МВД России от 29 марта 2019 г. № 205 // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 4 июля 2019 г.

Информация об авторе

Вихляев Александр Александрович – преподаватель кафедры административной деятельности ОВД. Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (117997, г. Москва, ул. Академика Волгина, д.12; e-mail: vih.alexander2011@mail.ru)

УДК 343.85

ББК 67.515

В.В. Загайнов,
кандидат юридических наук, доцент
Иркутский институт (филиал)
Всероссийского государственного
университета юстиции
(РПА Минюста России)

С.А. Аверинская,
кандидат юридических наук, доцент
Иркутский государственный университет

ВОПРОСЫ ПРАВОВОЙ ОЦЕНКИ ГЕНДЕРНОГО ЭКСТРЕМИЗМА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Описывается ряд проблем социального, криминологического и уголовно-правового характера, затрагивающий деятельность информационных каналов в контексте информационного экстремизма, сформированного и функционирующего на почве гендерных противоречий современного общества.

Ключевые слова: пол; гендерное равенство; экстремизм; уголовная ответственность.

Современное постиндустриальное общество характеризуется возникновением множества внутренних противоречий, неизвестных до настоящего времени. Тенденции и содержательная сущность этих противоречий становятся очевидными и отчетливо ясными даже при поверхностном анализе средств массовой информации. Инициированные как политическими, так и социальными группами информационные войны отчетливо демонстрируют негативную динамику оценки незыблемых ранее общественных ценностей. Западное общество, развивая идеи толерантности, непредвзятости, равноправия

и т.п., зачастую входит в конфликт с традиционным восприятием социальных ценностей. Аналогичным образом действуют некоторые прозападные либеральные силы в Российской Федерации. Наблюдается устойчивая деятельность ряда лиц и групп, пытающихся не только привить современные европейские ценности российскому обществу, но и закрепить их нормативно.

Отсутствие границ информационного поля позволяет сформировать на необъятных просторах интернета взгляды общества нового типа. При этом не все активисты подобных инноваций искренне разделяют соответствующую идеологию: они могут преследовать цели, связанные с получением прибыли или руководствоваться желанием получить свою «минуту славы». Тем не менее, эти взгляды носят ярко выраженный деструктивный характер, что позволяет расширять так называемое «окно Овертона».

На этом фоне вопросы противодействия экстремистским проявлениям становятся как никогда актуальными. Так как практически вся информационно-пропагандистская работа осуществляется с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, эта сфера представляет интерес с позиции противодействия экстремизму. Современный экстремизм зарождается, живет, развивается и подпитывается (в том числе финансово) в интернете. В этой связи справедливо констатируется наличие информационного экстремизма. Простота и скорость распространения информации, позволяют не только успешно продвигать радикальную идеологию, но и создавать группы, сообщества, движения, вовлекать в свои ряды новых членов, а также получать финансовую поддержку.

Одной из ключевых проблем, будоражащих общество, является гендерное равенство или равенство полов. Идея равноправия мужчин и женщин использовалось различными политическими силами еще с конца XIX века и в наши дни переживает своеобразный ренессанс. На этом поле играют политики, общественные деятели и представители блогосферы. Последние начали создавать и раскручивать тематический контент в социальных сетях и интернет-площадках (YouTube, Telegram, ВКонтакте и т.п.). При этом деятельность,

блогеров зачастую сводится не просто к обозначению проблемы и поиску ее решения, но и направляется на унижение человеческого достоинства по признаку пола, разжигает социальную ненависть и вражду. Первыми «ласточками» стали группы радикальных феминисток (так называемое радфем-движение). Начав свою деятельность с отстаивания прав женщин, они нередко доходят до пропаганды насилия, унижения и призывам к насилию в отношении мужчин. Позднее (это можно проследить по дате регистрации тематических блогов, каналов и т.п.) в ответной форме стали возникать и функционировать мужские «движения». Некоторые из них также высказывали критику (иногда в уничижительной форме), в адрес противоположного пола, но при этом призывов к насилию и дискриминации не обозначали. Тем не менее, на просторах рунета к 2020 году сформировалось значительное количество противоборствующих по гендерному признаку информационных каналов, имеющих свою целевую аудиторию и увеличивающих её.

В связи с вышеизложенным представляется необходимым дать правовую оценку деятельности обозначенных сообществ с позиции информационного экстремизма и поставить вопрос: существует ли в их деятельности реальная опасность для общества или отдельной социальной группы?

В соответствии с Федеральным законом от 25 июля 2002 г. №114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», к экстремистской деятельности (экстремизму) относится, среди прочего, возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни, а также пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии [1]. Положения указанного закона реализуются посредством уголовно-правовой охраны. Однако в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) возбуждение ненависти или вражды, а так же унижение достоинства человека или группы лиц по признакам пола речь считается преступлением экстремисткой направленности лишь в ст. 282 УК РФ. В остальных статьях УК РФ (п. «е» ч. ст. 63, п. «л» ч. 2 ст. 105, п.

«б» ч. 1 ст. 213 УК РФ) указания на пол не содержатся, законодатель использует термин «социальная группа» [2]. Возникает вопрос о возможности реализации мер уголовной ответственности за преступления, совершенные по мотиву ненависти, вражды либо превосходства с учетом гендерных отличий. О правовом содержании понятия «социальная группа» речь велась неоднократно. Однако, вопрос о том, можно ли считать мужчин или женщин социальной группой, сформированной по признаку пола, остается пока открытым [3, с.14; 4, с.175]. Можно ли, вообще, брать в расчет подобный признак применительно к высказываниям, не имеющим конкретного адресата, в виде отдельного лица или группы лиц? Юридическая общественность данную проблему практически не обсуждает, в отличие от психологов и социологов. Существуют немногочисленные исследования по данному направлению, но и в них отмечается, что заметной активности социальных групп и лиц, утверждающих превосходство одного пола над другим, в нашей стране пока не проявляется, что представляется весьма спорным [5, с.132]. В современных условиях необходимо брать во внимание не только социальные процессы, происходящие «на улице», но также давать правильную криминологическую оценку общественным движениям, действующим в интернет-пространстве, совершенствуя законодательные конструкции, правоприменительную практику и проводя исследования данной сферы с позиции юридической науки.

Список использованной литературы

1. О противодействии экстремистской деятельности: федер. закон РФ от 25 июля 2002 г. №114-ФЗ (ред. от 31 июля 2020 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. №30. Ст. 3031.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 27 окт. 2020 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.
3. Бутаева М.А. Дискурс гендерного экстремизма // Социосфера. № 2. 2010. С. 13–14.
4. Петрянин А.В. Доктринальные дефиниции экстремизма в современной юриспруденции // Юридическая наука и практика: вестник Нижегородской академии МВД России. 2001. № 3. С. 175–176.

5. Яворский М.А. Интерпретация гендерного (полового) экстремизма // Человек: преступление и наказание. 2014. № 2. С.129–132.

Информация об авторах

Загайнов Владимир Владимирович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии. Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (664011, г. Иркутск, ул. Некрасова, 4, e-mail: vladzagain@mail.ru)

Аверинская Светлана Александровна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии. Юридический институт Иркутского государственного университета (664074, г. Иркутск, ул. Улан-Баторская, 10, e-mail: aver27@mail.ru)

УДК 343.7

ББК 67.404.9

Ш.Р. Зарипов,

Башкирский государственный университет

К ВОПРОСУ О РАЗГРАНИЧЕНИИ ХИЩЕНИЯ И НЕОСНОВАТЕЛЬНОГО ОБОГАЩЕНИЯ

В статье рассматривается одна из проблем, вытекающая из свободы реализации частным лицом своих прав на стадии возбуждения уголовного дела. На примерах из судебной практики, представленной в работах А. В. Бриллиантова и А.А. Турышева, автор демонстрирует, что реализация принципа диспозитивности нарушает принцип справедливости при назначении наказания за совершенное аналогичное преступление. Поставлена проблема разграничения хищения и неосновательного обогащения.

Ключевые слова: диспозитивность; хищение; деликт; неосновательное обогащение.

Актуальность проблемы квалификации уголовного преступления – хищения и гражданского деликта в виде неосновательного обогащения связана с выявлением проблем их квалификации и определения справедливой санкции для нарушителя. В связи со сложностью правовой оценки возникает возможность применения к нарушителю законодательства норм гражданского права, что в ряде случаев не является обоснованным.

Еще в римском праве юристы искали отличия между уголовным преступлением и деликтом. По их мнению, отличительной чертой деликта

является то, что правонарушитель преследуется и подвергается наказанию по инициативе частного лица и им же взимается штраф в пользу пострадавшего. А уголовным преступлением будет являться правонарушение, затрагивающее общество в целом (штраф при этом взимался в пользу римского народа). Мотивацией для привлечения правонарушителя к ответственности для пострадавшего было защита общего правопорядка [1, с. 610–611]. Так римский гражданин, будучи потерпевшим, использовал принцип диспозитивности, самовольно решая, как определить судьбу правонарушителя. Подобная диспозитивность в принятии решения по привлечению к юридической ответственности сохраняется до сих пор.

В Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) [2] в примечании 1 к ст. 158 УК РФ дается определение понятия хищения. Под хищением понимаются совершенные с корыстной целью противоправные безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившие ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества [3, с. 70].

Согласно нормам Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [4] для восстановления нарушенных прав собственника и последующей нормализации правоотношений между субъектами гражданских правоотношений применяется ст. 1102 ГК РФ. В соответствии со ст. 1102 ГК РФ, лицо, которое без оснований, установленных законом, иными правовыми актами или сделкой, приобрело или сберегло имущество за счет другого лица, обязано возвратить последнему неосновательно приобретенное или сбереженное имущество (имеется в виду неосновательное обогащение).

При этом правила, предусмотренные данной статьей, применяются независимо от того, явилось ли неосновательное обогащение результатом поведения приобретателя имущества, самого потерпевшего, третьих лиц или произошло помимо их воли. Объекты гражданских прав, находящиеся под правовой защитой, перечислены в ст. 128 ГК РФ. К ним относятся: вещи, включая деньги и ценные бумаги, иное имущество, в том числе имущественные

права; работы и услуги; информация; результаты интеллектуальной деятельности, в том числе исключительные права на них (интеллектуальная собственность); нематериальные блага.

Дискуссионный вопрос о разграничении хищения и неосновательного обогащения в случае присвоения лежащего на земле кошелька, содержащего деньги, уже нашел своё решение в науке. Так, А.В. Бриллиантов объясняет, что в таком случае вопрос о находке лежит в плоскости гражданского законодательства. Другие отрасли права, в том числе и уголовного права, вопрос о находке не регламентируют. Лицо, нашедшее имущество и не выполнившее требования гражданского закона, должно отвечать за нарушение требований этого законодательства, в том числе в части выполнения обязанности отказаться от неосновательного обогащения. Уголовное законодательство не устанавливает ответственности за нарушение таких требований, так как умысел отсутствует на причинение прямого действительного ущерба в результате изъятия имущества у лица, которому имущество должно быть возвращено. Имущество не изымается, ущерб не причиняется, следовательно, нет состава деяния, предусмотренного ст. 158 УК РФ [5, с. 11]. В данном примере есть возможность разграничить хищение и неосновательное обогащение. Однако судебная практика показывает нам и другие ситуации, к сожалению, не имеющие столь однозначного ответа.

Так, в городе Норильск, гражданин осуществлял через банкомат посредством банковской карты две операции по получению наличных денежных средств в размере 30 тыс. руб. [6, с. 48]. Из-за сбоя программы в банкомате при запросе денежных средств купюры из кассеты номиналом 5 тыс. руб. выдавались как купюры номиналом 1 тыс. руб., при этом отражение операции по счету клиента производилось исходя из того, что клиентом должны были быть получены купюры номиналом 1 тыс. руб. Таким образом, при запросе в банкомате общей суммы по двум операциям в размере 60 тыс. руб. и списании со счета ответчика денежных средств в размере 60 тыс. руб. фактически ответчиком была получена сумма в размере 164 тыс. руб. В итоге в рамках гражданского иска действия гр. Н. были признаны неосновательным

обогащением. Суд удовлетворил иск банка и взыскал с гражданина сумму неосновательного обогащения, проценты за пользование чужими денежными средствами, а также госпошлину. В данном случае, являясь юридическим лицом, банку экономически не выгодно обвинить гражданина по ст. 158 УК РФ.

Схожая ситуация произошла в г. Златоусте. Не имеющий постоянного места работы мужчина ночью решил снять деньги со своей банковской карты. Он подошел к круглосуточному банкомату и запросил выдачу 500 руб. Однако вместо запрошенной суммы аппарат выдал купюру номиналом 1 тыс. руб. Мужчина повторил запрос, банкомат вновь сделал ошибочную операцию.

Обвиняемый, имея на лицевом счете только 2 тыс. руб., неоднократно произвел операции по снятию наличных. Он, запрашивая по 500 руб. и получая в два раза больше, пополнял этими деньгами счет и вновь снимал их. Прodelав за ночь 104 операции, похитил 52 тыс. руб., принадлежащие банку.

Мужчина не смог воспользоваться похищенным, поскольку ошибку, допущенную сотрудниками банка при загрузке банкомата купюрами не соответствующего программе достоинства, обнаружили на следующее утро. В ходе предварительного следствия обвиняемый полностью возместил материальный ущерб [6, с. 49]. Банк мог в рамках гражданского иска признать действия гражданина неосновательным обогащением, как в первом случае, но решил иначе и, воспользовавшись принципом диспозитивности, защитил общественные отношения в сфере экономики. Но не нарушает ли принцип диспозитивности, принцип справедливости назначения наказания, когда по схожим обстоятельствам дела выносятся разные решения?

Таким образом, если правонарушение имеет общий объект, который регулируется и нормой уголовного закона, и нормой гражданского законодательства, применяется конкретизированная норма, как на примере находки. В остальных же случаях, суд не может нарушать принцип диспозитивности потерпевшего, который сам решает, каким способом защиты ему воспользоваться.

Список использованной литературы

1. *Дождев Д. В.* Римское частное право: Учебник для вузов / Под общ. ред. академика РАН, д. ю. н., проф. В. С. Нерсисянца. 2-е изд., изм. и доп. М.: Издательство НОРМА (Издательская группа НОРМА-ИНФРА-М), 2002. 784 с.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 27 окт. 2020 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.
3. *Шеслер А.В.* Хищения: понятия и признаки // Вестн. Том. гос. ун-та. Право. 2012. № 4. С. 70–80.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 янв. 1996 г. №14-ФЗ (ред. от 27 дек. 2019 г., с изм. от 28 апр. 2020 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. №5. Ст. 410.
5. *Бриллиантов А.В.* Хищение или неосновательное обогащение? // Уголовное право. 2016. №4. С. 9–13.
6. *Турьшев А.А.* Квалификация хищения с использованием банкоматов // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. №6. С. 46–50.

Информация об авторе

Зарипов Шамиль Ришатович – заместитель администратора Юридической клиники. Институт права Башкирского государственного университета (450005, г. Уфа, ул. Достоевского, 131, e-mail: zaripovshamilrishatovich@mail.ru)

УДК 343.3

ББК 67.408.142.1

Е.А. Лайкова,

Восточно-Сибирский институт МВД России

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ФИКТИВНОЙ РЕГИСТРАЦИИ И ФИКТИВНОЙ ПОСТАНОВКИ НА УЧЕТ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН ПО СОВОКУПНОСТИ С ДОЛЖНОСТНЫМИ ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ

В статье автор описывает ряд вопросов, связанных с квалификацией составов преступлений, предусмотренных ст.322.2 и 322.3 УК РФ, по совокупности с другими составами преступлений.

Ключевые слова: квалификация, должностное лицо, регистрация, миграционный учет.

Квалификация преступлений выступает главным индикатором применения норм уголовного закона [1, с. 6]. От правильной квалификации преступления зависят практически все уголовно-правовые последствия совершения преступления. В. Н. Кудрявцев определял квалификацию преступлений как

«осуществление и юридическое закрепление четкого соотношения между свойствами совершенного преступления или свойствами состава правонарушения, предусмотренного одной нормой» [2, с. 8].

Появление в уголовном законодательстве России норм, устанавливающих уголовную ответственность за фиктивную регистрацию и учет, порождает вопросы правильной квалификации данных преступлений, а также ограничения их от смежных составов преступлений [3, с. 242] и административных правонарушений. Следует обратить внимание и на бланкетность рассматриваемых уголовно-правовых норм, что обуславливает обращение правоприменителя к законодательству, регулирующему правила регистрации российских граждан и правила миграционного учета въезжающих мигрантов на территорию страны.

Анализ судебно-следственной практики выявил ряд проблем, с которыми сталкиваются правоприменительные органы при квалификации преступлений, предусмотренных ст. 322.2 и 322.3 УК РФ.

Хотелось бы обратить внимание на квалификацию преступлений, предусмотренных ст. 322.2 и 322.3 УК РФ, по совокупности с другими составами преступлений. Совокупность преступлений – весьма распространенное явление. В определенных случаях следственной и судебной практики в ходе квалификации совершенного деяния важно определить присутствие ее правовых признаков, отделить от других форм множественности преступлений и от сложных единичных преступлений.

Преступления за нарушения регистрационного и миграционного законодательства (ст. 322.2 и 322.3 УК РФ) могут совершаться в совокупности с такими преступлениями как незаконная выдача паспорта гражданина Российской Федерации, а равно внесение заведомо ложных сведений в документы, повлекшее незаконное приобретение гражданства Российской Федерации (ст. 292.1 УК РФ); внесение должностным лицом, а также государственным служащим или муниципальным служащим, не являющимся должностным лицом, в официальные документы заведомо ложных сведений

(ст. 292 УК РФ); подделка, изготовление, сбыт поддельных документов, государственных наград, штампов и печатей (ст. 327 УК РФ).

Совершению рассматриваемых преступных деяний могут сопутствовать некоторые должностные преступления, ответственность за которые установлена ч. 1 ст. 292.1 УК РФ, ст. 290 УК РФ.

Так, например, получение должностным лицом взятки за вымышленную регистрацию или постановку на учет, а также за внесение заведомо ложных сведений в документы, повлекшее незаконное приобретение гражданства РФ, подлежит квалификации по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 322.2 или 322.3, ч. 1 ст. 292.1 и соответствующей части ст. 290 УК РФ.

Следует отметить, что по ст. 292.1 УК РФ дополнительная квалификация возможна в случае, если в противоправных действиях должностных лиц и других служащих, выполняющих функцию в сфере регистрационного (миграционного) учета, не являющихся должностными лицами, будет установлен факт наступления последствий в виде незаконного приобретения российского гражданства. На практике встречаются случаи квалификации рассматриваемых деяний, совершаемых должностными лицами, по совокупности со ст. 292 УК РФ (служебный подлог).

Например, Д., являясь должностным лицом, был признан виновным в совершении нескольких преступлений предусмотренных ст. 322.2 и 322.3 УК РФ, а также за преступление предусмотренное ч. 1 ст. 291.2 УК РФ, т.е. за получение взятки через посредника в размере, не превышающем 10 тыс. рублей, восьми преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 292 УК РФ (служебный подлог, выразившийся во внесении должностным лицом в официальные документы заведомо ложных сведений (подписки, дописки) из корыстной или иной личной заинтересованности) [4].

Обратим внимание и на имеющиеся в судебной практике случаи квалификации рассматриваемых составов по совокупности с преступлением, предусмотренным ст. 285 УК РФ.

Так, С., являясь официальным лицом – специалистом паспортного стола ГУ ИС Бабушкинского района, признана виновной в осуществлении вымышленной постановки на учет двух иностранных граждан, а также в вымышленной регистрации по месту пребывания по своему адресу гражданина России, достоверно зная, что поставленные на учет граждане другой страны и российский гражданин по данному адресу пребывать не будут, т.к. у нее отсутствовало намерение предоставить им данное жилое помещение. Кроме этого, С. получила денежное вознаграждение за оформление свидетельства о регистрации, заведомо зная, что данная процедура является абсолютно бесплатной. Суд квалифицировал ее действия по ст. 322.3, ч. 1 ст. 290, ч. 1 ст. 285 УК РФ [5].

Анализ предписаний, содержащихся в ст. 285 УК РФ и ст. 322.2 и 322.3 УК РФ, позволяет заключить, что в ст. 322.2 и 322.3 содержится специальный вид злоупотребления должностными полномочиями, которое выражается в выполнении специальным субъектом действий, направленных на осуществление вымышленной регистрации и постановки на учет. Другими словами, статьи 322.2 и 322.3 УК РФ являются специальными по отношению к ст. 285 УК РФ, и по правилам ч. 3 ст. 17 УК РФ квалификация осуществляется по специальной норме. В приведенном выше примере по ст. 322.2 и 322.3 УК РФ с учетом обстоятельств этого дела, полагаем, что ст. 285 УК РФ была вменена излишне. Кроме того, при сравнении признаков объективной стороны состава получения взятки (ст. 290 УК РФ) и состава злоупотребления должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ), можно сделать вывод, что реальной совокупности при квалификации деяний по указанным составам быть не может, так как в соответствии со ст. 6 УК РФ никто не может нести уголовную ответственность за одно и то же преступление дважды.

Из вышеизложенного следует, что при квалификации преступлений, предусмотренных ст. 322.2 и 322.3 УК РФ, по совокупности с другими составами преступлений необходимо применять правило, закрепленное в ч. 3 ст. 17 УК РФ. И если преступления, предусмотренные ст. 322.2 и 322.3 УК РФ, являются

специальными по отношению к другим нормам, то противоправные деяния квалифицируются только по специальной норме [6, с. 23]. При совершении рассматриваемых преступлений должностными лицами возможна их квалификация по совокупности с другими составами преступлений при наличии соответствующих признаков таких составов преступлений, как, например, служебный подлог, мелкое взяточничество и другие, субъектами которых являются должностные лица и другие служащие, выполняющие функцию в сфере регистрационного (миграционного) учета.

Список использованной литературы

1. Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. М., 2010. 557 с.
2. Кудрявцев В.Н. Теоретические основы квалификации преступлений. М., 1972. 324 с.
3. Лайкова Е.А. Отграничение преступлений, предусмотренных ст.ст. 322.2 и 322.3 УК РФ, от смежных составов // Уголовное право в эволюционирующем обществе: проблемы и перспективы: по материалам VII Междунар. заоч. науч.-практ. конф. – Курск: Юго-Запад. гос. ун-т, 2017. С. 241–246.
4. Приговор Сакмарского районного суда Оренбургской области № 1/1-15/2017(1/1-111/2016) от 15 марта 2016 г. – URL: <http://sudact.ru/regular/doc/Oez1eoS2WBLP/> (дата обращения: 02.06.2017).
5. Приговор Бабушкинского районного суда г. Москвы № 1-326/14 от 6 мая 2014 г. – URL: <http://sudact.ru/regular/doc/Oez1eoS2WBLP/> (дата обращения: 12.01.2018).
6. Лайкова Е.А. Объективные признаки составов преступлений, предусмотренных ст.ст.322.2 и 322.3 УК РФ // Baikal Research Journal. 2016. Т. 7, № 5. С. 20–23.

Информация об авторе

Лайкова Елена Александровна – преподаватель кафедры специальной подготовки. Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации (664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110, esiirk@mvd.ru)

П.В. Никонов,
кандидат юридических наук, доцент
Иркутский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации

**К ВОПРОСУ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПОЛУЧЕНИЕ ВЗЯТКИ
ДОЛЖНОСТНЫМ ЛИЦОМ,
КОГДА ОНА ПО ЕГО УКАЗАНИЮ ПЕРЕДАЕТСЯ ИНОМУ
ФИЗИЧЕСКОМУ ИЛИ ЮРИДИЧЕСКОМУ ЛИЦУ**

Оцениваются изменения, внесенные в ст. 290 УК РФ федеральным законом от 3 июля 2016 г. №324, научное осмысление которых имеет важное значение для правильного определения порядка применения уголовного закона об ответственности за получение взятки. В этой связи излагаются аргументированные суждения, на основе которых формулируются обоснованные выводы.

Ключевые слова: получение взятки; передача взятки по указанию должностного лица иному физическому или юридическому лицу; имущественная выгода; родные и близкие должностного лица.

Статья 290 УК РФ в редакции федерального закона от 3 июля 2016 г. № 324-ФЗ [1] предусматривает ответственность не только за получение взятки должностным лицом, **но и когда взятка по указанию должностного лица передается иному физическому или юридическому лицу.** Это положение впервые законодательно закреплено в анализируемой статье Уголовного кодекса РФ.

Данное нововведение расширило юридическое содержание и пределы применения ст. 290 УК РФ.

В этой связи перечень лиц, которым по указанию должностного лица передается взятка, и характер их взаимоотношений с ним, является наиболее обсуждаемой проблемой, в оценке которой мнения специалистов в области уголовного права разнятся.

Актуальным, в частности, является вопрос о том, как необходимо толковать и применять новый признак состава получения взятки: следует это делать во взаимосвязи с пунктом 23 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9

июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» или без учета разъяснений, в нем содержащихся.

Согласно пункту 23 указанного постановления, если за совершение должностным лицом действий (бездействия) по службе имущество передается, имущественные права предоставляются, услуги имущественного характера оказываются не лично ему либо его родным или близким, а заведомо другим лицам, в том числе юридическим, и должностное лицо, его родные или близкие не извлекают из этого имущественную выгоду, содеянное не может быть квалифицировано как получение взятки (например, принятие руководителем государственного или муниципального учреждения спонсорской помощи для обеспечения деятельности данного учреждения за совершение им действий по службе в пользу лиц, оказавших такую помощь) [2].

Как видно, круг лиц, которым взятка может быть передана, ограничивается родными или близкими. Соответственно, вручение взятки другим лицам, с которыми должностное лицо не находится в близко-родственных отношениях исключает квалификацию по рассматриваемой статье.

Между тем, важно заметить, что обсуждаемые изменения в статью 290 УК РФ были внесены после принятия Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. №24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях», содержащего разъяснения, предусмотренные в пункте 23. По этой причине Верховный суд, предлагая рекомендации о правовой оценке предоставления взятки с согласия должного лица другим лицам, не принимал во внимание и не руководствовался актуальными нормативными предписаниями ст. 290 УК РФ («в том числе, когда взятка по указанию должностного лица передается иному физическому или юридическому лицу»).

Из них следует, что ответственность в ст. 290 УК РФ установлена не только за получение взятки должностным лицом лично или через посредника, но и за

передачу взятки по указанию должностного лица иному физическому или юридическому лицу без ее фактического получения должностным лицом.

При этом, в диспозиции статьи отсутствуют предписания, ограничивающие применение обсуждаемого нововведения кругом лиц, а равно характером их взаимоотношений с должностным лицом, нет указания и на другие обстоятельства, которые прямо или косвенно указывали бы на необходимость применения ст. 290 УК РФ, с учетом разъяснений, содержащихся в ранее упомянутом пункте 23 Пленума.

В пользу такого вывода, следует обратиться к решению Конституционного Суда РФ, отказавшего в принятии к рассмотрению жалобы на несоответствие Конституции ч. 1 ст. 290 УК. В обоснование принятого решения, высший судебный орган сослался, в частности, на то обстоятельство, что «введение такого уголовно-правового запрета согласуется и с требованиями статьи 3 Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию (принята в Страсбурге 27 января 1999 г.), предписывающей принятие таких законодательных и иных мер, которые могут потребоваться для того, чтобы признать в качестве уголовных правонарушений в соответствии с внутренним правом государства прямое или косвенное преднамеренное испрашивание или получение каким-либо из его публичных должностных лиц какого-либо неправомерного преимущества для самого этого лица или любого иного лица, или же принятие предложения или обещания такого преимущества, с тем, чтобы это должностное лицо совершило действия или воздержалось от их совершения при осуществлении своих функций» [3].

Об этом же по существу, говорится и в пояснительной записке к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», направленного на усиление уголовной ответственности за коррупционные преступления, подготовленного во исполнение подпункта «а» пункта 6 перечня поручений Президента РФ по итогам заседания совета при Президенте РФ по противодействию коррупции 26 января 2016 г. (Пр-299 от 16 февраля 2016 г.) [4].

Из нее следует, что в диспозицию ст. 290 УК РФ вносятся изменения, позволяющие признавать преступлениями случаи, когда взятка предоставляется не самому должностному лицу, а по его указанию другому физическому или юридическому лицу. Криминализация указанного деяния обусловлена необходимостью выполнения взятых Российской Федерацией международно-правовых обязательств, в частности ст. 1 Конвенции Организации экономического сотрудничества и развития против коррупции, согласно которой, каждое государство-участник принимает необходимые меры для признания уголовно-наказуемыми деяниями умышленного предложения, обещания или предоставления любых неправомерных преимуществ иностранному должностному лицу, в пользу такого должностного лица **или третьего лица**.

Между тем, Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. №24 в редакции от 24 декабря 2019 г. «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях», т.е. уже после того, как обсуждаемые изменения и дополнения были внесены в ст. 290 УК РФ, сохранило ранее содержащиеся разъяснения в пункте 23. Представляется, что этим Верховный суд недвусмысленно подтвердил порядок применения уголовного закона об ответственности за получение взятки, основанный на необходимости установления ее получения только лично должностным лицом либо его родными или близкими. При этом, возможность квалификации содеянного по ст. 290 УК РФ в случае получения незаконного вознаграждения другими субъектами, не относящимися к указанной выше категории, Пленумом не предусмотрена.

Таким образом, рассмотренные положения уголовного закона и Постановления Пленума Верховного суда продолжают находиться в несоответствии друг с другом, что ожидаемым образом отражается на формировании правоприменительной практики по указанной категории уголовных дел.

Список использованной литературы

1. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон РФ от 3 июля 2016 г. №324-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 27 (часть II). Ст. 4257.
2. О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 (в ред. от 31 дек. 2019 г.) // Российская газета. 2013. 17 июля; Российская газета. 2019. 31 дек.
3. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Колупаева Олега Владимировича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 290 Уголовного кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 27 июня 2017 г. №1412-О // СПС КонсультантПлюс.
4. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: проект федер. закона РФ № 1079243-6. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1079243-6> (дата обращения: 05.10.2020).

Информация об авторе

Никонов Павел Владимирович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин. Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации (664035, г. Иркутск, ул. Шевцова, 1, e-mail: Nikonov_PV@mail.ru)

УДК 343.22

ББК 67.408

Д.А. Пархоменко,
кандидат юридических наук, доцент
Иркутский институт (филиал)
Всероссийского государственного
университета юстиции
(РПА Минюста России)

ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: ПРАВОВЫЕ И УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

В статье проводится анализ общеправовых и уголовно-правовых последствий, связанных с освобождением лица от уголовной ответственности по основаниям, предусмотренным нормами Общей и Особенной частей уголовного закона, в особенности в отношении лиц, совершивших преступление впервые.

Ключевые слова: освобождение от уголовной ответственности; преступление; деятельное раскаяние; примирение с потерпевшим; возмещение ущерба; судебный штраф; специальные основания освобождения от уголовной ответственности; сроки давности.

Отечественное уголовное законодательство имеет широкий спектр поощрительных норм, регламентирующих освобождение от уголовной ответственности по различным основаниям. Такие нормы присутствуют как в Общей, так и в Особенной частях УК РФ и разграничиваются между собой по юридической природе и социально правовому значению. Отдельные виды освобождения от уголовной ответственности именуются в законе различно. Очевидно, что законодатель чаще всего делает акцент на основания такого освобождения (в связи с деятельным раскаянием – ч. 1 ст.75, ч. 2 ст.75 и примечания к статьям (частям статей)110², 126, 127¹, 145¹, 178, 184, 198, 199, 199¹, 199³, 199⁴, 200¹, 200³, 200⁵, 204, 204¹, 204², 205, 205¹, 205³, 205⁴, 205⁵, 206, 208, 210, 212, 222, 222¹, 223, 223¹, 228, 228³, 275, 282¹, 282², 282³, 284¹, 291, 291¹, 291², 307, 322², 322³, 337, 338 УК РФ; в связи с примирением с потерпевшим – ст. 76 УК РФ, ч.2 ст.20 УПК РФ; в связи с возмещением ущерба – ст.76¹ УК РФ; в связи с истечением сроков давности – ст. 78 УК РФ; в связи с согласием потерпевшего – примечание к ст.122 УК РФ; в связи с изданием акта амнистии – ч. 2 ст. 84 УК РФ; в связи с добровольным отказом от доведения до конца террористического акта – примечание к ст.205 УК РФ) либо другие обстоятельства (в связи с назначением судебного штрафа – ст.76² УК РФ; несовершеннолетнего – ст. 90 УК РФ).

Обширная часть таких норм действует в отношении ограниченной категории лиц, а именно лиц, совершивших преступление впервые. К таким видам освобождения от уголовной ответственности относятся: деятельное раскаяние в различных его формах (ч.1 ст.75 УК; ч.2 ст.75 и примечания к ст. 127¹, 145¹, 198, 199, 199¹, 199³, 199⁴, 205⁵, 208, 282¹, 282², 282³ УК РФ), примирение с потерпевшим (ст.76 УК РФ), освобождение от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба (ст.76¹ УК РФ), с назначением судебного штрафа (ст.76² УК РФ).

Почти все нормы, касающиеся освобождения от уголовной ответственности не имеют дополнительных условий действия, за исключением двух – с

назначением судебного штрафа (76² УК РФ) и освобождение от ответственности несовершеннолетних (ст.90 УК РФ).

Последнее обстоятельство, как представляется, определяет постановку важного вопроса, время от времени возникающего в теории и практике уголовно-правового регулирования: каковы правовые последствия освобождения от уголовной ответственности и существуют ли значимые отличия между теми, кто претендует на освобождение от уголовной ответственности, совершив преступление в первый раз в жизни, и теми, кто преступил черту уголовного закона не единожды? Вопрос этот актуален еще и по той причине, что в основе понятия лица, впервые совершившего преступление (к слову, понятия, неопределенного в уголовном законодательстве) лежит его судебное толкование не в фактическом, а юридическом значении.

Следует отметить, что проблема правовых последствий освобождения от уголовной ответственности порой рассматривается в контексте конкретных видов такого освобождения. На это указывает, например, вопрос, которым задаются А.Г. Кибальник и А.П. Попов: «каковы правовые последствия освобождения от уголовной ответственности, если не истекли сроки давности уголовной ответственности» [1]? Полагаем, уголовно-правовые последствия освобождения от уголовной ответственности таковы, что лицо перестает быть обязанным подлежать уголовной ответственности за ранее совершенное преступление. Ни тот факт, что при этом не истекли сроки давности по последнему, ни то, что освобождение от уголовной ответственности состоялось по иному основанию, уголовно-правового значения не имеет.

Заметим, что вопрос, поставленный А.Г. Кибальником и А.П. Поповым, ранее уже возникал в теории и практике уголовно-правового регулирования. Полемика фокусировалась на одном из решений Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР, согласно которому лицо, освобожденное от уголовной ответственности, может быть за те же действия привлечено к уголовной ответственности в пределах срока давности. Это решение нашло свое обоснование и в ряде источников специальной литературы

[2]. Под сомнение поставил эту позицию В. П. Малков. Автор указал, что новое преступление, совершенное после освобождения от уголовной ответственности за предыдущее, не может считаться повторным, так как решение об освобождении означает досрочное снятие правовых последствий совершенного преступления до истечения сроков давности привлечения к уголовной ответственности [3]. Дискуссию поддерживают и другие исследователи, и, таким образом, по данному вопросу в уголовно-правовой науке в настоящий момент присутствует плюрализм авторских позиций [4]. В свете сказанного выше, представляется, что приведенная позиция Верховного Суда РСФСР могла быть признана обоснованной, но лишь том случае, если бы речь шла только об условном освобождении от уголовной ответственности, то есть о виде такого освобождения, предусмотренного в ст. 52 УК РСФСР 1960 года. И действительно, лицо, освобожденное от уголовной ответственности, в этом случае могло быть привлечено к уголовной ответственности в пределах срока давности привлечения к уголовной ответственности в соответствии с ч.4 данной статьи: «Если лицо, взятое на поруки, в течение года не оправдало доверия коллектива, нарушило обещание примерным поведением и честным трудом доказать свое исправление, не подчиняется нормам социалистического общежития или оставило трудовой коллектив с целью уклониться от общественного воздействия, то общественная организация или трудовой коллектив, взявшие его на поруки, выносят решение об отказе от поручительства и направляют это решение в прокуратуру или суд для рассмотрения вопроса о привлечении этого лица к уголовной ответственности за то деяние, содержащее признаки преступления, в связи с совершением которого оно было передано на поруки (в ред. Указов Президиума ВС РСФСР от 11 марта 1977 г., от 3 дек. 1982 г.)».

Тем не менее, позиция В.П. Малкова, на наш взгляд, верна лишь в отношении безусловных видов освобождения от уголовной ответственности, предусмотренных в уголовном законодательстве того времени в ст.50¹, 51, п. «б» ст.64, примечания к ст.77², 174, ч.1 ст.218, ст. 224 УК РСФСР 1960 г.

С учетом сказанного можно сделать вывод, что акт освобождения от уголовной ответственности в уголовно-правовом смысле нивелирует уголовно-правовое значение юридического факта: совершения преступления. Иными словами, лицо, совершившее преступление и освобожденное от уголовной ответственности за него, считается в уголовно-правовом смысле его не совершавшим. А это значит, что в случае нарушения уголовного закона вновь, такое лицо признается впервые совершившим преступление. Такой механизм уголовно-правового регулирования в современных условиях «нарушается» при условном освобождении от уголовной ответственности, ведь лицо, освобожденное от уголовной ответственности в случаях, предусмотренных ст.76², 90 УК РФ, может быть привлечено к ней вновь при невыполнении названных в этих статьях условий.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что ответ на вопрос о правовых последствиях освобождения от уголовной ответственности в учебной и научной литературе по уголовному праву зачастую подменяется ответом об уголовно-правовых последствиях такого освобождения. Если не ставить знак равенства между правовыми последствиями совершения преступления и освобождения от уголовной ответственности за него, то правовые последствия последнего рода, будучи менее значимыми, чем первые, также весьма существенны, они предусмотрены, в частности, вст.331, 331¹ Трудового кодекса РФ, ст.127, 146 Семейного кодекса РФ, ст.16 Федерального закона «О федеральной службе безопасности», ст.4 Закона РФ «О статусе судей РФ», ст.29 Федерального закона «О полиции». А это значит, что правовые последствия освобождения от уголовной ответственности в широком смысле, в отличие от сугубо уголовно-правовых, едва ли не более серьезны, ведь они, хотя и не влияют на последние, имеют бессрочный характер.

Список использованной литературы

1. Кибальник А.Г., Попов А.П. О смысле освобождения от уголовной ответственности // Общество и право. 2012. № 5. С.120–123.

2. Вопросы уголовного права и процесса в практике Верховных Судов СССР и РСФСР. 1938-1978 / сост. С.В. Бородин и Г.Л. Левицкий. М., 1980. 448 с.

3. Малков В.П. Квалификация повторных преступлений, совершенных освобожденными от уголовной ответственности // Советская юстиция. 1967. № 6. С.24–25.

4. Наумов А.В. Правовые последствия освобождения от уголовной ответственности // Советская юстиция. 1976. № 20 С.10–11.

Информация об авторе

Пархоменко Дмитрий Александрович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии. Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (664003, г. Иркутск, ул. Некрасова, 4, e-mail: parkhomenkoda@mail.ru)

УДК 343.359

ББК 67.408

С.В. Пархоменко,
доктор юридических наук, профессор
Иркутский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации

А.А. Воронин,
Прокуратура г. Иркутска

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ КОНТРАБАНДЫ (СТ. 226¹ УК РФ)

В статье анализируется ряд проблем, связанных с уголовно-правовой ответственностью за совершение контрабанды, закрепленной в ст. 226¹ УК РФ.

Ключевые слова: преступление; контрабанда; культурные ценности; предмет контрабанды; место совершения контрабанды.

Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [1] в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) [2] были внесены существенные изменения, которые связаны с регламентацией ответственности за уголовно-наказуемую контрабанду. В соответствии с данным нормативно-правовым актом законодатель посчитал необходимым исключить ст. 188 УК РФ

(«Контрабанда») из числа уголовно-наказуемых деяний и параллельно с этим дополнил главу 24 УК РФ «Преступления против общественной безопасности» статьей 226¹ УК РФ, предусматривающей ответственность за контрабанду сильнодействующих, ядовитых, отравляющих, взрывчатых, радиоактивных веществ, радиационных источников, ядерных материалов, огнестрельного оружия или его основных частей, взрывных устройств, боеприпасов, оружия массового поражения, средств его доставки, иного вооружения, иной военной техники, а также материалов и оборудования, которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, средств его доставки, иного вооружения, иной военной техники, а равно стратегически важных товаров и ресурсов или культурных ценностей. С момента вступления обозначенного федерального закона в силу прошло почти девять лет, однако проблемы правовой регламентации контрабанды не утратили своей актуальности.

В частности, по-прежнему возникает вопрос: для чего законодатель решил в ст. 226¹ УК РФ, находящуюся в главе «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка», включить такие предметы контрабанды, перемещение которых, не образует посягательства на общественную безопасность и общественный порядок? В частности, культурные ценности, взрывчатые вещества и огнестрельное оружие законодателем поставлены в один ряд и перечислены в качестве предметов контрабанды. Кроме того, ответственность за контрабанду особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации, было бы целесообразно предусмотреть в соответствующей главе УК РФ, поскольку, учитывая именно стоимость обозначенных предметов, они могут выступать предметами контрабанды в рамках посягательства на экономические или экологические отношения [3, с. 53].

Что касается крупного размера, установленного примечаниями к ст. 226¹ УК РФ, то они закрепляют дифференциацию стоимости стратегически важных

товаров и ресурсов в зависимости от их вида. Например, крупным размером культурных ценностей признается их стоимость, превышающая сто тысяч рублей, в то время как для других стратегически важных товаров и ресурсов крупным размером признается их стоимость, превышающая один миллион рублей. Свидетельствует ли данная дифференциация о том, что стратегически важные товары и ресурсы неодинаково ценны и важны для законодателя? Убеждены, культурная значимость предметов не должна оцениваться в денежном эквиваленте. Таким образом, представляется не до конца обоснованной позиция законодателя относительно введения экономического признака к стоимости культурных ценностей [3, с. 54].

Если обратиться к законодательному закреплению понятия контрабанды, то, согласно положениям УК РФ, контрабандой признается незаконное перемещение, установленных кодексом предметов, в одном случае только через таможенную границу Таможенного союза (ст. 200² УК РФ) либо через таможенную границу Таможенного союза в рамках Евразийского экономического сообщества (далее – ЕврАзЭС) (ст. 200¹ УК РФ), а в другом случае – и через таможенную границу и через Государственную границу Российской Федерации с государствами-членами Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС (ст. 226¹, и ст. 229¹ УК РФ). Для чего же законодатель акцентирует внимание на этих двух видах мест незаконного перемещения [3, с. 53]?

Е.А. Азаренкова отмечает: «Законодатель неспроста выделил две разновидности места совершения контрабанды. Различия между понятиями таможенная и государственная граница следующие: государственная граница – реальная линия на местности, а таможенная граница – условная, воображаемая линия; государственная граница устанавливает область действия суверенитета в целом, а таможенная граница – то, что относится к сфере экономического суверенитета государства; государственная граница служит для определения пространственных пределов действия всего российского права, а таможенная граница очерчивает пределы действия таможенного законодательства России как формы выражения таможенного права» [4, с. 167].

Помимо этого, Уголовный кодекс в действующей редакции от 31 июля 2020 г. использует понятие таможенной границы Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС, но с 1 января 2015 года деятельность ЕврАзЭС прекращается в связи с тем, что учреждён Евразийский экономический союз (далее – ЕАЭС). Вопрос о том, почему законодатель, спустя пять лет так и не систематизировал законодательство, предусматривающее ответственность за контрабанду, остается открытым.

Одним из сложных вопросов современного уголовного законодательства об ответственности за контрабанду является также проблема многопредметности, вызванная бланкетностью диспозиции ст. 226¹ УК РФ. Обозначенная проблема заключается в значительном числе различных предметов контрабанды, не раскрываемых в названной статье, но закрепленных в других законах и (или) иных нормативных правовых актах, что вызывает необходимость, с одной стороны, отыскания и применения этих законов и актов и, с другой – назначения и проведения экспертиз для идентификации таких предметов. Так, в частности на практике возникает сложность при разграничении двух уголовно-правовых норм по предмету преступления (ст. ст. 200² УК РФ и 226¹ УК РФ). Правоприменителю требуется компетентное заключение специалистов, поскольку, например, возникает трудность признания неденатурированного этилового спирта с концентрацией 80% или более, а также этилового спирта и прочих денатурированных спиртовых настоек, стратегически важным товаром и ресурсом [5, с. 108].

Обозначенные нами проблемы могли бы быть решены следующим образом:

1. С учетом того, что законодатель включил в рамки ст. 226¹ УК РФ такие предметы, перемещая которые не осуществляется посягательства на общественную безопасность и общественный порядок, предлагаем исключить ряд предметов контрабанды из ст. 226¹ УК РФ и перенести их в соответствующие главы УК РФ.

2. Предлагаем отказаться от экономического признака при уголовно-правовой оценке незаконного перемещения культурных ценностей с

сохранением уголовной ответственности за совершение контрабанды культурных ценностей вне зависимости от стоимости таких предметов.

3. По причине прекращения деятельности ЕврАзЭС и учреждения ЕАЭС, предлагаем внести соответствующие изменения в статьи УК РФ, предусматривающие уголовную ответственность за совершение контрабанды.

Список использованной литературы

1. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон РФ от 7 декабря 2011 г. №420-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 50. Ст. 7362.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 27 окт. 2020 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

3. *Путилов П.Н., Шихова А.М.* Проблемы уголовного законодательства об ответственности за контрабанду и пути его совершенствования // Эпоха науки. 2018. №16. С. 52–56.

4. *Азаренкова Е.А.* Понятие контрабанды, посягающей на общественную безопасность (Ст. 226¹ УК РФ) // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 9. С. 165–168.

5. *Панфилова Н.Е.* «Контрабандные» преступления: единая природа – дифференцированная регламентация // ВЭПС. 2018. №1. С. 107–112.

Информация об авторах

Пархоменко Светлана Валерьевна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин. Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации (664035, г. Иркутск, ул. Шевцова, 1, e-mail: psvet@mail.ru)

Воронин Андрей Александрович – общественный помощник прокурора г. Иркутска (664003 г. Иркутск, ул. Урицкого, 17. e-mail: soklov38irk@outlook.com)

С.В. Пархоменко,
доктор юридических наук, профессор
Иркутский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации

А.А. Чичёв,
Прокуратура Емельяновского района Красноярского края

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПОНЯТИЯ ЛЕГАЛИЗАЦИИ (ОТМЫВАНИЯ) ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ И ИНОГО ИМУЩЕСТВА, ПРИОБРЕТЕННЫХ В РЕЗУЛЬТАТЕ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Описывается ряд позиций, связанных с вопросом сущности понятия легализации (отмывания) преступных доходов. Анализируется плюрализм мнений по указанному вопросу. Предлагаются авторские подходы к определению понятия легализации (отмывания) преступных доходов.

Ключевые слова: легализация преступных доходов; отмывание денег; понятие легализации.

В современной доктрине уголовного права сложилось несколько подходов к формулировке родового понятия, которое объединяет в себе преступные действия, составляющие диспозицию ст. ст. 174 и 174¹ Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ).

Прежде всего, сущность «легализации» рассматривается с точки зрения этимологии. Так, слово «легализация» происходит от лат. «legalis» – «относящийся к законам, законный» [1, с. 298]. Далее выясняется толкование исследуемого термина. Современный словарь иностранных слов содержит следующее определение легализации: «обретение легального положения, законной силы; подтверждение подлинности и юридической силы документа, выданного в иностранном государстве в международном праве» [2, с. 374]. Большой юридический словарь раскрывает одно из значений термина «легализация» следующим образом: «Легализация – разрешение деятельности какой-либо организации, ее узаконение придание юридической силы какому-либо акту, действию» [3]. Применительно к термину, употребляемому в статьях УК РФ, на этой основе делаются определенные выводы.

Так, например, К. Н. Алешин пишет, что «в результате операций по легализации преступные денежные средства должны не просто «получить правомерный вид», но стать абсолютно «легальными», то есть потерять статус преступно нажитых и не подлежать конфискации даже в случае раскрытия преступления, ставшего их источником. Однако этого не происходит. Сами средства не теряют статус преступно нажитых. Просто преступник маскирует их, придает им вид приобретенных правомерно» [4, с. 72].

Таким образом, сторонниками обозначенного подхода сущность такого явления как легализация преступных доходов не отождествляется с деятельностью лиц, стремящихся скрыть действительные источники происхождения преступно приобретенного имущества. Следовательно, как отмечает, например, О. Ю. Якимов, использование термина «легализация» в отношении отмыwania преступных доходов является терминологической ошибкой и поэтому от его использования необходимо отказаться [5, с. 121].

Вместе с тем, для обоснования противоположной позиции по данному вопросу, исследователи выясняют толкование слова «отмыwanie». Так, например, в толковом словаре глагол «отмыть» означает «1. Кого-что. Мытьём или промыванием очистить (от грязи, примесей)» [6]. В частности, из данного обстоятельства Ю. В. Быстрова делает вывод о том, что «в русском языке в значении, используемом в международных нормативно-правовых актах, слово «отмыwanie» не употребляется и, следовательно, оно присуще речи определенной социальной группы и полностью соответствует определению «жаргона» [7, с. 200].

И. Г. Тер-Аванесов считает, что «термин «отмыwanie» был «изобретен» преступным миром и в течении почти полувека использовался только в преступной среде» [8, с. 28]. Кроме того, он пишет, что «законы должны быть безупречными как по содержанию, так и по форме, а язык закона предельно точен. В противном случае «язык жаргона» может стать языком читателя, а что еще страшнее – законодателя и правоприменителя, что приведет к криминализации языкового самосознания» [8, с. 30]. Сторонником данной позиции является и Д. В. Чухвичев, который в связи с этим считает, что

«использование термина «легализация незаконно полученных денежных средств» является наиболее ясным и приемлемым по культурным соображениям» [9, с. 146].

Третий подход к толкованию родового понятия, объединяющего в себе действия, составляющие диспозицию ст. ст. 174 и 174¹ УК РФ, называют «легализация (отмывание)», ссылаясь на положения Федерального закона от 7 августа 2001 г. №115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов полученных преступным путем, и финансированию терроризма», в ст. 3 которого указано, что «легализация (отмывание) доходов, полученных преступным путем, – придание правомерного вида владению, пользованию или распоряжению денежными средствами или иным имуществом, полученными в результате совершения преступления» [10].

При этом, в рамках данного подхода по-разному отстаивается точка зрения о тождественности понятий «легализация» и «легализация (отмывание)». Шашкова А.В., в частности, утверждает, что «легализация (отмывание) не тождественно легализации, поскольку придание правомерного вида владению имуществом, приобретенным в результате совершения преступления, не равнозначно его узаконению, а является как бы узаконением, т.е. видимостью узаконения, поскольку придание явлению правомерного вида не гарантирует законность его содержания» [11, с. 20].

Помимо этого, большинство современных исследователей в своих работах отмечают, что понятие «отмывание» денежных средств возникло в 20-е годы XX века в Соединенных Штатах Америки. Согласно распространенной версии, денежные средства, полученные от нелегального производства, контрабанды и транспортировки спиртных напитков, смешивались с выручкой прачечных самообслуживания, принадлежавших Альфонсу Капоне. Именно таким образом он создавал видимость существования легальных доходов, что позволяло избежать ответственности за уклонение от уплаты налогов, не раскрывая действительные источники происхождения денежных средств [11, с. 272].

Таким образом, по нашему мнению, необходимо более детально подходить к проблеме определения такого термина как «легализация (отмывание)» дохода,

приобретенного в результате совершения преступления. Наиболее верной, на наш взгляд, является позиция, согласно которой термин «легализация (отмывание)» денежных средств и иного имущества, приобретенных в результате совершения преступления, представляется наилучшим образом отражающим сущность объективных и субъективных признаков составов преступлений, предусмотренных ст. ст. 174 и 174¹ УК РФ.

В подтверждение высказанной точки зрения отметим, что под «легализацией» преступных доходов, согласно этимологическому значению данного термина, следует понимать только урегулированную в соответствии с законом деятельность уполномоченных государственных органов по приданию законной силы доходам, приобретенным в результате совершения преступления с которых, например, не были уплачены налоги.

Кроме того, использование термина «отмывание» для выражения существа данного явления порождает в доктрине уголовного права большие споры, поэтому законодателю нецелесообразно принимать позицию сторонников первого подхода лишь на том основании, что понятие «легализация» не совсем точно отражает сущность действий лиц по приданию правомерного вида владению, пользованию и распоряжению преступно приобретенным имуществом.

Список использованной литературы

1. Латино-русский словарь. Ростов-на-Дону: Феникс, 2000. 704 с.
2. Словарь иностранных слов современного русского языка / сост. Т. В. Егорова. М.: Аделант, 2014. 800 с.
3. Большой юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарева, В. Е. Крутских. 2. изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2003. 703 с.
4. *Алешин К. Н.* Легализация (отмывание) доходов, полученных преступным путем, как преступление международного характера: дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. СПб., 2004. 183 с.
5. *Якимов О. Ю.* Легализация (отмывание) доходов, приобретенных преступным путем: уголовно-правовые и уголовно-политические проблемы : дис. ...канд. юрид. наук : 12.00.08. Саратов, 2004. 208 с.
6. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.

7. Быстрова Ю. В. Этимологическое значение термина «легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: гуманитарные и социальные науки. 2010. № 1. С. 198–202.

8. Тер-Аванесов И. Г. Легализация денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем: дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. М., 2005. 194 с.

9. Чухвичев Д. В. Логика, стиль и язык закона // Право и политика. 2005. № 2. С. 140–151.

1. О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма : федер. закон РФ от 7 авг. 2001 г. № 115-ФЗ (в ред. от 20 июля 2020 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. №33 (часть 1). Ст. 3418.

10. Шашкова А. В. Зарождение понятия «легализация» (отмывание) доходов, полученных преступным путем // Вестник МГИМО Университета. 2011. № 3. С. 272–274.

Информация об авторе

Пархоменко Светлана Валерьевна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин. Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации (664035, г. Иркутск, ул. Шевцова, 1, e-mail: psvet@mail.ru)

Чичёв Александр Александрович – общественный помощник прокурора Емельяновского района Красноярского края (664035, г. Иркутск, ул. Шевцова, 1, e-mail: chichyov_alexandr@mail.ru)

УДК 343.72

ББК 67.408

А.П. Перетолчин,

Восточно-Сибирский институт МВД России

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НОРМЫ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА МОШЕННИЧЕСТВО С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЭЛЕКТРОННЫХ СРЕДСТВ ПЛАТЕЖА ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ ГЕРМАНИИ

Рассматриваются нормы немецкого уголовного законодательства, регулирующие ответственность за мошенничество с использованием электронных средств платежа, проводится сравнительный анализ с аналогичными нормами российского законодательства. Автор приходит к выводу о том, что подход, сложившийся в уголовно-правовой практике Федеративной Республики Германия, существенно отличается от сложившегося в Российской Федерации.

Ключевые слова: мошенничество; борьба с преступностью; электронные средства платежа.

Уголовно-правовое законодательство Федеративной Республики Германия является одним из старейших в мире. Уголовный кодекс ФРГ (далее – УК ФРГ) был утвержден ещё в 1871 году и действует до сих пор. При этом в него регулярно вносятся изменения, продиктованные современными реалиями и социальными изменениями. Глава 22 УК ФРГ регулирует уголовную ответственность за мошенничество и злоупотребление доверием [1]. В статье 263 содержится общее понятие мошенничества в соответствии с уголовно-правовой доктриной государства. Под мошенничеством понимается неправомерное получение материальной выгоды для себя или другого лица, причиняющее ущерб чужому имуществу, совершаемое путем введения в заблуждение или поддержания заблуждения посредством создания заведомо ложного представления, искажения или сокрытия истинных фактов [2, с. 9].

Анализируя приведенную дефиницию, можно сделать вывод о том, что понятие мошенничества в немецкой уголовно-правовой доктрине имеет относительно схожее толкование с российской. Объективная сторона характеризуется также обманом, совершаемым как «активным» способом (введением в заблуждение путем искажения истинных фактов или создания заведомо недостоверного представления о них), так и пассивным (сокрытие истинных фактов) [3, с. 40].

Кроме того, статьей 266 УК ФРГ предусмотрена уголовная ответственность за злоупотребление доверием в качестве самостоятельного вида преступления. Под злоупотреблением доверием понимается злоупотребление лицом полномочиями, возложенными на него законом, органами государственной власти или вытекающими из сущности юридического договора по распоряжению активами другого лица или заключению обязательственных соглашений от имени другого лица, а равно неисполнение или ненадлежащее исполнение лицом обязанностей по защите имущественных интересов другого лица, возложенных на него законом, органами государственной власти, по условиям договора или фидуциарных отношений, в результате чего причиняется ущерб лицу, чьи интересы подлежали защите [2, с. 11].

При этом субъективная сторона указанного посягательства не имеет аналогичного мошенничеству характеризующего признака, выражающегося в корыстной цели, то есть может совершаться и без таковой.

Наряду с общим составом мошенничества в УК ФРГ, как и в УК РФ, выделяются специальные виды мошенничества. В немецком уголовном законодательстве к таковым относятся: компьютерное мошенничество (ст. 263а); мошенничество с целью получения субсидий (ст. 264); мошенничество с инвестициями (ст. 264а); мошенничество с целью получения страховых выплат (ст. 265); получение выгоды посредством обмана (ст. 265а); мошенничество в сфере кредитования (ст. 265b), мошенничество со ставками на спорт (ст. 265с), мошеннические махинации при проведении профессиональных спортивных мероприятий (ст. 265d), особо опасные случаи мошенничества со ставками на спорт и мошеннические махинации при проведении профессиональных спортивных соревнований (ст. 265е). В качестве специальных видов злоупотребления доверием законодатель рассматривает незаконные удержания из заработной платы и окладов (ст. 266а), неправомерное использование кредитных и дебетовых карт (ст. 266b) [1].

Последнее представляет особый интерес в контексте проводимого исследования. Как было отмечено выше, законодатель рассматривает данное преступное посягательство в качестве факта, в большей степени относящегося к злоупотреблению доверием, а не обману. И выделяет его в специальную норму статьи 266 УК ФРГ («Злоупотребление доверием»). Указанный подход находит свое отражение и при рассмотрении диспозиции рассматриваемой нормы: неправомерное использование кредитных и дебетовых карт представляет из себя злоупотребление лицом возможностью обязать эмитента произвести платеж, на основании предоставленной дебетовой или кредитной карты, в результате чего эмитенту причиняется ущерб.

Анализируя диспозицию указанной статьи можно сделать несколько выводов о сложившихся в немецкой уголовно-правовой практике подходах:

1. Неправомерное использование кредитной и дебетовой карты рассматривается как факт злоупотребления доверием, а не обмана эмитента. Таким образом, исходя из логики нормы основного состава, предусмотренного статьей 266 УК ФРГ, субъектом указанного посягательства может быть только лицо, обладающее полномочиями, возложенными на него законом, органами государственной власти или вытекающими из сущности юридического договора по распоряжению активами другого лица или заключению обязательственных соглашений от имени другого лица, а также лицо, в чьи обязанности входит защита имущественных интересов другого лица, возложенная на него законом, органами государственной власти, по условиям договора или фидуциарных отношений.

Таким образом, субъект рассматриваемого преступления значительно уже, чем в аналогичной норме российского законодательства (159.3 УК РФ).

2. Как было отмечено ранее, субъективная сторона злоупотребления доверием по немецкому законодательству не характеризуется корыстной целью, соответственно, и неправомерное использование кредитных и дебетовых карт, также, в соответствии с позицией законодателя, может совершаться не с корыстной целью.

3. Указание на нанесение ущерба эмитенту говорит о том, что правоприменитель рассматривает в качестве потерпевшей стороны именно эмитента – организацию, выпускающую платежное средство, а не лицо, которому данное платежное средство принадлежит.

В российской уголовно-правовой практике потерпевшим признается владелец денежных средств, электронным ключом доступа к которым является неправомерно использованное платежное средство.

Кроме того, статьями 152a и 152b УК ФРГ предусмотрена уголовная ответственность за подделку платежных карт, банковских чеков и векселей, а также предоплаченных карт и бланков еврочеков соответственно.

Список использованной литературы

1. Уголовный кодекс Федеративной Республики Германия 1871 года: версия, опубликованная 13 ноября 1998 года, с изменениями в соответствии со статьей 2 Закона от 19 июня 2019 года // Официальный сайт Министерства юстиции и защиты прав потребителей ФРГ. URL: http://www.gesetze-im-internet.de/englisch_stgb/englisch_stgb.pdf. (дата обращения: 03.10.2020).
2. *Волженкин Б.В.* Мошенничество. С.-Пб.: С.-Петербург. юрид. ин-т Генеральной прокуратуры РФ, 1998. 36 с.
3. *Южин А.А.* Мошенничество и его виды в российском уголовном праве: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2016. 238 с.

Информация об авторе

Перетолчин Артём Павлович – адъюнкт. Восточно-Сибирский институт МВД России (664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110, e-mail: peretart@gmail.com)

УДК 343.22
ББК 67.408

Е.В. Рогова,
доктор юридических наук, доцент
Иркутский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации

СНИЖЕНИЕ ВОЗРАСТА УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: ПЕРСПЕКТИВЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

Анализируется предложение органов законодательной власти о снижении возраста уголовной ответственности, приводятся аргументы в пользу такого решения, а также позиции, исключающие реализацию указанного предложения. Автором обосновывается вывод об отсутствии необходимости понижения возраста уголовной ответственности.

Ключевые слова: несовершеннолетний; уголовная ответственность; субъект преступления; возраст.

В последнее время все чаще со стороны органов законодательной власти звучат предложения о необходимости снижения минимального возраста уголовной ответственности до двенадцати лет. В 2008 г., затем в 2012 г., в 2017 г. обсуждалось это предложение, и вот в сентябре 2020 г. в Государственной Думе Российской Федерации вновь поднимается вопрос о снижении минимального возраста привлечения к уголовной ответственности, обосновывая это жестокостью противоправных деяний, совершаемых подростками [1].

Представляется необходимым дать некоторые комментарии относительно указанной идеи. Отвечает ли она потребностям современного состояния развития общественных отношений.

Известно, что в действующем российском уголовном законе установлено две минимальных возрастных границы, по достижении которых наступает уголовная ответственность: это четырнадцать и шестнадцать лет. В настоящее время широко обсуждается идея о том, чтобы к уголовной ответственности за тяжкие и особо тяжкие преступления привлекались лица с двенадцати лет.

Обращаясь к истории развития российского уголовного законодательства следует отметить, что на протяжении его существования возраст наступления уголовной ответственности менялся. Это было связано с тем, что уголовно-правовая политика на разных этапах своего развития имела различные тенденции в отношении лиц, не достигших восемнадцатилетнего возраста. В определенные периоды она характеризовалась усилением уголовной репрессии в отношении подростков, в другие периоды – наоборот, ее смягчением, что отражало социально-политические тенденции развития общественных отношений. Это подтверждается проведенным анализом истории российского уголовного законодательства, который свидетельствует о наличии норм, устанавливающих уголовную ответственность с семнадцати и даже с восемнадцати лет [2, 3]. В случаях совершения противоправных деяний лицами, не достигшими указанного возраста, применялись воспитательные меры. Исправление несовершеннолетних осуществлялось с помощью указанных мер, которые имели приоритет перед мерами уголовного наказания.

Следует особо отметить и обратные примеры, когда уголовная ответственность за совершение тяжких и особо тяжких преступлений устанавливалась с двенадцатилетнего возраста, что и предлагается сделать в настоящее время. Среди таких преступлений, за которые возраст уголовной ответственности устанавливался с двенадцати лет, были убийства, причинение насилия, телесных повреждений, а также кражи, как самый распространенный вид преступлений [4]. В юридической литературе советского периода усиление

мер уголовной репрессии по отношению к несовершеннолетним объяснялось «желанием указать несовершеннолетним, что советская власть предъявляет серьезные требования к своим подрастающим гражданам», о чем писал А.А. Пионтковский [5, с. 290].

Не соглашаясь с такой оценкой сложившейся ситуации, некоторые ученые отмечали, что усиление мер уголовной репрессии без значительного улучшения воспитательной работы с подростками не будет способствовать сокращению преступности. На установление уголовной ответственности с двенадцати лет, по их мнению, скорее всего, повлияла господствующая в то время концепция принуждения как универсального средства борьбы с преступностью [6, с. 477-478].

Основными аргументами в пользу снижения возраста, исходя из анализа обоснований такой позиции, выступают следующие. Во-первых, сторонники указанной идеи обращают внимание на то, что увеличивается доля тяжких и особо тяжких преступлений, совершаемых несовершеннолетними, они становятся более жестокими. Действительно, по данным Судебного Департамента Верховного Суда Российской Федерации доля тяжких и особо тяжких преступлений занимает достаточно значительное место в структуре преступности лиц несовершеннолетнего возраста. В настоящее время практически половина лиц, не достигших восемнадцатилетнего возраста, осуждается за совершение тяжких и особо тяжких преступлений [7]. Несовершеннолетние, являясь одной из уязвимых, поддающихся влиянию категорий населения в силу возрастных, психологических и иных особенностей, все чаще вовлекаются в совершение преступлений, представляющих угрозу общественной безопасности государства. Однако, решение проблем преступности несовершеннолетних, в том числе ее тяжкой составляющей, необходимо не только посредством установления уголовной ответственности с двенадцатилетнего возраста – в такой ситуации требуется комплексный, системный подход противодействия указанному виду преступности, который должен заключаться не только в реформировании действующего законодательства, но и улучшения социально-экономической ситуации в государстве.

Во-вторых, в условиях информационной глобализации подростки стали быстрее развиваться как на физическом уровне, так и на психологическом. Поэтому, как отмечается сторонниками снижения возраста уголовной ответственности, подросток в возрасте двенадцати лет уже способен осознавать общественную опасность своих противоправных деяний. Однако исследования в области психологии свидетельствуют о том, что «даже к 14-18 годам личность еще не заканчивает свое формирование по причинам того, что половое созревание, отсутствие опыта и необходимых знаний, стремление к самоутверждению препятствуют созданию устойчивой системы ценностей, представлений и принципов, оказывающих влияние на выбор форм и линий поведения» [8, с. 40–43].

Кроме того, совершенно справедливо замечено, что «при принятии такого решения на законодательном уровне необходимо учитывать не только способности подростков к осознанной общественной опасности совершенных ими деяний, но и возможности достижения мерами уголовной ответственности целей исправлений этих лиц и предупреждения совершения ими преступлений» [9, с. 20].

В-третьих, аргументируя свою позицию о снижении возраста, сторонники этой идеи говорят об опыте зарубежных стран, ссылаясь на то, что в некоторых государствах лица привлекаются к уголовной ответственности в более раннем возрасте. Согласно законодательству Швейцарии, уголовная ответственность наступает с десяти лет, наказание в виде лишения свободы применяется с пятнадцати лет. Думается, что абсолютно бесперспективно приводить в пример опыт зарубежных государств относительно возраста уголовной ответственности без проведения соответствующих серьезных исследований ювенальной юстиции того или иного государства. Например, в той же Швейцарии для несовершеннолетних существует специальное уголовное, а также уголовно-процессуальное законодательство, регулирующее вопросы привлечения данной категории лиц к ответственности, существует специальная система судов для таких лиц и т.п. Приоритет имеют воспитательные меры и меры защиты детей.

С 1 января 2007 г. вступил в силу Федеральный закон об уголовном праве в отношении несовершеннолетних, и все нормы, касающиеся регулирования вопросов уголовной ответственности несовершеннолетних, были исключены из УК Швейцарии [10].

Представляется, что прежде чем принимать подобные решения о снижении возраста уголовной ответственности необходимо совершенствовать уголовное законодательство в части мер уголовно-правового характера, применяемых к несовершеннолетним, развивать в нашей стране ювенальную юстицию, которая находится в настоящее время на этапе своего становления. Одна лишь мера в виде снижения возраста уголовной ответственности не сможет решить проблемы подростковой преступности, особенно в условиях гуманизации российской уголовной политики.

Список использованной литературы

1. Депутат прокомментировал идею снижения возраста уголовной ответственности // URL: <https://ria.ru/20200911/vozrast-1577091481.html>.
2. О комиссиях для несовершеннолетних: Декрет СНК РСФСР от 14 января 1918 г. // СУ РСФСР. 1918. № 16. Ст. 227.
3. О делах несовершеннолетних, обвиняемых в общественно-опасных деяниях: Декрет СНК РСФСР от 4 марта 1920 г. // СУ РСФСР. 1919. № 66. Ст. 227.
4. О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних: Постановление ЦИК и СНК от 7 апреля 1935 г. // СЗ СССР. 1935. № 19. Ст. 129.
5. Пионтковский А. А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. М., 1961. 666 с.
6. Уголовное право. Общая часть: учебник для вузов / под ред. д.ю.н., проф. И. Я. Козаченко, д.ю.н., проф. З. А. Незнамова. М., 1998. 516 с.
7. Данные Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4894>.
8. Зиядова Д.З. Некоторые правовые аспекты предупреждения преступности несовершеннолетнего // Вопросы ювенальной юстиции. 2006. № 3. С. 40–43.
9. Валуцкий Н.В. Правовые проблемы предупреждения ювенальной преступности: автореф. дис. ... к. ю. н.: 12.00.08. Ростов-на-Дону, 2002. 26 с.
10. Bundesgesetz über das Jugendstrafrecht. URL: <https://www.admin.ch/opc/de/classified-compilation/20031353/index.html>

Информация об авторе

Рогова Евгения Викторовна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин. Иркутский юридический

институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации (664035, г. Иркутск, ул. Шевцова, 1, e-mail: rev-80@yandex.ru)

УДК 343.2/.7, 343.9
ББК 67.408

Ю.Н. Румянцева,
кандидат юридических наук
Иркутский институт (филиал)
Всероссийского государственного
университета юстиции
(РПА Минюста России)

К ВОПРОСУ О ПОЛОЖЕНИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ УГОЛОВНОЙ ЮСТИЦИИ

Автором ставится вопрос о том, означает ли отсутствие ратификации положений Римского статута, что страна остается вне системы международной уголовной юстиции. Делается вывод, что эффективное функционирование такого международного института как Международный уголовный суд без полноценного включения в эти процессы не только России, но и США и Китая выглядит просто невозможным.

В статье исследуются возможности эффективного взаимодействия России и Международного уголовного суда, критически оценивается принцип комплементарности как основополагающий принцип Римского статута, раскрываются некоторые проблемы имплементации отдельных положений международного уголовного права в национальное законодательство, что приближает нас к включению в систему международной уголовной юстиции.

Ключевые слова: уголовная юстиция; уголовный закон; преступление; международный уголовный суд; Римский статут; принцип комплементарности; имплементация; ратификация; преступления агрессии.

Преамбула к Римскому статуту Международного уголовного суда гласит: «... самые серьезные преступления, вызывающие озабоченность всего международного сообщества, не должны оставаться безнаказанными и их действенное преследование должно быть обеспечено как мерами, принимаемыми на национальном уровне, так и активизацией международного сотрудничества ...» [1].

17 июля 1998 года 120 государств приняли в Риме (Италия) Статут, известный как Римский статут Международного уголовного суда, тем самым учредив

Международный уголовный суд для судебного преследования лиц, совершивших наиболее тяжкие преступления.

Главная задача Международного уголовного суда состоит в том, чтобы «положить конец безнаказанности лиц, совершивших наиболее серьезные преступления, вызывающие озабоченность всего международного сообщества, и тем самым содействовать предупреждению таких преступлений» [2, с. 1].

Международный уголовный суд юридически является независимым органом, основная задача которого заключается в том, чтобы осуществлять правосудие конкретных лиц за преступления, подпадающие под его юрисдикцию, без необходимости получения специального мандата от Организации Объединенных Наций. 4 октября 2004 года Международный уголовный суд и Организация Объединенных Наций подписали соглашение, регулирующее их институциональные отношения.

Предполагается, что никто не освобождается от уголовной ответственности перед Международным уголовным судом, даже действуя в качестве главы государства или правительства, министра или парламентария. Вместе с тем, Международный уголовный суд не исключает привлечение к ответственности лица, занимающего ответственное положение, за преступления, совершенные теми, кто действовал по его приказу или распоряжению. Точно так же амнистия не может использоваться в качестве защиты перед Международным уголовным судом. Иными словами, амнистия не является препятствием для осуществления Судом своей юрисдикции.

Россия подписала Статут 13 сентября 2000 года, но до 2016 года не ратифицировала его [3]. 16 ноября 2016 года Президент Владимир Путин подписал распоряжение об отказе России участвовать в Римском статуте [4].

Несмотря на то, что Римский статут не ратифицирован Российской Федерацией, его положения требуют всесторонней комплексной оценки, поскольку нельзя отрицать, что включение норм международного права во внутригосударственную правовую систему является правилом для большинства развитых государств. Без преувеличения, Международный уголовный суд

претендует на роль центра мировой уголовной юстиции, и от того, каким образом Россия будет осуществлять взаимодействие с этим институтом, возможно, во многом зависит интеграция нашей страны в систему мировой уголовной юстиции в целом.

По состоянию на ноябрь 2019 г. Римский статут ратифицировали 124 государства (124-м государством стал Сальвадор в июне 2016 г.), представляя все регионы: Африку, Азиатско-Тихоокеанский регион, Восточную Европу, Латинскую Америку и страны Карибского бассейна, а также Западную Европу и Северную Америку.

В числе стран, не являющихся участниками Статута, наряду с Россией, значатся, в том числе, США и Китай.

США подписали документ во время президентства Билла Клинтона (1993 – 2001). В 2002 г., когда главой государства был Джордж Буш-мл., было заявлено, что подпись утратила силу. Некоторые эксперты основную причину отказа от ратификации связывали с обеспокоенностью тем, что расследования могут быть начаты против американских военнослужащих, принимавших участие в операциях в Ираке (2003–2010) и в Афганистане (2001–2014) [5].

Китай никогда не подписывал Статут и выступает против деятельности Международного уголовного суда на том основании, что эта деятельность направлена против суверенитета национальных государств. Кроме того, принцип комплементарности дает Суду возможность судить судебную систему нации, включение преступлений агрессии ослабляет роль Совета Безопасности ООН. Кроме того, право прокурора возбуждать судебное преследование может открыть суд для политического влияния [6, с. 134].

В соответствии с указанным принципом приоритет отдается национальным системам. Государства несут ответственность за привлечение к суду лиц, совершивших наиболее тяжкие преступления на своей территории и за ее пределами.

Фактически, Римский статут Международного уголовного суда создал модель юрисдикции, которая не согласуется ни с одной из существующих моделей национальной уголовной юрисдикции, ни с существующей в рамках

трибуналов ad hoc международной уголовной юрисдикцией: в его основе лежит признание концепции Международного уголовного суда в качестве органа, дополняющего национальные судебные органы [7].

Почему же всё-таки Россия отозвала свою подпись под документом? Ряд экспертов связывали отзыв подписи с опубликованным отчётом Канцелярии Прокурора Суда об «оккупации Крыма» [8]. В частности, в отчете содержалась информация о результатах предварительного расследования по событиям на Украине с 21 ноября 2013: проанализировав события на Майдане, в Крыму и на востоке Украины, прокурор пришел к выводу, что «ситуация на территории Крыма и Севастополя равнозначна международному вооруженному конфликту между Украиной и Российской Федерацией» [9].

Вместе с тем, пресс-секретарь Президента РФ Д. Песков заявил, что выход из юрисдикции Международного уголовного суда продиктован «именно национальными интересами» и «никак не связан» с отчётом Канцелярии Прокурора Суда [10].

Сложно спорить с тем, что на оценку деятельности Международного уголовного суда требовалось определенное время. Существующий этап развития международных отношений оказался не готов к такому органу, как Международный уголовный суд. «Это показательный пример, когда международное право опередило международные отношения» [11]. Действительно, сложности ратификации Римского статута для России связаны, в первую очередь с тем, что Статут является международным договором жесткого типа, то есть к нему нельзя сделать никаких оговорок. Так, например, Франция вносила изменения в конституцию, чтобы ратифицировать Статут [12].

Как было отмечено ранее, предполагается, что Международный уголовный суд как институт должен являться центром мировой уголовной юстиции, но нельзя не отметить, что эффективность функционирования данного органа может быть поставлена под сомнение. Так, согласно официальному бюллетеню Суда [13] за период функционирования МУС Прокурором было инициировано всего 11 расследований, проведено 10 предварительных экспертиз, выдано 34 ордера на

арест, в том числе 16 ордеров были исполнены, а 3 ордера были отозваны после смерти подозреваемых, в суд было передано 27 дел.

Кроме того, в практике Суда имеется оправдательный приговор. Так, в январе 2019 г. невиновным в преступлениях против человечности (организация вооружённого конфликта из-за поражения на выборах, прошедших в 2010 году) был признан бывший президент Кот-д'Ивуар **Лоран Гбагбо**. Он предстал перед судом 30 ноября 2011 года, судебным решением в январе 2019 г. все выдвинутые обвинения в его адрес были сняты [14].

Официальных судебных решений, фигурантами которых являлись бы граждане России, по состоянию на январь 2020 г. Международным уголовным судом не принималось.

Означает ли отсутствие ратификации положений Римского статута, что страна остается вне системы международной уголовной юстиции? напротив, полагаем, что эффективное функционирование такого международного института как Международный уголовный суд без полноценного включения в эти процессы России, США и Китая выглядит просто невозможным.

Сложно спорить также с тем, что «уголовному закону в части выполнения Россией своих международных обязательств предстоит пройти еще долгий путь». Вместе с тем, также совершенно очевидны «взаимные выгоды от этого процесса, так как международное сообщество ожидает от нас этого». Не менее важно и то, что шаги в этом направлении должны актуализировать российскую научную мысль, «намного отставшую здесь в своем развитии от мирового уровня» [15].

Список использованной литературы

1. Римский статут Международного уголовного суда (принят 17 июля 1998 г. Дипломатической конференцией полномочных представителей под эгидой ООН по учреждению МУС; вступил в силу 1 июля 2002 г.). URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/rome_statute%28r%29.pdf (дата обращения: 06.09.2020).
2. Understanding the International Criminal Court // International Criminal Court, ICC-PIDS-BK-05-008/13_Eng| Updated on 4 July 2013, p.1.

3. United Nations Treaty Database entry regarding the Rome Statute of the International Criminal Court. *United Nations Treaty Database*. ООН. URL: https://treaties.un.org/Pages/ViewDetails.aspx?src=TREATY&mtdsg_no=XVIII-10&chapter=18&lang=en (дата обращения 04.09.2020).
4. О намерении Российской Федерации не стать участником Римского статута Международного уголовного суда: Распоряжение Президента РФ от 16 ноября 2016 г. № 361рп // Российская газета. 2016. 18 нояб.
5. Международный уголовный суд. Досье // ТАСС. – 2016. –17 нояб. URL: <https://tass.ru/info/3789627> (дата обращения: 13.09.2020).
6. Трикоз Е.Н. Начало деятельности Международного уголовного суда: состояние и перспективы // Журнал российского права. №3. 2005. С. 134–147.
7. Каюмова А.Р. Механизм позитивной комплементарности в современной практике Международного уголовного суда // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. № 3. Т. 1. 2017. С. 38–45.
8. Москва защитилась от Гааги // Новая газета. 2016. 16 нояб.
9. Отчет о действиях по предварительному расследованию. 14 ноября 2016 г. URL: <https://www.icc-cpi.int/iccdocs/otp/161114-otp-rep-PE-Ukraine.pdf> (дата обращения: 07.09.2020).
10. Москва отказывается от международно-юридического наследия 90-х годов. URL: <https://vz.ru/politics/2016/11/16/844129.html> (дата обращения: 13.01.2020).
11. Эксперт: отказ России от участия в Римском статуте МУС вполне оправдан. URL: <https://ria.ru/20161116/1481505817.html> (дата обращения: 13.09.2020).
12. Эксперт объяснил, почему Россия не будет участницей Римского статута МУС // Московский Комсомолец. 2016. 16 нояб.
13. The Court Today, ICC-PIDS-TCT-01-103/19_En, Updated: October 2019.
14. Решение судебной палаты Международного уголовного суда от 15 января 2019 г. по делу Лорана Гбагбо и Шарля Бле Гуде // International Criminal Court. Prosecutor v. Laurent Gbagbo and Charles Blé Goudé, ICC-02/11-01/15-T-232-FRA ET WT 15-01-2019 1/6 SZ T, Trial Chamber I, le 15 janvier 2019. URL: https://www.icc-cpi.int/Transcripts/CR2019_00115.PDF (дата обращения: 07.09.2020).
15. Есаков Г.А. Российский опыт криминализации серьезных нарушений норм международного гуманитарного права // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 2015. № 3. С. 50–65.

Информация об авторе

Румянцева Юлия Николаевна – кандидат экономических наук, кандидат юридических наук, заведующий кафедрой государственно-муниципального управления и предпринимательского права. Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (664005, г. Иркутск, ул. Некрасова, 4, e-mail: ynrumyantseva@mail.ru)

В.Г. Татарников,
кандидат юридических наук, доцент
Восточно-Сибирский филиал
Российского государственного университета правосудия

О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ САНКЦИЙ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ КОРРУПЦИОННОЙ И КОРЫСТНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Рассматриваются санкции, установленные в Уголовном кодексе России преступления корыстной и коррупционной направленности. Автор приходит к выводу, что в санкциях за наиболее опасные преступления коррупционного характера, относящиеся к тяжким или особо тяжким, в качестве основного наказания должно предусматриваться лишение свободы. Следует отказаться от установления в санкциях за такие преступления штрафа в качестве основной меры наказания. За преступления коррупционной направленности, относящиеся к тяжким или особо тяжким, в качестве дополнительной меры наказания должна предусматриваться конфискация имущества. Предлагается восстановить конфискацию имущества в качестве дополнительной меры наказания в Общей части УК РФ.

Ключевые слова: преступления корыстной и коррупционной направленности; получение взятки; санкция; наказание; конфискация имущества.

Такое негативное социальное явление как коррупция угрожает верховенству закона, демократии и правам человека [1]. В противодействии коррупции необходимо использовать весь арсенал средств и методов: уголовно-правовых и профилактических [2, с. 133]. Учитывая общественную опасность коррупционных проявлений, за совершение преступлений такого рода должны быть установлены эффективные, соразмерные и сдерживающие санкции и меры. К сожалению, санкции, установленные в современном российском законодательстве за преступления коррупционного характера, явно не обладают достаточным сдерживающим характером.

Российское уголовное законодательство советского периода и Уголовный кодекс России 1996 г. (ст. 52 УК РФ в первоначальной редакции) включали конфискацию имущества в перечень наказаний, что играло важную роль в

обеспечении справедливости наказания [3]. Федеральным законом от 08 декабря № 162-ФЗ конфискация имущества была исключена из перечня наказаний [4]. Тем самым депутаты Госдумы РФ открыли шлюзы экономическому криминалитету для отмывания «грязных денег», т.е. преступных доходов [5, с. 42–43].

Через три года после ожесточенной и справедливой критики со стороны криминологического сообщества в УК РФ была введена глава 15-1 «Конфискация имущества» [6]. Однако нормы, содержащиеся в этой главе нельзя назвать ни справедливыми, ни эффективными.

Включение норм о конфискации имущества в раздел VI УК РФ концептуально не обоснованно, поскольку природа конфискации имущества (в трактовке главы 15.1 УК РФ) и иных мер уголовно-правового характера, которым посвящен данный раздел УК РФ, принципиально различна. Меры медицинского характера и судебный штраф не являются формой реализации уголовной ответственности и поэтому не могут находиться в разделе VI УК РФ вместе с конфискацией имущества, поскольку они не образуют систему, так как оторваны друг от друга [7, с. 872]. Обращает на себя внимание и тот факт, что и сам перечень «конфискационных» преступлений, закрепленный в п. «а» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ, не имеет четких критериев и обладает пороками содержания [8, с. 22–23].

Предмет конфискации в главе 15.1 УК РФ, по сравнению с ранее действовавшей ст. 52 УК РФ, определен очень узко. Согласно ст. 52 УК РФ конфискации подлежало имущество, принадлежащее осужденному, то есть имущество, которым он владел на формально законных основаниях. В статье же 104.1 УК РФ речь идет о конфискации лишь того имущества, которое получено в результате совершения преступления или является доходами от этого имущества либо использовалось или предназначалось для использования в качестве орудия преступления, либо для финансирования терроризма, организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного

сообщества (преступной организации). Поэтому, в настоящее время лица, совершающие преступления корыстной направленности, по делам такого рода «рискуют» лишь тем имуществом, которым они завладели в результате совершения преступления.

Правоприменительная практика свидетельствует о неэффективности современного законодательства о конфискации имущества. Согласно статистическим данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ в 2018 г. за получение взятки осуждено в Российской Федерации всего 1068 человек, а конфискация имущества применена лишь к 99 лицам, то есть в 9 % случаев [9]. Несущественно изменилось и положение в 2019 г. Так, из 1247 осужденных по ст. 290 УК РФ за получение взятки, конфискация применена к 109 лицам (8,7%).

Поэтому для обеспечения социальной справедливости, реальной профилактики преступлений корыстной и коррупционной направленности следует восстановить в УК РФ конфискацию имущества как меру наказания [10, с. 288-289]. В юридической литературе правильно отмечается, что для принятия такого решения необходима политическая воля [11, с. 171-172]. Этого-то качества и не хватает современному российскому законодателю [10 6, с. 288-289].

Помимо включения конфискации имущества в систему наказаний, нуждаются в совершенствовании санкции за тяжкие и особо тяжкие преступления коррупционного характера и в части установления за их совершение основных мер наказания. В первую очередь, это касается недопустимости установления штрафа в качестве основной меры наказания за тяжкие и особо тяжкие коррупционные преступления, поскольку это по существу представляет законодательно закрепленную возможность для коррупционера «откупиться» от реальной меры наказания, связанной с лишением или ограничением его личной свободы. Подводя итог, можно выделить следующие направления совершенствования санкций за преступления коррупционной направленности.

Во-первых, в санкциях за наиболее опасные преступления коррупционного характера, относящиеся к тяжким или особо тяжким, в качестве основного наказания должно предусматриваться наказание в виде лишения свободы.

Во-вторых, следует отказаться от установления в санкциях за такие преступления штрафа в качестве основной меры наказания. Применительно к преступлениям коррупционной направленности, не относящимся к тяжким или особо тяжким, штраф может использоваться в качестве дополнительной меры наказания к основному наказанию (лишение свободы, принудительные работы, исправительные работы).

В-третьих, альтернативных санкции за преступления коррупционной направленности должны предусматривать наказания, близкие по характеру правоограничений, например, лишение свободы и принудительные работы. Не допустимо установление штрафа в качестве альтернативы мерам, связанным с изоляцией от общества.

В-четвертых, за преступления коррупционной направленности, относящиеся к тяжким или особо тяжким, в качестве дополнительной меры наказания должна предусматриваться конфискация имущества. В этой связи конфискация имущества должна быть восстановлена в качестве дополнительной меры наказания в Общей части УК РФ и предусмотрена в санкциях норм Особенной части за тяжкие и особо тяжкие преступления корыстной и коррупционной направленности. При этом в санкциях за особо тяжкие преступления она должна предусматриваться в качестве дополнительной обязательной меры наказания.

Список использованной литературы

1. Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию (ETS N 173). Заключена в г. Страсбурге 27 янв. 1999 г. Ратифицирована РФ: федер. закон РФ от 25 июля 2006 г. № 125-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 20. Ст. 2394.
2. *Побегайло Э.Ф.* Кризис современной российской уголовной политики // Уголовное право. 2004. № 4.

3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 27 окт. 2020 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.
4. О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 8 дек. 2003 г. № 162-ФЗ (ред. от 7 декабря 2011 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 50. Ст. 4848.
5. *Босхолов С.С.* Актуальные проблемы уголовной политики в сфере противодействия коррупции. // Пролог: журнал о праве. 2013. № 1. С. 42–43.
6. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О ратификации конвенции совета Европы о предупреждении терроризма» и Федерального закона «О противодействии терроризму»: федер. закон РФ от 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ (в ред. от 6 июля 2016 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3452.
7. *Комоско А.А.* Отдельные проблемы назначения наказания и применения иных мер уголовно-правового характера по российскому уголовному законодательству. // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2019. Т. 29. № 6. С. 868–876.
8. *Мартыненко Э.В.* Конфискация имущества в действующем российском уголовном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 24 с.
9. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4894> (дата обращения 5. 05. 2020).
10. *Татарников В.Г., Босхолов С.С.* О конфискации имущества как мере уголовного наказания // Вестник ИрГТУ. 2014. № 5.
11. *Golovnenkov, Pavel V., Ponyatovskaya, Tatiyana G.* Property confiscation in Russian and German criminal law// Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law. 2015. vol. 9. no. 1. PP. 164–173.

Информация об авторе

Татарников Владимир Германович – кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права. Восточно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия (664031, г. Иркутск, ул. Ивана Франко д. 23-а, e-mail: voldemar55@mail.ru)

В.Б. Хазизулин,
*Следственное управление
Следственного комитета России
по Приморскому краю*

**ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ
ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ
С ПРИЧИНЕНИЕМ ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ ПРИ ОКАЗАНИИ
МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ**

Рассматриваются преступления, связанные с причинением вреда здоровью при оказании медицинских услуг. Анализируются особенности специфики их квалификации и элементы состава. Определяются условия привлечения медицинского работника к уголовной ответственности.

Ключевые слова: квалификация; расследование; медицинский работник; вред здоровью; медицинская услуга.

Одной из первостепенных проблем, требующих к себе пристального внимания со стороны компетентных государственных органов, является проблема некачественного оказания медицинской помощи, влекущая за собой достаточно серьезные последствия в виде ухудшения здоровья, а также повышения уровня смертности российского населения.

Факты ненадлежащего осуществления профессиональных обязанностей медицинскими работниками, ставшие предметом судебного разбирательства, уже не являются единичными. Между тем, адекватную юридическую оценку дефектные действия работников сферы здравоохранения получают не всегда [1].

Расследование преступлений, связанных с причинением вреда здоровью при оказании медицинских услуг, представляет определенную сложность. В процессе практической деятельности следователи зачастую испытывают трудности при квалификации схожих, порой попросту аналогичных деяний, и делают непростой выбор между несколькими уголовно-правовыми нормами (оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности; неоказание помощи больному; причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности и иное), которые охватывают собой совершенное деяние и наступившие

преступные последствия.

В связи с этим представляется целесообразным и необходимым определить круг рассматриваемых преступных деяний, а также отдельные особенности их уголовно-правовой характеристики (указанное позволит учесть их специфику при определении методики и тактики расследования).

В настоящее время в положениях действующего российского уголовного закона отсутствуют специальные нормы, устанавливающие ответственность за совершение действий медицинскими работниками (как специальными субъектами), повлекших причинение вреда здоровью человека (пациента) [2], в диспозициях которых сфера их профессиональной деятельности рассматривалась бы в качестве элемента объективной стороны (места или обстоятельства) состава преступления. В свою очередь, при обращении к сформированной судебно-следственной практике, а также доктринальным позициям отечественных ученых-криминалистов [3] становится очевидно, что чаще всего преступные действия (бездействие) медицинского персонала, причинившие вред здоровью человека (пациента), квалифицируются следующим образом: причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности (ч. 2 ст. 118 УК РФ), заражение ВИЧ-инфекцией (ч. 4 ст. 122 УК РФ), неоказание помощи больному (ст. 124 УК РФ), незаконное осуществление медицинской деятельности (ч. 1 ст. 235 УК РФ), нарушение санитарно-эпидемиологических правил (ст. 236 УК РФ), выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности (ст. 238 УК РФ), халатность (ст. 293 УК РФ).

Однако в науке отечественного уголовного права представлена и иная точка зрения на круг так называемых «медицинских» преступлений: некоторые исследователи полагают, что к ним следует относить исключительно узкий перечень составов преступных деяний, включающий ч. 2 ст. 109 УК РФ, ч. 2 ст. 118 УК РФ, ч. 4 ст. 122 УК РФ, ч. 1 и ч. 2 ст. 124 УК РФ [4,5,6]. С приведенной точкой зрения едва ли возможно согласиться, поскольку сама сформированная судебно-следственная практика свидетельствует о том, что медицинские работники способны причинить вред здоровью пациента действиями, которые

содержат в себе признаки и иных составов преступлений.

Субъектом рассматриваемого круга преступных деяний по общему правилу выступают лица, являющиеся медицинскими работниками, включая врачей абсолютно всех медицинских специальностей, фельдшеров бригад скорой помощи, акушеров, медицинских сестер и братьев, санитарок. Указанные лица должны являться обладателями специального сертификата, подтверждающего у них наличие среднего профессионального или высшего медицинского образования, позволяющего осуществлять медицинскую деятельность (данное требование не распространяется на лиц, трудоустроенных на базе медицинских учреждений в должности санитарок, несмотря на то, что они также относятся к младшему медицинскому персоналу и выполняют соответствующий функционал).

Для правильной квалификации преступления играет особое значение также и разграничение профессиональных и служебных функций, возложенных на медицинского работника: иными словами, перед следователем стоит задача установить, в какой роли тот выступал при совершении преступных действий (допущении преступного бездействия). В частности, врач может выполнять действия в соответствии со своей медицинской специализацией (например, врач-анестезиолог вводил пациента перед операцией в наркоз, неверно рассчитал объем требуемой дозы, в связи с чем последний сохранил чувствительность, проснувшись от болевого шока в момент операции); либо, находясь на руководящей должности, выполнять контрольно-распорядительные функции (например, заведующий хирургическим отделением медицинского учреждения не предпринял действий по устранению неисправности реанимационного оборудования, что повлекло за собой невозможность начала реанимационных действий с целью спасения жизни человека). Именно от характера совершенных действий, допущенного бездействия медицинского работника и будет зависеть итоговая квалификация преступления [7, с. 4–6].

Подавляющее большинство преступных деяний, относящихся к медицинским, совершаются неумышленно, но имеют связь с наступлением

опасных последствий в виде причинения вреда здоровью человека различной степени тяжести. Тем самым, с субъективной стороны данную группу преступлений, как правило, возможно охарактеризовать виной в форме неосторожности (легкомыслия, небрежности), и лишь в некоторых случаях смешанной формой вины – умыслом по отношению к деянию и неосторожности по отношению к последствиям (ч. 2 ст. 293 УК РФ), а также прямым умыслом (ст.ст. 235, 238 УК РФ) [8, с. 198].

Непосредственным объектом данной группы преступных деяний выступает жизнь и здоровье человека, равно как и его конституционно провозглашенное право на получение квалифицированной медицинской помощи на территории российского государства, отвечающей требованиям безопасности, а также право на санитарно-эпидемиологическое благополучие [9].

Объективная сторона анализируемой группы преступных деяний может быть выражена как в форме совершения лицом активных действий (например, определение и реализация гинекологом-акушером неверной тактики родоразрешения (выбор естественных родов вместо требуемого для сохранения здоровья и жизни роженицы кесарева сечения), небрежное выполнение различного рода оперативных вмешательств (оставление в брюшной полости пациента инструментов, бинтов во время проведения операции), невнимательное применение необходимых для лечения пациента лекарственных средств (выбор превышающего объема дозы лекарственного препарата, введение в организм пациента не того лекарственного препарата), так и в форме недопустимого бездействия (отказ в экстренной или плановой госпитализации пациента в медицинское учреждение, уклонение от исполнения предписаний лечащего врача со стороны медицинской сестры) [9].

Местом совершения указанной группы преступных деяний выступают в подавляющем большинстве случаев медицинские учреждения: при этом форма их собственности не играет никакой роли, они могут быть как государственными, муниципальными, так и частными. Не имеет также значения и вид медицинского учреждения: это может быть как поликлиника, диспансер,

больница, лечебно-диагностический центр, родильный дом, перинатальный центр, частный медицинский центр, врачебный кабинет (если речь идет о частнопрактикующем враче). Однако необходимо учитывать также и то, что медицинская помощь может быть оказана и в любом ином месте, включая место жительства или место работы пациента, улицу, транспорт (например, автомобиль бригады скорой помощи).

К числу обязательных условий привлечения к уголовной ответственности лица, являющегося медицинским работником, надлежит относить нижеследующие:

деяние, которое выполняется субъектом, с нарушением установленных нормативов (стандартов) качества оказания медицинской помощи для соответствующего клинического профиля;

наличие неблагоприятных преступных последствий как для лица, являющегося пациентом (в контексте настоящего исследования – причинение вреда его здоровью), в частности, так и для российского социума в целом (в виде распространения оказания медицинских услуг, которые не отвечают установленным на законодательном и подзаконном уровнях требованиям безопасности);

наличие прямой причинно-следственной связи между деянием лица, являющимся медицинским работником, и наступившими неблагоприятными последствиями [10].

Разумеется, указанные условия не могут считаться универсальными, в связи с чем от следователя требуется дать уголовно-правовую оценку каждому отдельно взятому случаю ненадлежащего (некачественного) оказания медицинской помощи, дабы избежать ошибок квалификации, которые крайне часто встречаются в рамках сформированной судебно-следственной практики.

Более того, отметим, что, на наш взгляд, закрепление в содержании российского уголовного закона специальной нормы, устанавливающей ответственность медицинского персонала как специального субъекта, позволило бы разрешить трудности, сопряженные с выбором следователями варианта

квалификации содеянного медицинским работником. Данное обстоятельство способствовало бы обеспечению максимальной эффективности и результативности реагирования следственных органов на нарушения прав граждан в сфере оказания медицинской помощи, использованию ими всевозможных инструментов доказывания, отсутствию правовых коллизий при уголовно-правовой квалификации действий медицинских работников, что, в целом, благоприятным образом сказалось бы на процессе расследования уголовных дел о совершении данного рода преступных деяний.

Список использованной литературы

1. *Демченко В.А., Пархоменко С.В.* Причинение вреда жизни и здоровью пациентов: актуальные вопросы определения субъекта преступления // Пролог: журнал о праве. 2020. № 3. С. 34–42.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 27 окт. 2020 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.
3. *Глушков В.А.* Проблемы уголовной ответственности за общественно опасные деяния в сфере медицинского обслуживания: дис. докт. юрид. наук: 12.00.08. Киев, 1990. 43 с.
4. *Сергеев Ю.Д., Ерофеев С.В.* Неблагоприятный исход оказания медицинской помощи. М.; Иваново, 2001. 14 с.
5. *Смирнова Д.В.* Понятие «преступления медицинских работников против жизни и здоровья» и его криминалистическое значение // Адвокатская практика. 2015. № 2. 25 с.
6. *Григорьев Ю.П., Сергеев Ю.Д.* Юридические основы деятельности врача. Медицинское право: Учебное пособие. М.: Гэотар Медицина, 2008. 25 с.
7. *Боева О.Ю., Идрисова С.Ф.* Медицинский работник как субъект профессионального преступления // Проблемы экспертизы в медицине. 2009. №36. С. 4–6.
8. *Фадеева М.А.* К вопросу об уголовной ответственности за преступления в сфере здравоохранения // Уголовная ответственность. 2017. № 3. 198 с.
9. *Раков А.А.* Объективные признаки преступлений, совершаемых медицинскими работниками // Вестник Челябинского государственного университета. 2005. № 9. С. 117–120.
8. *Воропаева И.В., Исаев Ю.С., Воропаев А.В., Протасевич А.А.* Некоторые аспекты уголовной ответственности за преступления, связанные с оказанием медицинской помощи // Сибирский медицинский журнал. 2008. № 5. С. 108–110.

Информация об авторе

Хазизулин Виталий Биалалевич – руководитель третьего отдела по расследованию особо важных дел СУ СК России по Приморскому краю, полковник юстиции, аспирант кафедры криминалистики. ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета Российской Федерации» (125080, г. Москва, ул. Врубеля, д. 12, e-mail: hazizulinvitali@mail.ru)

УДК 343.01

ББК 67.408

В.Н. Шиханов,

кандидат юридических наук, доцент

Иркутский юридический институт (филиал)

Университета прокуратуры Российской Федерации

ИРРАЦИОНАЛЬНОЕ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ: МЕЖДУ КРАХОМ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ЕЁ НОВЫМИ ГОРИЗОНТАМИ

Рассматриваются примеры иррационального в уголовном праве, в том числе в науке и правоприменительной практике. Автор обращает внимание на то, что прежний вектор юридической доктрины и философии права, основанный на наукоцентризме и построенный на стремлении рационализировать право, не дал ожидаемых результатов и создал новые метанарративы и мифологемы. Обозначены два варианта выхода из создавшейся ситуации.

Ключевые слова: иррациональное в праве, общественная опасность, симулякр, правовая культура, постнеклассическое правопонимание.

Философия и юридическая наука на протяжении нескольких столетий активно занимались «расколдовыванием» (по М. Веберу) практик управления, а также государственно-правовых явлений. В духе эпохи Нового времени философы и правоведы старались максимально рационализировать право, государство, власть, освободив их от прежних «тёмных» иррациональных компонентов, от мифологем, утверждений, принимаемых на веру без должной эмпирической проверки, и всего тому подобного, объявленного ненаучным.

В результате индивид представлен как свободный, автономный, полностью рациональный, действующий сознательным и волевым образом субъект общественных отношений; право и государство описано с помощью «механизмов», совокупности прав и обязанностей; действие права и его

применение – через формальную логику, познание и сознательный выбор вариантов поведения. Право – высшая ценность и важнейший регулятор, а всеобщее соблюдение рационализированных правовых норм считается оптимальным состоянием общества.

Отсюда же берётся идея универсальности, равных возможностей достижения правопорядка и социальной гармонии у любых народов, возможность либеральной демократии для всех. Именно в этом типе рациональности наука признаётся высшей формой человеческого знания, имеющей право оценивать любое другое знание и любые человеческие практики.

Вместе с тем, последствия лингвистического поворота в эпистемологии, а также исследования, проводимые в русле социальной антропологии и постнеклассического правопонимания, позволяют со всей уверенностью говорить о том, что вместо расколдовывания и освобождения общества от иррационального были порождены новые метанарративы, которые опутаны новыми мифологемами, пришедшими на смену прежним, да к тому же создали дополнительную путаницу по старым вопросам о человеке и обществе. Иными словами, иррациональное не было побеждено, но мимикрировало, местами было дополнено новым фактическим содержанием и теперь неуправляемым образом влияет в том числе на уголовное право и его применение.

Учитывая формат данной работы, можно лишь кратко осветить примеры того, что хотя и вызывало сомнения у некоторых правоведов с позиции эмпирических оснований, однако не принято подвергать сомнению и принимается на веру в качестве аксиомы.

Например, использование законов формальной логики при квалификации преступлений, при толковании уголовного закона и формулировании положений доктрины. Анализ судебных решений (в том числе апелляционной, кассационной и надзорной инстанций) позволяет обнаружить, что в большинстве своём правоприменители делают существенные отступления от научных основ квалификации преступлений и правил формальной логики. Например, формируют суждения, подменяя тезисы и понятия. Нередко для обоснования

выводов, которые не могут быть выведены логически, используется так называемая сильная риторика, авторитет, аналогии либо оборот «по смыслу закона» (против которого выступал Чезаре Беккариа) [1, с. 160; 2, с. 409–412], и смысл порою выявляется разный. Это всё – не примеры неправосудных решений, отменённых вышестоящим судом, не отдельные упущения в работе правоприменителей, а сложившаяся повсеместно практика, живое уголовное право.

Да и в самой науке уголовного права по многим спорным вопросам сложились биполярные оппозиции, которые из-за зеркальности аргументов не могут быть разрешены с помощью логики. Победу одерживают те, на чью сторону стал Верховный Суд (работает сила авторитета), однако в основании такого выбора лежат иные посылки, нежели аргументы одной из сторон. Эти посылки остаются скрытыми, опираются на иррациональное, они не участвуют в формально-логических суждениях, но являются определяющими. Методы их обнаружения демонстрировали и зарубежные авторы (например, М. Фуко по вопросам применения смертной казни и вообще трансформации уголовной политики [3, с. 7–102]), и отечественные правоведы (А.М. Разогреева по вопросам квалификации общественно опасных деяний лицами, не отвечающим признакам общего или специального субъекта [4]).

Другим примером является общепреентивное действие уголовного закона. Мы без тени сомнения говорим студентам о том, как уголовный закон или отдельное его предписание самим фактом вступления в силу и опубликования регулирует поведение граждан, включает у них волевые усилия, направленные на отказ от запрещённых моделей поведения. В соответствии с этими утверждениями законодатели стараются снять многие общественные проблемы путём быстрого принятия поправок в УК (нередко бессистемно).

Вместе с тем, в юридической литературе неоднократно высказывались утверждения о том, что общепреентивные свойства уголовного закона оказались преувеличенными. Правомерное поведение в массе основано преимущественно не на знании правовых норм. Если уж опытные

правоприменители порой обнаруживают пробелы в знаниях УК, ошибки в толковании границ дозволенного и запрещённого, что же ждать от населения, не разбирающегося в тонкостях категориального аппарата, а зачастую вовсе не читающего ни учебников по праву, ни текста УК.

Обратимся к термину «общественная опасность», который практически полностью утратил своё первоначальное смысловое значение. Если ранее это была конкретная уголовно-политическая категория, рационально отсылающая к положениям революционной социалистической идеологии [5, с. 23–24], то теперь это – обозначение некоего смысла, скрывающегося за риторикой о преступлении и преступнике, некоторой сложноуловимой идеи [6, с. 55–60]. С одной стороны считается очевидным, что этот признак описывает объективно существующую способность преступления причинить вред охраняемым общественным отношениям, что он отражает качественную и количественную стороны преступления (характер и степень). На самом же деле научного инструментария для проведения этих измерений нет (хотя исследования оснований криминализации и декриминализации проводились). Методов улавливания идеи, скрытой за термином «общественная опасность», также нет: такая способность должна развиваться у правоведа или правоприменителя подобно процедурному знанию или откровению, т.е. иррационально.

В результате рассматриваемый признак стал настолько аморфным и конъюнктурно гибким, что претендует на статус симулякра. В доктрине уголовного права он позволяет разным правоведам выявлять за ним полностью противоположные смыслы и количественные значения, а в сложившейся правоприменительной практике он используется как инструмент индивидуализации ответственности и колдовства (термин П.С. Яни): суды включают его в свою риторику тогда, когда в основе лежит личная мировоззренческая позиция правоприменителя, однако её необходимо завуалировать и не позволить на неё выйти с позиций формальной логики, блокируя рациональную линию спора на этот счёт.

Весьма проблемным является феномен уголовного наказания. Мало того, что наказание весьма специфично влияет на профессиональную рецидивную преступность, катализирует развитие криминальной субкультуры и процессы стигматизации. В доктрине открыто утверждается, что наказание не снимает, а порой даже усугубляет конфликт между преступником и потерпевшим или обществом [7, с. 80–81], его цели не учитывают отношения виновного к содеянному (раскаяния), нет внятного понимания того, как размер срока наказания коррелирует с достижением целей исправления и предупреждения новых преступлений [8, с. 374, 404–411].

В России, Китае и ряде других стран, отчасти – в США, население ожидает от наказания карательной составляющей (преступник должен страдать), в то время как страны Северной и Центральной Европы минимизируют карательную составляющую под влиянием аболиционистов, это находит отклик в правовой культуре и также даёт вполне определённые успехи. Получается, что наши рассуждения о наказании и его важном социальном, правоохранительном и праввосстановительном характере вне социокультурного контекста конкретного этноса, эпохи, а также нюансов его исполнения не имеют смысла.

Высказывания о том, что наказание хотя и влечёт много издержек, однако оно неизбежно, так как замены ему нет – не являются научными. Они основаны на некотором малоотрефлексированном чувстве его сакральной важности в системе удержания порядка. Это чувство, во-первых, указывает на неизученную до конца важную связь наказания с социальными практиками и «нормальным порядком вещей», а во-вторых, оно является древним, донаучным, его развитие не требует получения высшего образования, но оно с легкостью дезавуирует все рациональные доводы против наказания.

Если это так, то зачем пытаться умолчать об этой иррациональной составляющей феномена «наказание» и безуспешно пытаться объяснить его строго рационально? То же самое касается и многих других категорий и институтов уголовного права и криминологии. Мифологемы, неизбежно порождаемые на этом пути, лишь отдаляют нас от понимания и без того

непростой картины социально-правовой действительности, а сама доктрина обнаруживает признаки нахождения в стадии т.н. регрессивного сдвига по терминологии И. Лакатоса [9, с. 220, 361, 369].

По всей видимости, уголовно-правовая наука находится перед выбором:

1. Отказаться от опоры на исключительно классическую методологию и переосмыслить само значение «наука» в духе положений философии и методологии науки конца XX века, предложенных, в том числе, П. Фейерабендом. Речь идёт о расширении границ науки с признанием за ней права работать с феноменами иррационального, исследовать их взаимодействие с тем, что считается рациональным. На наш взгляд, для общественных наук это вполне уместно и позволит отойти от упрощённого представления о социальной действительности.

2. Оставаться на прежних позициях, но принять как данность положения современной эпистемологии, где произошел крах идеи наукоцентризма. Тогда придётся признать, что знания и предложения, полученные наукой уголовного права, отнюдь не являются более полезными, правильными, эффективными, нежели те, которые были получены другими формами познания: здравым смыслом, практическим или политическим мышлением, интуицией, верованиями и т.д.: они равноправны с наукой, и на самом деле давно используются наряду и даже вместо неё. Очевидно, такое признание может показаться страшным, подобным гибели самой идеи научного знания, падения его ценности. Для того, чтобы наука в этих условиях окончательно не ушла в себя и не деградировала, придётся искать формы взаимодействия и конкуренции с другими формами знания, т.е. перед уголовно-правовой наукой будут поставлены новые задачи.

Список использованной литературы

1. *Честнов И.Л.* Постклассическое правопонимание // *Общественные науки и современность*. 2010. № 5. С. 157–162.
2. *Беккариа Ч.* О преступлениях и наказаниях / Библиографический очерк и перевод М. М. Исаева, Всесоюз. Ин-т юрид. наук НКЮ СССР. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1939. 464 с.

3. *Фуко М.* Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999. 479 с.
4. *Разогреева А.М.* Правовые позиции Верховного Суда Российской Федерации по вопросу квалификации преступлений с «негодным» субъектом: опыт дискурс-анализа // Право. Журнал высшей школы экономики. 2020. № 1. С. 211–229.
5. *Понятовская Т.Г.* Концептуальные основы уголовного права: история и современность: автореф. дис. докт. юрид. наук. Екатеринбург: УрГЮА, 1997. 34 с.
6. *Марцев А.И.* Общие вопросы учения о преступлении. Монография. Омск: Изд-во Омск. юрид. ин-та МВД России, 2000. 136 с.
7. Уголовное наказание: социально-правовой анализ, систематизация и тенденции развития: монография / под ред. В. Ф. Лапшина. М.: Юрлитинформ, 2018. 408 с.
8. *Гилинский Я.И.* Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. 2-е изд., перераб. и доп. С.-Пб.: Юридический центр Пресс, 2009. 504 с.
9. *Лакатос И.* Избранные произведения по философии и методологии науки / Пер. с англ. И. Н. Веселовского, А. Л. Никифорова, В. Н. Поруса. М.: Академический Проект; Трикста, 2008. 475 с.

Информация об авторе

Шиханов Владимир Николаевич – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин. Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации (664035, г. Иркутск, ул. Шевцова, дом 1, e-mail: ipkpr@irmail.ru)

СЕКЦИЯ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА, КРИМИНАЛИСТИКИ И СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

ББК 67.52
УДК 343.98

*В.А. Бельков,
Иркутский институт (филиал)
Всероссийского государственного
университета юстиции
(РПА Минюста России)*

*А.Г. Анисимов,
кандидат юридических наук
Иркутский институт (филиал)
Всероссийского государственного
университета юстиции
(РПА Минюста России)*

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ОСУЩЕСТВЛЯЕМЫЕ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ НЕЗАКОННЫХ РУБОК ЛЕСНЫХ НАСАЖДЕНИЙ

Описываются некоторые направления предупреждения незаконных рубок лесных насаждений. Указывается на значимость действий по борьбе с подобными преступлениями.

Ключевые слова: следователь; незаконная рубка лесных насаждений; предписание об устранении причин и условий.

При осуществлении уголовного преследования на досудебных стадиях уголовного судопроизводства, следователь (дознатель), оперативный работник и иные лица, входящие в состав следственно-оперативной группы помимо основных целей – осуществления раскрытия и расследования, проводят много и «сопутствующей» работы, которая также является весьма важной для комплексной борьбы с преступностью. Разбираясь в обстоятельствах произошедшего события, сотрудники правоохранительных органов устанавливают сведения, которые могут быть использованы при анализе причин совершения преступлений и специфике работы по их профилактике. Подобная работа в соответствии с ч. 2 ст. 73 УПК РФ [1] проводится при выявлении всех

преступлений, в том числе и экологической направленности, где одними из самых распространённых деяний являются незаконные рубки лесных насаждений.

Стоит отметить, что незаконные рубки лесных насаждений представляются весьма интересными преступлениями с точки зрения организации расследования и специфики проведения следственных действий, которые обусловлены самими особенностями их совершения. Древесина, в отличие от большинства похищаемого имущества, ценностей, денежных средств, а также от наркотических средств, прекурсоров, оружия, боеприпасов обладает гораздо большими характеристиками массы, объема и других свойств и качеств, которые существенно затрудняют совершение незаконных рубок. Вместе с тем, преступники придумывают новые и изменяют старые способы, направленные на успешную реализацию преступного умысла. В этой связи процесс совершенствования мер профилактики подобных преступлений должен иметь системный характер, где могут играть важную роль и представления следователя об устранении обстоятельств, способствующих совершению преступления, изучая которые можно выделить следующие основные направления.

1. Улучшение системы охраны и управления лесами. В настоящий момент деятельность по охране и управлению лесами не является целостной системой, успешно справляющейся со своими функциями. Можно отметить, что часть проблем заключается в том, что вопросы природопользования в соответствии с п. «д» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ [2] относятся к предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации. В этой связи система управления лесами и её правовое регулирование могут иметь отличия по территориальному принципу. Подобное обстоятельство приводит к сложностям в выработке единой политики управления лесами и создания успешно функционирующей системы. Предпринимаемые регионами меры в этом направлении не всегда дают необходимый результат, поскольку субъекты Федерации в принципе не способны решать задачи подобного уровня в силу ограниченности финансовых возможностей, полномочий и т.п. Например, в

Иркутской области произошла реорганизация органа исполнительной власти – Агентства лесного хозяйства, которая завершилась созданием Министерства лесного комплекса. Однако это не предотвратило коррупционные проявления, в связи с чем бывший министр лесного комплекса Иркутской области С.В. Шверда оказался причастен к незаконным рубкам с суммарным ущербом в 748 млн. рублей.

2. Развитие системы мониторинга деятельности лесозаготовительных организаций. Стоит признать, что в настоящий период времени подобная система работает не всегда успешно. Требуется четкий контроль за объемом вырубленного леса, точного установления территории осуществления рубки и др. В противном случае лесозаготовительные организации самостоятельно осуществляют рубку сверх установленных объемов, в том числе посредством выхода за границы лесной деляны. При этом также на практике встречаются ситуации, при которых официальные лесозаготовители принимают древесину у незаконных поставщиков, способствуя легализации подобного сырья.

3. Создание условий по отслеживанию перемещения древесины. Традиционно для этих целей использовалось клеймение, которое, впрочем, не всегда эффективно. Кроме того, в связи с сокращением стационарных постов ДПС и уменьшения штатной численности подразделений ГИБДД в целом, процесс отслеживания перемещения древесины является весьма проблематичным. Для его решения требуется применение прорывных технологий, способных кардинально повлиять на ситуацию. Одним из таких решений можно назвать чипирование древесины, позволяющее точно установить происхождение древесины (место заготовки, организацию-заготовителя и др.). На территории Российской Федерации чипирование древесины применяется только в одном субъекте – Иркутской области, где действует не всегда успешно. Однако недоработки с функционированием чипирования на территории Иркутской области не должны влиять на явные плюсы внедрения подобной системы в Российской Федерации, выражающиеся в

сложности легализации древесины, заготовленной противоправным способом, а также возможности четкого отслеживания путей перевозки.

4. Реализация мер по проверке легальности древесины, поступающей на пункты приема и переработки. Решением, способным существенно повысить «прозрачность» деятельности пунктов лесопереработки, безусловно, является комплексный переход на электронный документооборот: начиная от лесорубочного билета и до сопроводительной документации, позволяющей четко установить весь путь. К бумажным носителям преступники давно адаптировались, что выражается в таких примерах, как внесение исправлений, искажение указанных сведений, изготовление бланков или подделке документов. Только электронный документооборот, который проводится в специальной защищенной программе, способен решить вопросы учета, легальности, а в необходимых случаях и ответственности конкретных людей, которые вносили недостоверные сведения, поскольку такие факты отражаются в памяти специальных программ.

5. Модернизация системы отслеживания легальности древесины в таможенных пунктах пропуска. В настоящее время большие объемы нелегально заготовленной древесины отправляются в Китай, Финляндию и иные страны. Подобная ситуация возможна благодаря огрехам в работе таможенных органов, действующим на основе не всегда эффективных правил пропуска грузов через границу. Постоянное совершенствование правовых вопросов, решение проблем технического обеспечения наряду с недавним запретом вывоза необработанной древесины должны повысить эффективность деятельности таможенных органов в этом направлении.

6. Работа с лицами и организациями, оказывающими помощь незаконным лесозаготовителям техникой и инструментами. Не секрет, что многие организации и физические лица отдают в аренду (как официально, так и не официально) технику и оборудование, которое используют и незаконные лесозаготовители. Арендодателям необходимо заранее устанавливать цели

использования предоставляемой техники и установить систему контроля за их соблюдением. В противном случае подобные факты будут повторяться.

7. Выявление более «узких» причин, способствующих совершению незаконных рубок, которые проявляются при расследовании конкретных уголовных дел или отдельных эпизодов.

Важно констатировать, что следователи (дознаватели) могут и должны выявлять все условия, каждые из которых в отдельности или же в своей совокупности несут определенные риски совершения преступления. Законодатель не ставит барьеров в этой сфере для органов расследования, в связи с чем выносимые представления об устранении обстоятельств, способствующих совершению преступления, должны иметь комплексный характер для всесторонней борьбы с преступлениями. Только комплексный взгляд на проблемы лесной отрасли со стороны законодателей, общественности и органов, осуществляющих расследование, способствуют наведению порядка в лесной отрасли. В противном случае узкое мышление приведет только к локальным успехам, которые затеряются в общей массе огромных масштабов незаконных рубок лесных насаждений, совершаемых на территории нашей страны.

Список использованной литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 дек. 2001 г. №174-ФЗ (ред. от 27 окт. 2020 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. №52 (часть I). Ст. 4921.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. с изм., одобр. в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.). URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

Информация об авторах:

Бельков Владислав Александрович – старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики. Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (664011, г.Иркутск, ул. Некрасова, 4, e-mail: vladislav-cherem78@mail.ru)

Анисимов Андрей Геннадьевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики. Иркутский институт (филиал)

Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (664011, г. Иркутск, ул. Некрасова, 4, e-mail: 7821@mail.ru)

УДК 343.19
ББК 67.71

Е.М. Варпаховская,
кандидат юридических наук, доцент
Иркутский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры
Российской Федерации

ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В РЕГУЛИРОВАНИИ ВОПРОСОВ ПОДСУДНОСТИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ, ПОДЛЕЖАЩИХ РАССМОТРЕНИЮ СУДОМ С УЧАСТИЕМ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ

Освещаются отдельные проблемы правового регулирования, связанные с подсудностью суда присяжных в Российской Федерации, в частности, касающиеся возможности или невозможности рассмотрения данным судом уголовных дел о преступлениях, совершенных несовершеннолетними лицами.

Ключевые слова: производство в суде присяжных; подсудность уголовных дел; несовершеннолетние обвиняемые (подсудимые).

С момента введения суда с участием присяжных заседателей в законодательство современной России [1] не стихают споры о целесообразности его существования. Сторонники защиты данного правового института и их противники пытаются приводить различные аргументы в отстаивание своих позиций. Некоторые из них (например, о длительности судебных процессов, что является обременительным и для граждан, и для бюджета государства) видятся достаточно убедительными, поскольку подтверждаются примерами из практики. Так, «в Казани «процесс боксеров» шел два с половиной года, 35 присяжным (включая запасных) была выплачена компенсация 2,5 млн. рублей» [2]. Или другие данные: «...на вызов кандидатов для проведения одного отбора коллегии присяжных заседателей затрачивается от 1,5 млн. рублей до 10 млн. рублей» [3, с. 60].

Споры о целесообразности существования суда присяжных в России не прекращаются и по сей день. Но спорь – не спорь, факт остается фактом. В

Российской Федерации предусмотрен для рассмотрения уголовных дел состав суда с участием присяжных заседателей. Более того, в настоящее время прослеживается тенденция к расширению сферы его деятельности: с 1 июня 2018 г. он функционирует и в районных судах [цит. по: 2].

В соответствии со ст. 30, 31 УПК РФ к подсудности судов с участием присяжных заседателей по предметному признаку отнесена значительная категория уголовных дел, охватывающая более чем 20 составов преступлений, ответственность за которые предусмотрена УК РФ (убийства; преступления против половой свободы и половой неприкосновенности; посягательства на жизнь государственного или общественного деятеля, на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование; незаконное производство, сбыт, пересылка наркотических средств, психотропных веществ в особо крупных размерах и пр.).

Указанные преступления совершают и несовершеннолетние лица. Однако анализ УПК РФ и разъяснений Конституционного Суда Российской Федерации по вопросам подсудности уголовных дел о преступлениях совершенных несовершеннолетними лицами и подлежащих рассмотрению судом с участием присяжных заседателей, позволил выявить некоторые проблемы в правовом регулировании и неоднозначность позиции Конституционного Суда. Так, изначально УПК РФ при изложении правил о подсудности (ст. 30, 31) не закрепил прямого запрета на рассмотрение судом с участием присяжных заседателей уголовных дел о преступлениях, совершенных несовершеннолетними, что обусловило неясность при толковании рассматриваемых правовых норм. В связи с чем Конституционный Суд Российской Федерации разъяснил, что «...п. 1 ч. 3 ст. 31 УПК РФ не предполагает в системе действующего правового регулирования возможность рассмотрения судом с участием присяжных заседателей уголовных дел о преступлениях, совершенных лицами до 18 лет, которым в силу положений УК РФ не могут быть назначены пожизненное лишение свободы или смертная казнь...» [5]. Т. е. помимо предметного признака подсудности было предложено

учитывать особенности личности обвиняемого (персональный признак подсудности). В дальнейшем Федеральным законом от 29 декабря 2017 г. №467-ФЗ в УПК РФ было введено правило о запрете рассмотрения судом с участием присяжных заседателей уголовных дел о преступлениях, совершенных лицами до 18 лет [6].

Однако проблемы рассматриваемого вопроса на этом не закончились. Нередко несовершеннолетние лица совершают преступления вместе со взрослыми. Закономерно возник вопрос, полномочен ли суд с участием присяжных заседателей рассматривать такое уголовно дело? Ответа на данный вопрос УПК РФ не содержит.

Если попытаться провести аналогию с ситуацией, когда преступление совершено группой лиц, один из которых – военнослужащий (т. е. имеет место персональный признак подсудности), где УПК РФ определяет, что при невозможности выделения уголовного дела в отношении остальных лиц, такое уголовное дело подсудно военному суду (ч. 7.1 ст. 31 УПК РФ), то логично предположить, что и в рассматриваемой ситуации с несовершеннолетним обвиняемым при невозможности выделения в отношении него уголовного дела в отдельное производство, суд присяжных не должен рассматривать такое дело, учитывая особенности личности несовершеннолетнего обвиняемого, на что указал Конституционный Суд в названном выше решении.

Однако, применительно к данной ситуации Конституционный Суд Российской Федерации обозначил несколько иной подход. Ссылаясь на ранее изложенную правовую позицию о том, что в процессе реализации дискреционных полномочий по определению состава, соотношения и приоритета норм, подлежащих применению в конкретном деле, суды должны следовать такому варианту их интерпретации, при котором исключается возможность ущемления гарантированных Конституцией Российской Федерации прав и свобод, Конституционный Суд Российской Федерации пришел к выводу, что «часть вторая статьи 325 УПК РФ, имеющая своим основанием провозглашенное статьей 47 Конституции Российской Федерации

право на рассмотрение дела судом с участием присяжных заседателей ... по ее конституционно-правовому смыслу в системе норм уголовно-процессуального законодательства выступает в качестве специальной нормы по отношению к общим положениям УПК РФ о персональной подсудности дел несовершеннолетних обвиняемых, а значит, в случае коллизии между ними она обладает приоритетом исходя из общеправового принципа *lex specialis derogat generali*, определяющего критерий выбора в случае конкуренции общей и специальной норм, регулирующих одни и те же общественные отношения...» [7]. Т. е Конституционный Суд Российской Федерации в рассматриваемой ситуации отдал приоритет праву взрослого обвиняемого, заявившего ходатайство о рассмотрении дела судом с участием присяжных заседателей, сделав ремарку о том, что при рассмотрении уголовного дела в суде с участием присяжных заседателей в отношении несовершеннолетнего подсудимого должны соблюдаться правила главы 50 и другие нормы УПК РФ, регулирующие производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних и закрепляющие повышенные гарантии защиты прав и законных интересов таких лиц.

Представляется, что вопрос о подсудности суду присяжных уголовных дел, совершенных взрослыми в соучастии с несовершеннолетними лицами, должен быть решен на законодательном уровне, опираясь на глубокие научные исследования, мнение общественности. При этом во главу угла следует поставить интересы несовершеннолетних лиц, что соответствовало бы и международно-правовым стандартам, и Конституции Российской Федерации, и запретить суду с участием присяжных заседателей рассматривать все уголовные дела о преступлениях, совершенных несовершеннолетними лицами.

Список использованной литературы

1. О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судостроительстве РСФСР», Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях : Закон от 16 июля

1993 г. № 5451-1 (утратил силу) // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 33. Ст. 1313.

2. *Верецагин А.* Что не так с нашим судом присяжных? URL: https://zakon.ru/blog/2020/03/09/ chto_ne_tak_s_nashim_sudom_prisyazhnyh (дата обращения: 14.09.2020).

3. *Васяева Н. Л.* Суд присяжных: достоинства и недостатки // Государство и право в XXI веке. 2017. № 2. С. 58–64.

4. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с расширением применения института присяжных заседателей: федер. закон РФ от 23 июля 2016 г. № 190-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 26 (часть 1). Ст. 3859.

5. По делу о проверке конституционности пункта 1 части третьей статьи 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В. А. Филимонова: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20 мая 2014 г. № 16-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2014. № 5.

6. О внесении изменений в статьи 30 и 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и статью 1 Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с расширением применения института присяжных заседателей: федер. закон РФ от 29 декабря 2017 г. № 467-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 1 (часть 1). Ст. 51.

7. По делу о проверке конституционности пункта 2.1 части второй статьи 30 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом ленинградского областного суда: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 22 мая 2019 г. № 20-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2019. № 4.

Информация об авторе

Варпаховская Елена Михайловна – кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой организации и методики уголовного преследования, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации (664035, г. Иркутск, ул. Шевцова, 1, e-mail: lenavarp@mail.ru)

В.А. Воткин,
кандидат юридических наук
Владивостокский филиал
Российской таможенной академии

КУЛЬТУРНО-ЭТНИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ РЕГИОНОВ КАК ФАКТОР, ВЛИЯЮЩИЙ НА ФОРМИРОВАНИЕ МЕТОДИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ

Статья посвящена вопросам формирования частной методики расследования применительно к географической области, с учетом ментальных особенностей и культурно-этнического своеобразия. Выдвигается гипотеза о том, что такие основания и знания о них весьма существенны и могут служить определяющими для выбора тактико-методических приемов расследования.

Ключевые слова: расследование; процесс доказывания; оперативно-розыскная деятельность; криминалистика; раскрытие преступлений; разбойные нападения.

Разработка методики расследования преступлений требует создания и обоснования нового структурного построения частных криминалистических методик. Системы научных положений этого раздела криминалистики необходимо совершенствовать, используя комплексный подход, который изначально включает в себя разработку частных методик расследования исходя не только из положений общей теории криминалистики, криминалистической техники и криминалистической тактики, но и во взаимосвязи с иными отраслями права.

Криминалистика, как отрасль научного знания, призвана разрешать дискуссионные теоретические вопросы с тем, чтобы способствовать повышению эффективности раскрытия и расследования преступлений. Для этого наиболее предпочтительны индивидуальные методики, формирующиеся на частных методиках. Криминалистическая методика расследования преступлений представляет собой научно-практические рекомендации о том, что, как и в какой последовательности необходимо делать следователю при расследовании каждого конкретного преступления. Учёные-криминалисты предлагают

разрабатывать алгоритмы расследования (криминалистические технологии). С учётом современных условий криминалистические технологии развиваются и трансформируются.

Изучая теоретические проблемы создания методики расследования, А.Ю.Головин и Н.П. Яблоков пришли к выводу о том, что методика позволяет выработать и сформировать стратегию все криминалистической деятельности, сопряженной с расследованием совершенных преступных деяний [1, с. 241]. Причиной этого является то, что уменьшение количества категорий исследуемых предметов позволяет выявить большее количество взаимосвязей и детерминант, окружающих их, определить более конкретно взаимное влияние предмета на окружающую среду (и наоборот). При изучении объектов их целостная картина может быть сформирована лишь через анализ наиболее существенных связей, а также при использовании специальных знаний о закономерностях, детерминации, взаимоопосредованности.

В доктрине бытует утверждение, что содержание частных криминалистических методик способно обуславливать формирование общих методик, а также вносить изменения в их структуру [2, с. 681; 3, с.12]. В продолжение данной позиции, в контексте настоящего исследования мы рассматриваем вопрос о формировании частной методики расследований в зависимости от конкретного региона, отличающегося своим культурно-этническим своеобразием. Наша гипотеза заключается в том, что именно названные региональные особенности являются определяющими для выбора тактико-методических приемов расследования. Для подтверждения данной гипотезы обратимся к криминально-криминологическому своеобразию совершения разбоев в Северо-Кавказском федеральном округе.

Северо-Кавказский федеральный округ – единственный округ России, где русские не составляют подавляющего большинства местного населения, ввиду чего преступность здесь характеризуется наличием признаков, обусловленных детерминантами геополитического, военно-политического, исторического, социально-экономического и этнопсихологического характера. В частности, об

этого говорит криминолог У.Т. Сайгитов, который в своей работе отмечает, что на фоне смены политических условий жизни, возникновения сепаратизма крайне остро стал ощущаться вакуум духовности населения, и, как следствие, укрепление позиций криминальной субкультуры. При этом сдвиги общественного правосознания протекают под традиционно-национальным воздействием, принимающим ярко выраженный демонстративный характер. Особенно болезненно эти процессы происходят на территории Северного Кавказа России: обычаи препятствуют качественному расследованию преступлений, розыску преступников, и, к сожалению, порой таких антиправовых обычаев придерживаются даже сами сотрудники правоохранительных органов [4, с.43].

Между тем, для криминалистики интерес представляют сугубо профессиональные моменты: особенности механизма преступного поведения, побудительные мотивы соучастия в преступлениях или их сокрытии, особенности раскрытия и расследования преступлений в условиях тотального главенства родственных и дружеских обязательств над гражданским или служебным долгом и т.п.

По данным Генеральной прокуратуры РФ о состоянии преступности в Северо-Кавказском федеральном округе, в первом полугодии 2019 г. было зарегистрировано 39 451 преступление. Каждое четвертое правонарушение – обычные кражи. Семь преступлений, связанных с бандитизмом, столько же похищений людей; 20 хулиганств, 109 разбоев, 265 случаев умышленного причинения тяжкого вреда здоровью. Правоохранители раскрыли 3 063 преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, изъято более 600 единиц стрелкового и другого оружия, самодельных взрывных устройств, 52 тысячи боеприпасов. На 20% выросло количество тяжких и на 13,3% – особо тяжких преступлений (в том числе на 4,6 % – убийств и покушений на них). В результате число погибших в СКФО увеличилось на 2,5 процента, достигнув 569 человек. Раскрыто 5 483 преступлений, связанных с оборотом наркотиков – на 16%, чем в 2018 г. В состоянии алкогольного опьянения совершено более трех

тысяч преступлений, в том числе каждое третье убийство. На 8,7% сократилось число выявленных правоохранителями коррупционных преступлений (1 353 преступления в первом полугодии 2019 г.). С точки зрения Генеральной прокуратуры – это свидетельство слабой выявляемости таких преступлений [5].

Такой многонациональный населенный округ, граничащий с пятью государствами, известный повышенной активностью террористических и бандитских формирований требует разработки специальных рекомендаций по осуществлению деятельности правоохранительных органов. Совершенно очевидно, что таких исходных позиций будет недостаточно если при формировании частной криминалистической методики использовать данные одной только криминалистики. При проведении исследования были получены различной степени значимости сведения о тех составляющих, которые позволяют обосновать необходимость создания методики не только расследования указанной категории преступлений, но и их выявления, поскольку именно население Северо-Кавказского федерального округа, как никакое другое, не желает сотрудничать с правоохранительными органами, не желает становиться участниками уголовного судопроизводства. Этим объясняется высокий уровень латентности, в том числе, разбойных нападений.

Следствием данной специфики является то, что правоохранительные органы не способны должным образом реагировать на высокий рост разбоев, произошедших на территории СКФО, что влечет низкий уровень их раскрываемости [6, с.11]. Анализ состояния разбоев проводится на основе данных официальной статистики, и при этом за его пределами остается внушительная часть данных преступных деяний (о них просто не заявляется и уровень латентности разбоев здесь значительно выше, чем в любом ином регионе страны): так, свыше 45% потерпевших не обращаются по данным фактам в компетентные правоохранительные органы. Причины этого достаточно различны: неуверенность в наказании преступника; боязнь угроз и расправы с его стороны, родственные отношения со свидетелями, с самим обвиняемым, а также попустительство со стороны сотрудников полиции» [7, с. 3].

Статистические данные свидетельствуют и о другом: каждый третий разбой в этом округе сопряжен с незаконным проникновением в жилище, что влечет повышение общественной опасности данного деяния.

Еще одна характерная черта разбойной преступности в СКФО: в подавляющем числе случаев это – преступность несовершеннолетних, причем год от года процент таких лиц в общей структуре разбоев растет, в некоторых районах – в два, три раза. Более 89,6 % преступлений совершаются группами несовершеннолетних. Некоторые источники указывают, что возрастает также и женская несовершеннолетняя разбойная преступность – эта тенденция начала отслеживаться с 2002 года [7].

В рамках настоящего исследования выявлены и характерные социально-демографические признаки лиц, осужденных за указанные преступные деяния: значительную часть осужденных за разбой составляют лица в возрасте 18-19 лет – 17 %, что объяснимо только начинающимся процессом становления личности человека, на который негативное влияние могут оказать конфликты с окружающими, сложные жизненные ситуации, желание показать себя «смелым» в глазах товарищей, подражать лидеру, отойти от традиций и мнения старших.

Лица, совершающие разбойные нападения, как правило, ведут паразитический образ жизни, не имеют постоянного места работы и проживания. Иногда (примерно в 12% случаев) имеют работу низкой профессиональной квалификации: разнорабочие, заправщики, скотники, сварщики, и только 5 из них – военнослужащие. Остальные же являются учащимися различных учебных заведений (в том числе и школ) и составляют 23 % от общей массы, либо лицами, не занятыми социально полезной деятельностью (60% от общей массы). Таким образом, прослеживается негативное влияние безработицы на жителей региона, так как лица, не занятые в трудовой деятельности также склонны к злоупотреблению алкоголем.

Все перечисленные обстоятельства позволяют нам сформировать криминалистический портрет преступника, совершающего разбой в СКФО. Как мы видим, имеются существенные отличия между приведенными данными и

общей структурой этого вида преступности в России. Мы полагаем, что именно криминологическо-криминалистическое своеобразие влечет за собой те особенности расследования, которые отражаются на эффективности методики в целом.

Список использованной литературы

1. Яблоков Н.П., Головин А.Ю. Криминалистика: природа и система. М., 2005. 173 с.
2. Аверьянова Т. В., Белкин Р. С., Корухов Ю. Г. Криминалистика / под ред. Р. С. Белкина. М., 1999. 990 с.
3. Заурбеков Ю.З. Региональные особенности преступности в Чеченской Республике. Российская юстиция. № 9. 2006. С.55–57.
4. Сайгитов У.Т. Влияние традиций и обычаев на преступность в Республике Дагестан. Журнал российского права. № 3. 2004. С.43–47.
5. Кияшко Р. Коррупцию скрыли горы // Российская газета. 2020. 4 сент.
6. Солодовников С.А. Криминологический анализ грабежей и разбоев в системе преступного насилия и их противодействие интересам личности и общества: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1997. 21 с.
7. Юсупкадиева С.Н. Методика расследования грабежей и разбоев (по материалам Республики Дагестан): автореф. дис... канд. юрид. наук. М., 2006. 28 с.

Информация об авторе

Воткин Владимир Александрович – кандидат юридических наук, доцент кафедры. Владивостокский филиал ГКОУ ВО «Российская таможенная академия» (690034, г. Владивосток, ул. Фадеева, 31, e-mail: vladimir@votkin.ru)

УДК 343.985

ББК 67.61

И.М. Егеров,
кандидат юридических наук, доцент
Иркутский институт (филиал)
Всероссийского государственного
университета юстиции
(РПА Минюста России)

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ

Рассматривается вопрос о роли мышления в следственной деятельности. Уделяется внимание такой его разновидности как профессиональное мышление. Отмечается влияние на протекание мыслительных процессов изначально конфликтного характера взаимодействия следователя с участниками уголовного судопроизводства. Подобный конфликтный характер взаимодействия

предопределяет значимость стратегического мышления в деятельности следователя. Рассматривается влияние достижения других наук на решение задач криминалистики. Уделяется внимание необходимости учета положений теории игр, а также возможности использования метода рефлексии при разработке рекомендаций, направленных на оптимальное протекание мыслительных процессов.

Ключевые слова: следственная деятельность; стратегическое мышление; профессиональное мышление; криминалистическое мышление; конфликт.

Внимание ученых-криминалистов уже долгое время привлекают вопросы, связанные с профессионально значимыми качествами главного участника процесса расследования – следователя. Особое значение придается интеллектуальным качествам следователя, среди которых выделяется способность к эффективному мышлению. В последнее время криминалисты стали уделять повышенное внимание такой условной разновидности данного психического познавательного процесса как криминалистическое мышление.

Мышление – наиболее обобщенная и опосредованная форма психического отражения действительности, устанавливающая связи и отношения между познаваемыми объектами [1, с. 170].

Мышление является предметом комплексных, междисциплинарных исследований, представляя интерес для многих наук. В философии рассматриваются вопросы соотношения мышления и материи, возможности и пути познания мира с использованием мышления. Формальная логика изучает основные формы мышления, такие как понятие, суждение, умозаключение. В социологии осуществляется исследование процесса исторического развития мышления в зависимости от социальной структуры различных обществ. Предметом исследования мышления в физиологии выступают мозговые механизмы, посредством которых реализуются акты мышления. В психологии мышление изучается как познавательная деятельность, дифференцируемая на виды в зависимости от уровней обобщения и характера используемых средств, их новизны для субъекта, степени его активности, адекватности мышления действительности [2, с. 191–192].

В связи с неоспоримым и существенным влиянием процесса мышления на деятельность лица, осуществляющего расследование по уголовным делам, представителями криминалистической науки продуктивно ведутся исследования в области эффективной активизации мыслительной деятельности следователя.

Проанализировав различные подходы к особенностям протекания мышления в деятельности субъектов следственной деятельности Д.А. Степаненко пришла к выводу о том, что профессиональное мышление (в том числе мышление следователя) – это «необходимый для решения профессиональных задач процесс познавательной деятельности индивида, обусловленный спецификой профессиональной деятельности и характеризующийся обобщенным и опосредованным отражением действительности, который совершается при помощи традиционных мыслительных операций и их комбинаций» [3, с. 16]. Именно таким подходом целесообразно руководствоваться при исследовании данного аспекта профессиональной деятельности субъектов следственной деятельности.

Любой вид профессиональной деятельности способствует формированию специфики протекания мыслительных процессов, которую именуют профессиональным мышлением. Следует отметить, что профессиональное мышление не является самостоятельным познавательным процессом, но при этом оно подчиняется большинству закономерностей мышления как психического процесса. В результате оно приобретает ряд особенностей, обусловленных влиянием конкретной профессии.

Криминалистика, как наука, способствующая формированию эффективного инструментария следователя по расследованию преступлений, должна давать научно обоснованные рекомендации по развитию наиболее оптимального мышления, ориентированного на достижение профессиональных целей. Использование научного метода мышления позволяет предугадывать развитие событий, строить логические выводы. При этом размышление становится привычным, естественным делом, без надобности прилагать особые мыслительные усилия [4, с. 35].

Одной из специфичных особенностей следственной деятельности является изначально конфликтный характер взаимодействия с участниками уголовного судопроизводства. Конфликт обусловлен наличием противоположных целей следователя и лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование – подозреваемого и обвиняемого. Но конфликтное развитие взаимодействия возможно и с другими участниками процесса расследования. Чаще всего такими участниками как свидетели, потерпевшие. Причинами подобного могут быть содействие подозреваемому и обвиняемому, личная заинтересованность в утаивании обстоятельств преступления и многие другие.

Таким образом, возникает необходимость прогнозировать возможное развитие событий, подведение таких участников, их влияние на противодействие расследованию. Следователь должен продумывать стратегию своей деятельности, то есть строить долгосрочный план достижения поставленной цели, с учетом влияния противодействующих лиц. Мыслительная деятельность следователя должна носить стратегический характер. Подобную специфику протекания мыслительного процесса именуют стратегическим мышлением.

В настоящее время криминалистика активно использует достижения других наук для решения собственных задач. Для целей формирования оптимальной стратегии может использоваться такой раздел прикладной математики как теория игр. В данном случае под игрой понимается процесс взаимодействия двух и более сторон, ведущих борьбу за достижение своих интересов и использующих определенную стратегию.

Следует отметить, что криминалисты разрабатывают игровой подход, рассматривающий стратегию взаимодействия участников следственной деятельности. Формируемая система рекомендаций «не навязывает готовый ответ, но показывает горизонты возможностей, идущие навстречу думающему криминалисту» [5, с. 38].

Также необходимо учесть, что одним из методов, позволяющих прогнозировать деятельность лица в ходе расследования, является рефлексия. Под рефлексией понимается «размышление, связанное с имитацией мыслей и

действий противника и анализом собственных рассуждений и выводов» [6, с. 189]. Такой метод позволяет понять рассуждения, а на их анализе – и принимаемые решения. Следовательно мысленно ставит себя на место участника следственного действия и с этой позиции рассматривает весь процесс производства следственного действия, применяемые тактические приемы, анализирует прошлое и прогнозирует перспективу развития событий [7, с. 174].

Рефлексия является специфичным видом познания человека человеком. В ее основе лежит механизм децентрации, «включающий мысленный выход за пределы непосредственного процесса жизнедеятельности с целью занять позицию вне ее для суждения о ней» [8, с. 172]. Особенностью рефлексивного мышления, и в то же время его преимуществом, является возможность не только предвидеть поведение лица, при этом управляя собственным поведением, но и активно воздействовать на его мышление, рассуждения. С помощью этого у человека формируется основание для принятия выгодного следователю решения.

С учетом приведенных положений можно сделать вывод о том, что одним из перспективных и актуальных направлений развития криминалистики в настоящий момент является разработка рекомендаций, направленных на оптимальное протекание мыслительных процессов следователя. И акцент должен быть сделан на стратегический компонент, то есть на стратегическое мышление. При подобных разработках учету подлежат достижения теории игр, а также возможности использования метода рефлексии.

Список использованной литературы

1. *Столяренко Л.Д.* Основы психологии: учебное пособие. 12-е изд. Ростов-н/Д: Феникс, 2005. 672 с.
2. Краткий психологический словарь / Сост. Л.А. Карпенко; Под общ. Ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. М.: Политиздат. 1985. 431 с.
3. *Степаненко Д.А.* К вопросу об определении категории «Криминалистическое мышление» // *Российский следователь*. 2016. № 7. С. 13 –17.
4. *Конникова М.* Выдающийся ум: мыслить как Шерлок Холмс / пер. с англ. У. Сапициной. М.: Азбука-Бизнес, Азбука-Аттикус. 2014. 304 с.

5. Зорин Г.А. Использование криминалистических игр, инверсий, эффектов и тактических ловушек при расследовании, обвинении и защите по уголовным делам. Учебно-Методическое пособие. М.: ООО Издательство «Юрлитинформ», 2002. 360 с.

6. Ратинов А.Р. Судебная психология для следователей. М.: ООО Издательство «Юрлитинформ». 2001. 352 с.

7. Михайлова Ю.Н. Информационная сущность предъявления для опознания и его тактические основы: дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.09. Саратов, 2000. 216 с.

8. Психология труда: учеб. для студ. высш. учеб. заведений / под ред. проф. А.В. Карпова. М.: Изд-во ВЛАДОС-ПРЕСС, 2003. 352 с.

Информация об авторе

Егереv Иван Михайлович – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики. Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (664011, Иркутская обл., г. Иркутск, ул. Некрасова, д. 4, e-mail: egerevim@mail.ru)

УДК 343.3.7

ББК 67.408.016я73

О.В. Ермакова,
кандидат юридических наук, доцент
Барнаульский юридический институт
МВД России

НЕДОСТАТКИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ СОСТАВОВ ХИЩЕНИЙ

В представленной статье рассматривается родовое понятие хищения, выделяются наиболее сложные для толкования признаки. Анализируются, в частности, такие признаки как противоправность, безвозмездность, причинение имущественного ущерба. Отдельное внимание уделяется тем признакам, которые дополнительно включаются в конструкции составов хищений.

Ключевые слова: хищение; конструирование составов преступлений; недостатки конструкций хищений.

Хищения представляют собой особую группу преступлений против собственности, объединенную едиными признаками. Использование в уголовном законе такого общего понятия в примечании 1 к ст. 158 УК РФ

позволяет избежать избыточного указания на повторяющиеся признаки, присущие всем составам.

Однако представленное в законе понятие характеризуется сложностью в толковании в силу излишней перегруженности, многовариативности признаков. Например, разделительный союз «или» употребляется в нем 3 раза. Подобное положение, несомненно, негативно сказывается на правоприменительной деятельности.

К числу дискуссионных признаков относится противоправность, выступающая характеристикой преступления (ч. 1 ст. 14 УК РФ). Если законодатель наделил признак противоправности содержанием, аналогичным тому, которое используется в понятии преступления, то возникает вопрос относительно целесообразности такой тавтологии.

Именно поэтому в научной литературе осуществляются поиски иного содержания указанного признака. В частности, авторы предлагают следующее понимание: лицо изымает чужое имущество, на которое оно не имеет ни действительного, ни предполагаемого права [1, с. 104–105].

Полагаем, что даже в этой трактовке признак противоправности представляется излишним, поскольку полностью повторяет содержание словосочетания «чужое имущество», обозначающее предмет хищения в примечании 1 к ст. 158 УК РФ. В связи с чем считаем необходимым исключить указанный признак из закона.

Также сложности толкования вызывает признак безвозмездности. В толковом словаре указывает на значение этого термина, как бесплатность [2]. В тех случаях, когда виновный изымает имущество ничего не предоставляя взамен, квалификация хищения вопросов не вызывает. Иная ситуация имеет место при оставлении им какого-либо эквивалента похищенному имуществу (равноценной или меньшей стоимостью).

Если руководствоваться лексическим значением используемого в законе термина «безвозмездность», в указанных примерах следует констатировать

отсутствие хищения. Однако подобный подход не соответствует предупредительной функции уголовного права.

В этой части следует согласиться с Л.В. Ведерниковой, которая отмечает: «признаку безвозмездности следует давать не столько экономическое наполнение, сколько уголовно-правовое, означающее, что в запрещенной законом форме против воли собственника преступник завладевает имуществом...» [3, с. 13–15].

Не отличается удачным способом описания объективная сторона хищений. Так, деяние определено как изъятие и (или) обращение имущества в пользу виновного или других лиц.

Использование сложной конструкции вызывает вопросы относительно обязательности двух указанных действий либо их альтернативности в различных формах хищений [4, с. 27].

Как мы видим, законодатель для описания объективной стороны хищения употребляет одновременно два термина – это изъятие и обращение. Следует отметить, что к такому законодательному решению отношение в науке уголовного права неоднозначное.

Так, А.И. Бойцов утверждает, что «изъятием можно считать не только физическое извлечение и удаление имущества из обладания какого-либо лица, но и юридическое обособление имущества, которое фактически уже находилось в обладании виновного на законных основаниях. Следовательно, и в действиях лица, присвоившего или растратившего вверенное ему имущества, также можно усмотреть изъятие этого имущества у собственника» [5, с. 228].

Полагаем, что законодатель подобным приемом преследовал цель продемонстрировать, что объективная сторона хищения складывается из перевода имущества из законного владения собственника или иного владельца к виновному, а также появления у виновного на незаконных основаниях возможности владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом по своему усмотрению. Именно поэтому и в действующих постановлениях Пленума

Верховного Суда РФ описывается момент окончания хищения, связанный с установлением реальной возможности распоряжения.

Несмотря на то, что конструкция состава хищения по особенностям объективной стороны не вызывает вопросов, способ описания в законе преступных последствий нельзя признать удачным.

В частности, законодатель указывает на такое последствие, как имущественный ущерб. При этом, наряду с примечанием к ст. 158 УК РФ, такое же последствие введено в состав причинения имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием (ст. 165 УК РФ).

Некоторые отечественные исследователи полагают, что в УК РФ хищение должно быть определено без указания на имущественный ущерб как общественно опасное последствие [6, с. 232].

Считаем необходимым включать в состав хищения преступные последствия, поскольку это позволяет отграничить преступление и административное правонарушение, показать характер причинения вреда общественным отношениям собственности. При этом описание данного последствия в законе требует конкретизации характера вреда и его размера.

Несмотря на то, что указанные в рассматриваемом понятии признаки должны распространяться на все формы и виды хищений, в отдельных составах законодатель не придерживается этого правила. Так, состав разбоя сконструирован по типу усеченного состава и момент окончания не связан с наступлением имущественного ущерба; предмет мошенничества определен гораздо шире, чем предмет хищения (это не только имущество, но и право на него). Полагаем подобный подход нивелирует значимость общего понятия хищения и допустим только в случаях прямого указания на то в рамках примечания к ст. 158 УК РФ.

Список использованной литературы

1. *Кочои С.М.* Ответственность за корыстные преступления против собственности. М.: Юрист, 2000. 287 с.
2. Новый толковый словообразовательный словарь русского языка / под ред. *Т.Ф. Ефремовой*. М.: Русский язык, 2000.

3. *Ведерникова Л.В.* Безвозмездность как признак завладения вверенным имуществом // Вестник Томского государственного университета. Право. 2016. № 3. С. 13–15.

4. *Ермакова О.В.* Преступления против собственности. Научно-практический комментарий. Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2015. 96 с.

5. *Бойцов А.И.* Преступления против собственности. СПб.: Юридический центр «Пресс», 2002. 800 с.

6. *Милуков С.Ф.* Российское уголовное законодательство: опыт критического анализа. СПб.: Знание, 2000. 279 с.

Информация об авторе

Ермакова Ольга Владимировна – кандидат юридических наук, доцент, подполковник полиции, доцент кафедры уголовного права и криминологии. Барнаульский юридический институт МВД России (656038, г. Барнаул, ул. Чкалова, 49, e-mail: ermakova_alt@mail.ru)

УДК 343.98

ББК 67.52

В.А. Ильина,

кандидат психологических наук, доцент

Иркутский юридический институт (филиал)

Университета прокуратуры Российской Федерации

ЛЖЕНАУЧНЫЕ ТЕОРИИ И ОПАСНОСТЬ ИХ ВЛИЯНИЯ НА ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ

Поднимается вопрос об опасности проникновения и влияния лженаучных теорий в практику правоприменения. Одной из уязвимых в этом смысле может стать сфера применения специальных познаний. Автор приходит к выводу о необходимости разработки критериев взаимодействия науки и практики правоприменения, одним из которых должна стать ответственность за юридические последствия применения специальных познаний участниками правоотношений.

Ключевые слова: лженаучные теории; правоприменение; специальные познания; юридические последствия.

«Лженаука», «псевдонаука», «паранаука», «квазинаука» – явления в настоящее время не новые. По своей сути все они представляют собой теории или учения, выдаваемые сторонниками как научные, но по сути таковыми не

являющиеся. При этом одной из острых является их маскировка под науку и невозможность ее обнаружения неспециалисту.

«Паранаука переживает подлинный ренессанс, – пишет А. В. Юревич, – причем и в тех культурах, которые всегда славилась рациональностью и прагматизмом. В конце 1980-х годов в цитадели Силиконовой (Кремниевой) долины – штате Калифорния – профессиональных астрологов было больше, чем профессиональных физиков <...> А в 1990-е годы астрологические прогнозы печатали 90% американских газет, в то время как материалы, посвященные науке и технике, – лишь 10% [1, с. 274–275].

А. Г. Ваганов обращает внимание на то, что паранаука нашла благодатную почву и в современной России. Уровень «мракобесия», что в США, что в ЕС, что в России, примерно одинаковый [2, с. 66]. Мракобесие в виде паранауки невозможным в нашей стране было еще совсем недавно, когда на пути эзотерики стояли твердый материализм советского обывателя и неусыпная бдительность советских идеологов, а любой возмнивший себя колдуном или прорицателем рисковал оказаться если не на костре, как его средневековые предшественники, то как минимум в учреждении для психически больных. Всю масштабность лженауки можно оценить лишь по некоторым цифрам. Так, по данным Всемирной организации здравоохранения, в нашей стране (в большей степени чем в других странах) сейчас насчитывается около 800 тыс. астрологов, экстрасенсов, колдунов, прорицателей и прочей подобной публики, а их гонорары совершенно несопоставимы с доходами ученых, разве что с Нобелевской премией [1, с.275].

Лженаучные теории и фантастические проекты охватывают все отрасли знания и технологии, – отмечают Ю. Н. Ефремов и Р. Ф. Полищук Р.Ф. «Их авторы заявляют, что «академическая» наука бесплодна, ибо погрязла в консерватизме, тогда как они способны быстро осчастливить и отдельных граждан и страну в целом новыми источниками энергии, методами лечения, новым пониманием исторического процесса» [3, с. 105]. Мошенники, особенно патентованные, наносят урон здоровью граждан и должны подвергаться

судебному преследованию; чиновники, выдающие патенты, должны штрафоваться и увольняться [3, с. 109].

Для юристов небезынтересными покажутся факты проникновения лженауки в сферу правоприменения. Например, установление факта смерти пропавшего без вести человека по ранее принадлежавшим ему вещам (патент 2157091) [4, с. 105]. Подобные патенты не пылятся без употребления, – пишет А. В. Юревич. Так, например, один из методов, воплощенных в подобных патентах, был взят на вооружение Министерством по чрезвычайным ситуациям, по заказу которого в 1995 г. 127 экстрасенсов в течение двух недель искали пропавший под Хабаровском самолет, который затем нашли через несколько часов с помощью более традиционного метода – радиолокационной системы ПВО [1, с. 276].

Не вызывают сегодня доверие в практике правоприменения популярные психофизиологические экспертизы (полиграф), графологические исследования, психологические экспертизы, исследующие достоверность показаний, профайлинг и проч. [5]. Известно, что стремление к замене судебного исследования доказательств такими экспертизами в последнее тысячелетие становится особенно актуальной проблемой. Фактически во многом и благодаря им производится попытка отказа от исследования доказательств в условиях соблюдения процессуальных гарантий и подмена его чисто специализированными исследованиями. Видный западногерманский криминалист Ф. Геердс утверждал, что в настоящее время вообще можно говорить о «периоде экспертного доказательства» [6, с. 28]. Эти выводы, сделанные пятьдесят лет назад в криминалистке, актуальны в настоящее время как никогда. Например, не всегда в пользу «детектора лжи» говорит и статистика, – пишет И. И. Аминов. – У 28% виновность не была доказана. «Не свидетельствует о «проницательности» полиграфа и то, что он не раз подтверждал искренность тех людей, которые утверждали, что были похищены «летающими тарелками» [7, с. 220].

Академик Е. Б. Александров к основным причинам «вакханалии лженауки» в России относит: 1) системный общественный кризис, сопровождаемый снижением престижа науки и образования; 2) массовую утрату общественных ориентиров, при которой растерянность и паника всегда способствуют распространению в обществе религиозности и мистических настроений; 3) устранение цензуры, ранее не допускавшей пропаганду религии и оккультизма; 4) рассекречивание лженаучных «изысканий», ранее проводившихся во множестве закрытых НИИ в условиях полной изоляции от мировой науки; 5) безоглядную веру в чудо; 6) резкое сокращение финансирования научных исследований, повлекшее конкуренцию, заставившую ученых большее внимание уделять рекламе результатов своей деятельности [8, с. 17–18].

На устранение цензуры, как на одну из важных причин распространения лженаучных теорий, указывает и А. В. Юревич. Он пишет, что устранение цензуры в сфере науки было связано с распадом советского союза. Сейчас данная тенденция постепенно сменяется вполне естественными призывами ее восстановить. При этом, по его мнению, важно учитывать, что цензура цензуре рознь. В частности, следует различать, например, идеологическую и нравственную цензуру, чего мы до сих пор не научились делать. Цензура имеется во всех демократических странах, а абсолютно «всеядное» общество, существующее при полном отсутствии цензуры, трудно себе представить [1, с. 278].

Учитывая вышесказанное и принимая во внимание то, что наиболее уязвимой в связи с проникновением лженаучных теорий и их влияний на правоприменение является сфера использования специальных познаний, автор приходит к выводу о необходимости разработки критериев взаимодействия науки и практики правоприменения, одним из которых должна стать ответственность за юридические последствия данного использования.

Список использованной литературы

1. Юревич А.В. Социальная психология научной деятельности. М., 2013. 447 с.
2. Ваганов А.Г. Научно–популярная литература и престиж науки в обществе // Наука. Инновация. Образование. 2007. № 2. С. 55–73.
3. Ефремов Ю.Н., Полищук Р.Ф. Государство и лженаука // В защиту науки. Бюллетень. 2006. № 1. С. 105–110.
4. Патент сервис. URL: <http://allpatents.ru/> (дата обращения: 23.04.2020).
5. Приговор оставить без изменения : апелляционное определение ВС РФ от 26 августа 2015 г. № 73-АПУ15-17сп. URL: <https://www.zakonrf.info/suddoc/8c522af64bc068111a8dc82645fe5541/> (дата обращения: 25.04.2020).
6. Закатов А.А. Ложь и борьба с нею. Волгоград, 1984. 192 с.
7. Аминов И.И. Юридическая психология : учебное пособие. М., 2007. 415 с.
8. Александров Е.Б. Проблемы экспансии лженауки // В защиту науки. Бюллетень. 2006. № 1. С. 14–30.

Информация об авторе

Ильина Валентина Анатольевна – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры организации и методики уголовного преследования. Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации (664035, г. Иркутск, ул. Шевцова, 1, e-mail: avapeter@mail.ru)

УДК 343.1

ББК 67.73

А.В. Коршунов,
кандидат юридических наук, доцент
Иркутский институт (филиал)
Всероссийского государственного
университета юстиции
(РПА Минюста России)

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ УЧАСТИЯ АДВОКАТА ПО НАЗНАЧЕНИЮ

В работе рассмотрены вопросы, связанные с участием в уголовном судопроизводстве защитника по назначению, а также проблемы возложения на осужденного сумм, израсходованных государством на вознаграждение назначенного органами предварительного расследования и судом адвоката.

Ключевые слова: адвокат; защитник; участие по назначению; процессуальные издержки.

Как известно, международное и отечественное законодательство закрепляет гарантированное каждому право на квалифицированную защиту от уголовного преследования. Так, п. d ч. 3 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах определяет: «каждый имеет право... защищать себя лично или посредством выбранного им защитника; если лицо не имеет защитника – быть уведомленным об этом праве и иметь назначенного ему защитника в каждом случае, когда интересы правосудия требуют этого, безвозмездно в каждом случае, когда у него нет достаточно средств для оплаты защитника [1].

Статья 26 указанного Пакта обращает внимание на то, что закон должен гарантировать всем лицам равную и эффективную защиту против дискриминации по какому бы то ни было признаку: расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного положения, месту рождения или иных обстоятельств.

Развивая эти положения, часть 1 ст. 48 Конституции Российской Федерации закрепляет, что каждому гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи.

Соответствующие нормы имеются в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ). В частности, ст. 16, 49-51 раскрывая конституционные положения, конкретизируют их, регулируя, в том числе, вопросы приглашения, назначения и отказа от защитника.

Так, часть 1 ст. 51 УПК РФ предусматривает случаи обязательного участия защитника (всего их девять) и обращает внимание на то, что если в указанных случаях адвокат не приглашен самим подозреваемым, обвиняемым, его законным представителем, а также другими лицами по его поручению или с его согласия, то должностные лица предварительного расследования или суд обязаны обеспечить его участие в уголовном процессе [см. также: 2].

Таким образом, положения ст. 51 УПК РФ направлены на реализацию постулатов Конституции РФ и предполагают безусловное их исполнение должностными лицами органов предварительного расследования и судом.

Вместе с тем при всех достоинствах современной системы обеспечения права на защиту в ней присутствуют и некоторые недостатки. Акцентируем внимание на таком вопросе, как «бесплатность» оказываемой адвокатом юридической помощи по назначению.

Так, в соответствии с п. 5 ч. 2 ст. 131 УПК РФ суммы, выплачиваемые адвокату за оказание им юридической помощи в случае его участия в производстве по делу по назначению, относятся к процессуальным издержкам. При этом в соответствии с ч. 2 ст. 132 УПК РФ указанные издержки могут быть взысканы на основании судебного решения с осужденного, за исключением сумм, выплаченных адвокату, если подозреваемый или обвиняемый отказался от него, но отказ не был удовлетворен и адвокат участвовал в уголовном деле по назначению. В этом случае расходы на оплату труда адвоката возмещаются за счет средств федерального бюджета.

Однако в соответствии с п. 13 Постановления Пленума Верховного Суда от 30 июня 2015 г. № 29 [3] заявление обвиняемого об отказе от защитника ввиду отсутствия средств на оплату его услуг либо неявки в судебное заседание приглашенного им или назначенного ему адвоката, а также об отказе от услуг конкретного адвоката не может расцениваться как отказ от помощи защитника, предусмотренный статьей 52 УПК РФ.

Вышеуказанные положения подкрепляются пунктом 7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 42, который предусматривает, что при принятии решения о взыскании процессуальных издержек с обвиняемого судам необходимо учитывать, что с него не могут быть взысканы суммы, выплаченные защитнику в случаях, если лицо заявило об отказе от защитника, но отказ не был удовлетворен и защитник участвовал в деле по назначению [4]. Далее Верховный Суд РФ в данном Постановлении указывает, что заявление подозреваемого, обвиняемого, подсудимого или осужденного об отказе от помощи назначенного адвоката по причине своей имущественной несостоятельности нельзя рассматривать как отказ от защитника. В таких случаях, по мнению Верховного Суда, в соответствии с ч.

1 ст. 51 УПК РФ участие защитника является обязательным, а соответствующие процессуальные издержки могут быть взысканы с осужденного.

Иначе говоря, на обвиняемого, который «просто так» отказался от защитника, оплата труда адвоката, действовавшего по назначению, не возлагается, тогда как обвиняемый, который отказался от защитника по причине своей имущественной несостоятельности, должен компенсировать государству указанные суммы.

В данном случае можно констатировать некоторую нелогичность как законодателя, так и Верховного Суда: положение лица, испытывающего материальные затруднения, еще более ухудшается необходимостью выплачивать суммы, включаемые в соответствии с п. 5 ч. 2 ст. 131 УПК в процессуальные издержки. С одной стороны, на практике в подавляющем большинстве случаев суд возлагает процессуальные издержки на счет федерального бюджета. С другой – обвиняемый в любом случае поставлен в зависимость от судебного усмотрения, в связи с чем указанный порядок не гарантирует безусловно принятия благоприятного решения в отношении обвиняемого.

Учитывая изложенное, можно порекомендовать Верховному Суду Российской Федерации внести изменения в упомянутые выше Постановления Пленума. Изменения должны предусматривать, что при назначении защитника органами предварительного расследования или судом процессуальные издержки в виде сумм, выплачиваемых адвокату, должны во всех случаях возлагаться на счет федерального бюджета независимо от мотивов отказа.

Список использованной литературы

1. Международный пакт о гражданских и политических правах: принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 года // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17. Ст. 291.
2. *Корицунов А.В., Никитин А.В.* Проблемы досудебного производства по применению принудительных мер медицинского характера // Пролог: журнал о праве. 2020. № 1. С. 26–31.

3. О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве: постановление Пленума Верховного Суда от 30 июня 2015 г. № 29 // Российская газета. 2015. 10 июля.

4. О практике применения судами законодательства о процессуальных издержках по уголовным делам: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 42 (ред. от 15 мая 2018 г.) // Российская газета. 2013. 27 декабря.

Информация об авторе

Коршунов Артём Викторович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики. Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (664011, г. Иркутск, ул. Некрасова, 4, e-mail: irf@gra-mjust.ru)

УДК 343.14
ББК Х629.34

М.А. Митюкова,
Иркутский государственный университет

НЕОБХОДИМЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Рассматриваются проблемы использования необходимых доказательств в уголовном судопроизводстве. Автор приходит к выводу о необходимости дальнейшей разработки понятия необходимых доказательств по уголовным делам, исследования особенностей их проверки и оценки.

Ключевые слова: необходимые доказательства; доказывание в уголовном судопроизводстве; допустимость доказательств.

В теории уголовного процесса выделяют три правила допустимости доказательств. Первое правило – традиционное общее правило допустимости доказательств, которое включает в себя четыре критерия: 1) доказательство должно быть получено законным субъектом, производящим следственное либо процессуальное действие; 2) доказательство должно быть получено из законного источника (предмет материального мира либо физическое лицо, выступающее носителем доказательственной информации); 3) должен быть законным способ получения доказательства (следственное действие, истребование либо представление доказательств, использование результатов оперативно-розыскной деятельности в процессе доказывания); 4) доказательственная

информация должна быть надлежащим образом закреплена (основной способ фиксации – это протокол; чертежи, схемы, аудио, видео-записи и т.п. – это приложение к протоколу).

Частное правило допустимости или, по-другому, негативное правило допустимости в уголовном процессе не применяется, оно действует в гражданском судопроизводстве, где при несоблюдении простой письменной формы сделки ссылаться на показания свидетелей запрещено [1].

Третье правило – это позитивное правило допустимости или правило о необходимом доказательстве. Разработка проблемы необходимых доказательств в уголовном процессе представляется явно недостаточной, в отличие от разработанности таковой в гражданском и арбитражном процессе [2 ; 3].

Под необходимым доказательством в уголовном процессе следует понимать доказательство, существование которого по уголовному делу обусловлено спецификой обстоятельств преступления, его породивших, в силу чего использование данного доказательства для установления конкретных обстоятельств преступления является обязательным в соответствии с требованиями закона. Без необходимого доказательства соответствующие обстоятельства преступления не могут быть установлены.

В уголовном процессе необходимым доказательством является заключение эксперта, поскольку установление причин смерти, характера и степени вреда, причиненного здоровью, психического либо физического состояния подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, в тех случаях, когда это имеет значение для уголовного дела, установление возраста данных лиц при отсутствии надлежащих документов, является результатом проведения судебной экспертизы по уголовному делу. Однако, обязательное проведение экспертизы по уголовным делам не охватывается только перечнем обстоятельств, закрепленных ст. 196 УПК РФ. В практической деятельности органов предварительного расследования назначение и производство экспертизы является обязательным при решении вопросов об отнесении оружия к огнестрельному либо холодному, о взрывчатых, ядовитых, отравляющих

веществах, поддельных денежных знаках и др. В данных случаях мы не можем обойтись без заключения эксперта. Отсутствие проведенной экспертизы в рассматриваемых ситуациях расценивается как существенное нарушение требований уголовно-процессуального закона, что влечет направление уголовного дела для производства дополнительного расследования либо обязательную отмену приговора в апелляционном либо кассационном порядке.

Почему правило об использовании необходимого доказательства является позитивным правилом допустимости? Потому что использование необходимого доказательства по уголовному делу не исключает использования других доказательств. Так, при установлении причины смерти потерпевшего мы обязаны назначить судебную экспертизу, однако, это не исключает возможности использовать по уголовному делу показания свидетелей-очевидцев совершенного убийства.

Отметим, что в уголовном процессе разработка концепции необходимых доказательств пока не получила должной глубины.

В гражданском процессе проблема необходимых доказательств исследуется при рассмотрении особенностей доказывания по отдельным категориям гражданских дел, в том числе и в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ [4; 5].

Знание категории необходимых доказательств позволяет участникам процесса ориентироваться в совокупности доказательственной информации, при необходимости заявлять ходатайства о назначении по уголовному делу соответствующих судебных экспертиз, что в свою очередь обеспечивает высокий уровень достоверности устанавливаемых обстоятельств преступления. Неиспользование необходимого доказательства для установления соответствующего обстоятельства преступного деяния влечет отмену вынесенного решения по уголовному делу.

Считаем, что разработка проблемы необходимого доказательства в уголовном процессе имеет как теоретическое значение, так и непосредственную практическую значимость в деятельности органов предварительного

расследования и суда в процессе доказывания обстоятельств совершенного преступления.

Список использованной литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. №51-ФЗ (ред. от 31 июля 2020 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. №32. Ст. 3301.
2. Шараева Е. А. Роль и значение необходимых доказательств в арбитражном процессе : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.15. Саратов, 2009. 178 с.
3. Снякова М. В. Письменные доказательства в гражданском и арбитражном процессах : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.15. М., 2007. 174 с.
4. О некоторых вопросах практики рассмотрения судами споров, возникающих между участниками общей собственности на жилой дом: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 июня 1980 г. № 4 (ред. от 06.02.2007) // СПС КонсультантПлюс.
5. О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14 ноября 2017 г. № 44 // Российская газета. 2017. 20 нояб.

Информация об авторе

Митюкова Марина Александровна – старший преподаватель кафедры Судебного права. Юридический институт Иркутского государственного университета (г. Иркутск, ул. Улан-Баторская, 10; e-mail: marina_mitukova@mail.ru)

УДК 343.985.2

ББК 67.52

Е.И. Попова,
*Восточно-Сибирский филиал
Российского государственного
университета правосудия*

ТИПИЧНЫЕ СУДЕБНЫЕ СИТУАЦИИ ПРИ РАССМОТРЕНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ СУДОМ В ОСОБОМ ПОРЯДКЕ, ВЫДЕЛЯЕМЫЕ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ НАЛИЧИЯ ЛИБО ОТСУТСТВИЯ В УГОЛОВНОМ ДЕЛЕ ПОТЕРПЕВШЕГО

Автор обращает внимание на типичные судебные ситуации при рассмотрении уголовных дел судом в особом порядке, выделяемые в зависимости от наличия либо отсутствия в уголовном деле потерпевшего. Предлагаются рекомендации по разрешению таких ситуаций.

Ключевые слова: особый порядок судебного разбирательства; типичные судебные ситуации; суд; прокурор; судья; потерпевший.

На сегодняшний день особый порядок судебного разбирательства – самая распространенная процедура рассмотрения судом уголовных дел. Несмотря на кажущуюся простоту, для порядка, предусмотренного главой 40 УПК РФ характерно наличие большого числа разнообразных судебных ситуаций, зачастую осложняющих поступательное уголовное судопроизводство.

В рамках настоящей публикации обратим внимание на их классификацию в зависимости от *наличия/отсутствия потерпевшего в уголовном деле. По такому основанию можно выделить одноименные типичные судебные ситуации.*

1. *Ситуации, когда по уголовным делам физическое или юридическое лицо не признавалось потерпевшим*, полагаем, не требуют никаких дополнительных пояснений, кроме указания на необходимость изучения как государственным обвинителем, так и судом (прежде всего, в рамках подготовки к судебному разбирательству) материалов уголовного дела для установления того, что действительно не было оснований признавать какое-либо лицо потерпевшим. Ситуации, когда неправомерно отказывается лицу в признании потерпевшим, типичны при совершении так называемых многообъектных преступлений (к примеру, ст. 303, 327 УК РФ) либо в случае совершения преступления в отношении большого числа лиц (к примеру, ст. 159 УК РФ) [1, 2].

Если есть основания полагать, что лицо, пострадавшее в результате совершения преступления, не было признано потерпевшим по уголовному делу, рекомендуется:

– государственному обвинителю ходатайствовать перед судом о возвращении уголовного дела прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом, а также ходатайствовать перед судом о вынесении частного определения (постановления) в адрес соответствующего дознавателя (следователя), его руководителя либо органа предварительного расследования;

– суду прекратить рассмотрение уголовного дела в особом порядке, возвратить дело прокурору в соответствии со ст. 237 УПК РФ, вынести вышеназванное частное определение.

2. Ситуации, в которых по уголовным делам физическое или юридическое лицо было признано потерпевшим, можно далее классифицировать на те, что предполагают:

2.1. его присутствие в судебном разбирательстве (в том числе, когда ранее им уже было дано согласие (к примеру, в форме собственноручно написанного заявления при ознакомлении с материалами уголовного дела) на ходатайство обвиняемого о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства). При наличии такой ситуации рекомендуем придерживаться следующего:

а) председательствующий должен разъяснить потерпевшему порядок и последствия постановления приговора без проведения судебного разбирательства (ч. 4 ст. 316 УПК РФ), в частности обратить внимание на то, что уголовное дело может быть рассмотрено судом в особом порядке только при наличии согласия потерпевшего (ч. 4 ст. 226.9 УПК РФ, ч. 1 ст. 314 УПК РФ).

Если расследование проводилось в сокращенной форме, при постановлении обвинительного приговора правило о назначении наказания не более 1/2 применяется только в случае, если суд назначает наиболее строгий из предусмотренных санкцией статьи Особенной части УК РФ, по которой предъявлено обвинение, вид наказания и не распространяется на альтернативные и дополнительные виды наказания (ч. 5 ст. 62 УК РФ, п. 13 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 5 декабря 2006 г. № 60 «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел» (далее – Постановление Пленума Верховного суда РФ от 5 декабря 2006 г. №60) [4].

В случае, если уголовное дело расследовалось в общем порядке дознания или в форме предварительного следствия: при постановлении обвинительного приговора суд назначает подсудимому наказание, которое не может превышать 2/3 максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания,

предусмотренного за совершенное преступление (ч. 5 ст. 62 УК РФ, ч. 7 ст. 316 УПК РФ, п. 13 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 5 декабря 2006 г. №60).

Вне независимости от формы расследования, необходимо разъяснить:

- что потерпевший может заявить о своем несогласии на рассмотрение уголовного дела в особом порядке в любой момент до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора (ч. 4 ст. 316 УПК РФ). При этом он не должен объяснять мотивы, по которым возражает против постановления приговора без судебного разбирательства (п. 33 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 29.06.2010 №17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» [5];

- что приговор, постановленный в особом порядке, не может быть обжалован в апелляционном и кассационном порядке в связи с несоответствием выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам уголовного дела, установленным судом первой инстанции (ст. 317 УПК РФ; п. 15 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 5 декабря 2006 г. №60);

После разъяснения обозначенных особенностей особого порядка судебного разбирательства суду путем опроса следует выяснить у потерпевшего отношение к ходатайству подсудимого (ч. 4 ст. 316 УПК РФ; п. 11 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 5 декабря 2006 г. №60). Кроме того, в целях обеспечения требования ч.4 ст. 231 УПК РФ следует установить, когда и каким образом потерпевший был извещен о дате и времени судебного разбирательства.

Для целей системного разъяснения лицу, подвергающемуся уголовному преследованию, особенностей рассмотрения уголовного дела судом в особом порядке и последствий его реализации предлагаем использовать разработанные нами Памятку потерпевшему об особенностях рассмотрения уголовного дела судом в особом порядке / Протокол разъяснения потерпевшему особенностей рассмотрения уголовного дела судом в особом порядке. Памятка содержит не только информацию о правах и обязанностях потерпевшего, но и особенностях

правоприменительной практики в рассматриваемой сфере. Назначением такого протокола является разъяснение содержания норм уголовно-процессуального закона, регламентирующих особый порядок в целом².

2.2. Потерпевший не присутствует в судебном заседании. При наличии такой типичной ситуации суду необходимо:

- установить, был ли потерпевший надлежащим образом извещен о месте и времени судебного заседания, то есть не менее чем за 5 суток до его начала (ч. 4 ст. 231 УПК РФ). Несоблюдение этого нормативного требования должно повлечь отложение судебного заседания и устранение указанного нарушения;

- установить выяснялось ли отношение потерпевшего к ходатайству подсудимого (ч. 4 ст. 316 УПК РФ; п. 11 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 5 декабря 2006 г. №60);

- огласить документ, в котором выражено согласие потерпевшего.

В случае, если мнение потерпевшего не выяснялось, и он не присутствует в судебном заседании рекомендуется принять меры к установлению волеизъявления этого лица в отношении возможности рассмотрения дела судом в особом порядке. В этом случае судебное заседание должно быть перенесено с соблюдением требований ч.4 ст. 231 УПК РФ.

Список использованной литературы

1. Апелляционное постановление № 22К-5592/2019 от 5 сентября 2019 г. по делу № 22К-5592/2019. URL: <https://sudact.ru>.
2. Апелляционное постановление № 22К-1027/2019 УК-22-1027/2019 от 16 августа 2019 г. по делу № 22К-1027/2019. URL: <https://sudact.ru>.
3. Апелляционное постановление № 22К-0796/2019 22К-796/2019 от 20 мая 2019 г. по делу № 22К-0796/2019. URL: <https://sudact.ru>.
4. О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел: Постановление Пленума Верховного суда РФ от 5 декабря 2006 г. №60 (ред. от 22 дек. 2015 г.) // Российская газета. 2006. 20 дек.
5. О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве: постановление Пленума Верховного суда РФ от 29 июня 2010 г. №17 (ред. от 16 мая 2017 г.) // Российская газета. 2010. 7 июля.

² Названные документы размещены по ссылке: <https://yadi.sk/d/CO1O4vsViDdVKw?w=1>.

6. *Попова Е.И.* Некоторые типичные ошибки, допускаемые при постановлении приговора в особом порядке судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением // Российский судья. 2016. № 4. 43–47.

Информация об авторе

Попова Елена Ильинична – кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник. Восточно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия (664074, г. Иркутск, ул. Ивана Франко, д. 23а, e-mail: popovaelena03@yandex.ru)

УДК 343.13
ББК 67.410.2

И.П. Попова,
кандидат юридических наук, доцент
Восточно-Сибирский институт МВД России

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРАВАМИ УЧАСТНИКАМИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА ПРИ ОЗНАКОМЛЕНИИ С МАТЕРИАЛАМИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Ознакомление с материалами уголовного дела выступает важной гарантией процессуального статуса участников уголовного судопроизводства. Между тем, сторона обвинения, в лице следователя, нередко сталкивается со злоупотреблением сторонами своими правами, что негативно сказывается на правах других участников и, в целом, на разумном сроке уголовного судопроизводства. Автор рассматривает возможные средства противодействия такому поведению сторон.

Ключевые слова: уголовный процесс; ознакомление с материалами уголовного дела; состязательность; стороны; злоупотребление правами.

На этапе окончания производства по уголовному делу сторона защиты нередко злоупотребляет предоставленными правами и затягивает ознакомление с материалами уголовного дела. Отдельные ученые систематизировали наиболее распространенные случаи, в числе которых:

- систематическое ознакомление с ограниченным количеством листов уголовного дела;
- ограниченное по времени ознакомление с материалами уголовного дела, прерываемое по инициативе обвиняемого и (или) его защитника;

– для обвиняемого, в отношении которого избрана мера пресечения, не связанная с лишением свободы, нерегулярная явка по неуважительным причинам для ознакомления с материалами уголовного дела, в случае его заблаговременного уведомления о месте и времени проведения такого ознакомления, а также систематические опоздания к назначенному времени;

– неоднократное повторное обращение к томам уголовного дела, для ознакомления с которыми ранее предоставлялось время;

– любой отказ обвиняемого и его защитника от ознакомления с предоставленными материалами дела, в том числе мотивированный несогласием с очередностью и графиком проводимого ознакомления;

– чрезмерно длительное ознакомление с вещественными доказательствами по уголовному делу, которые могут представлять собой, в том числе, объемные по содержанию документы, а также электронные носители информации [1, с. 357–359].

В этой связи в научной литературе рассматриваются различные варианты противодействия злоупотреблению правами стороной защиты, поскольку такое поведение ставит под угрозу права и законные интересы других участников уголовного судопроизводства, оказывает влияние на разумный срок уголовного судопроизводства по уголовному делу.

Так, в целях сокращения срока следствия и содержания обвиняемого под стражей О.А. Анашкин предлагает отменить до суда ознакомление стороны защиты с материалами уголовного дела не только после окончания предварительного следствия, но и по его ходу, за исключением следственных действий, выполненных с участием стороны защиты [2, с. 7]. По мнению О.А. Анашкина, такое предложение позволит обеспечить безопасность участников процесса, не будет приводить к разглашению данных предварительного следствия и нарушению принципа состязательности и равноправия сторон. Мотивируя свою позицию, автор не без оснований ссылается на случаи, когда после ознакомления с делом на свидетелей и

потерпевших оказывается воздействие с целью изменения показаний [2, с.17–18].

Следует разделить такое опасение, поскольку и в следственно-судебной практике имеются случаи, когда свидетели и потерпевшие сообщают о подобных фактах в своих обращениях в правоохранительные органы или суду в судебном заседании. К примеру, при выявлении одной такой ситуации после допроса свидетелей, сообщивших, что на них оказывалось моральное и физическое воздействие в целях изменения показаний знакомыми подсудимого с участием адвоката, присутствующего в зале суда, защитник попросил перерыв для оказания ему медицинской помощи, что стало причиной отложения судебного заседания. В адрес адвоката на поведение защитника было вынесено частное постановление.

Однако далеко не каждый участник процесса сообщит такие факты под угрозой уголовной ответственности за дачу ложных показаний. В связи с чем, последствием такого незаконного воздействия чаще всего является неявка участников уголовного судопроизводства в судебное заседание, что в свою очередь, также сказывается на разумном сроке уголовного судопроизводства.

Впрочем, на разумный срок уголовного судопроизводства в большей степени оказывают влияние указанные выше случаи злоупотребления при ознакомлении с материалами дела, тогда как выполнение требований ст. ст. 216–218 УПК РФ лишь разграничивает момент, с которого материалы уголовного дела доступны сторонам. В последующем стороны с материалами уголовного дела могут знакомиться неоднократно, начиная со стадии подготовки уголовного дела к судебному заседанию, поскольку в ч. 3 ст. 227 УПК РФ прямо предусмотрено право дополнительно ознакомиться с материалами уголовного дела. Не вполне корректно такое ходатайство о дополнительном ознакомлении с материалами уголовного дела законодатель обозначил как «просьбу» стороны, между тем предоставление такой возможности не обязанность суда – а его право, следовательно, реализуется на основе усмотрения судьи, обязанного мотивировать свое решение по заявленному ходатайству.

Более того, учитывая, что стороны относительно недавно имели возможность знакомиться с уголовным делом, логично ограничивать злоупотребление ими своими правами, включив в УПК РФ положение об обязательном мотивировании стороной, заявляющей такое ходатайство, из которых бы следовали обстоятельства, обосновывающие причину невозможности реализовать в полном объеме свои права на стадии досудебного производства. Такие дополнения позволят суду рассмотреть данное ходатайство и, мотивируя свое решение по нему, обеспечить его законность, с учетом оценки действий и поведения стороны на предыдущих стадиях.

При оценке продолжительности ознакомления участников уголовного судопроизводства с материалами уголовного дела и того, являются ли их действия подтверждением, что они явно затягивают время ознакомления с указанными материалами следует учитывать тот объем материалов, которые были вручены данному участнику уголовного процесса или он с ними был ознакомлен в досудебном производстве, и в необходимых случаях устанавливать графики ознакомления или обращаться с ходатайствами в суд на основании ч. 3 ст. 217 УПК РФ. В этой связи можно рассматривать такую оценку одним из средств противодействия злоупотребления правами на этапе окончания производства по уголовному делу при ознакомлении с материалами уголовного дела.

Обеспечение баланса публичных и частных интересов на этапе окончания производства по уголовному делу призвано, с одной стороны, нивелировать возможный произвол со стороны государственных органов, обладающих властными полномочиями, с другой – выступать средством противодействия злоупотребления правами со стороны иных участников уголовного судопроизводства.

Среди процессуальных средств для достижения указанного баланса в досудебном производстве – меры реагирования в рамках ведомственного и прокурорского надзора, и судебного контроля. Между тем, при таком разноплановом воздействии на самостоятельность следователя есть риски ее

полной утраты, а излишний контроль и надзор могут не обеспечить эффективного расследования и установления обстоятельств, подлежащих доказыванию, а свести работу следователя к копированию материалов уголовного дела и переписке.

Достижение назначения уголовного правосудия возможно на основе принципов уголовного судопроизводства, в связи с чем, принципы реализуются в конкретных нормах уголовно-процессуального закона, в том числе составляющих процессуальный статус участников. В указанном аспекте права участников уголовного судопроизводства на ознакомление с материалами уголовного дела должны быть более подробно урегулированы в УПК РФ. В том числе, должна быть предусмотрена процессуальная ответственность на явное злоупотребление правами стороны, например, выраженная в возможности прекратить ознакомление с материалами уголовного дела и направить уголовное дело для рассмотрения по существу.

Список использованной литературы

1. *Лантух Н.В., Науменко Т.С.* Злоупотребление правом на ознакомление с материалами уголовного дела со стороны защиты на этапе окончания предварительного следствия // Актуальные проблемы науки и практики: Гатчинские чтения-2019: Сб. науч. трудов по матер. VI Международной научно-практической конференции. 2019. С. 357–359.

2. *Анашкин О.А.* Совершенствование процессуальных сроков в досудебном производстве: автореф. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2004. 24 с.

Информация об авторе

Попова Ирина Павловна – кандидат юридических наук, доцент, председатель Усть-Илимского городского суда Иркутской области в почетной отставке, доцент кафедры уголовного процесса. Восточно-Сибирский институт МВД России (666074, г.Иркутск, ул. Лермонтова, 110, e-mail: irinabaikal@mail.ru)

Г.В. Романова,
*кандидат юридических наук,
Казанский институт (филиал)
Всероссийского государственного
университета юстиции
(РПА Минюста России)*

В.И. Романов,
*кандидат юридических наук, доцент,
Казанский (Приволжский) федеральный университет*

ТЕХНОЛОГИИ ЭЛЕКТРОННОГО РАССЛЕДОВАНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА: ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Своевременное, планомерное развитие правового регулирования применения электронно-информационных технологий является важнейшим условием дальнейшей успешной цифровизации уголовного судопроизводства. В настоящей статье рассматриваются особенности применения технологий электронного расследования уголовного дела с точки зрения современного законодательства России и зарубежных стран.

Ключевые слова: электронное расследование; технологии; криминалистическая техника; уголовное дело; криминалистика.

В последние десятилетия в научной юридической публицистической литературе довольно часто звучат термины «криминальная», «цифровая», «электронная» криминалистика. На этом фоне есть даже радикальные взгляды: криминалистика – это техническая наука, в условиях цифровизации уголовного судопроизводства она нужна и с легкостью может быть заменена электронными технологиями расследования. Отсюда – нужны программы, алгоритмы действия, и т.д. Исходя, в том числе, из этой мотивации, сокращаются часы преподавания криминалистики в высших учебных заведениях. Мало внимания уделяется практическим занятиям. По справедливому мнению Е.Р. Россинской при формировании федеральных государственных стандартов высшего профессионального образования (ФГОС ВО) возникла серьезная опасность, если криминалистика – наука синтетической природы, изучать ее будущим юристам

необязательно [1, с. 4]. Это совершенно несправедливо. Криминалистика – наука специальная, находится на передних рубежах противодействия преступности, своими техническими средствами, новейшими технологиями, тактическим и методическим арсеналом помогает, способствует раскрытию и расследованию преступлений. Мы не раз писали об этом на страницах периодической печати [2, с. 13–15], предлагали пути и рекомендации дальнейшего становления и развития отечественной криминалистики [3, с. 264–266].

Отечественная криминалистическая техника – это тактика и методика. Поэтому, если появились новые технологии, программы по расследованию, нужны и тактические приемы, рекомендации по их использованию.

Необдуманное применение современных цифровых технологий – массово, без криминалистической тактики и методических рекомендаций, для ускорения процессуальных сроков, можно сравнить с применением современных станков-автоматов для производства бронзовых топоров. Тома уголовных дел распухают от процессуальных документов процедурно-обеспечительного характера, не имеющих непосредственного отношения к целям расследования, а доля доказательств в них нередко не превышает 20% от объема материалов дела.

Если измерить работу следователя по изготовленным им документам, то средний коэффициент его полезного действия в отечественном досудебном производстве можно оценить примерно этой же цифрой.

Появление новых технологий предложило человечеству принципиально новые возможности: накопление в электронных базах больших объемов информации; доступ к электронным базам информации для неограниченного количества людей; мгновенная передача любых объемов информации на большие расстояния без границ; возможность оперировать накопленной информацией, проводя ее поиск, систематизацию, анализ, классификацию; возможность иметь разнообразные формы и образцы этой документации для использования при производстве по уголовному делу.

Развитие доступных и простых в использовании цифровых технологий аудиозаписи, видеозаписи, фотосъемки, позволило использовать в криминалистике эти технические средства фиксации, практически для любых следственных действий (ст. 166 УПК РФ), в том числе и без участия понятых (ч. 3 ст. 170 УПК РФ).

Широкое внедрение электронной техники видеонаблюдения за дорожным движением, торговыми залами, входом, выходом в помещениях, учреждениях и даже в подъездах жилых домов позволило использовать сохранившиеся видеозаписи для расследования преступлений в целях изобличения подозреваемых, совершивших преступления. Причем складывается даже прочная практика. Например, наличие видеозаписи, аудиозаписи по делам о коррупции, по сути, формируют понимание достаточности доказательств причастности подозреваемого к совершению преступления и, наоборот, отсутствие таковой записи оставляет обвинение недоказанным.

В уголовном судопроизводстве получили распространение технологии видеоконференц-связи для получения показаний при проведении судебных заседаний. И практика показала, что в условиях пандемии, коронавируса, когда личное присутствие участника процесса в судебном заседании просто невозможно, это важно.

Технологии электронного расследования уголовных дел помогли бы решению ряда криминалистических задач, таких как создание электронного архива уголовных дел и выявление на их основе анализа преступлений, сходных по способу (подчерку), орудиям, следам, инсценировкам, серийных, совершенных в организованных формах.

Досудебное производство в электронном виде предусмотрено уголовно-процессуальным законодательством США, ФРГ, Саудовской Аравии, Южной Кореи, Сингапура и ряда других государств. На постсоветском пространстве расследование уголовных дел в электронном виде практикуется в Грузии, Казахстане, Эстонии.

В Голландии создана программа для криминалистов, работающих над раскрытием преступлений [4].

Следует обратить внимание, что все необходимые для цифровизации уголовного судопроизводства технологии в нашей стране есть, они доступны, широко распространены и, в большинстве своем, освоены широкими слоями населения в повседневной жизни. К таковым следует отнести использование сети Интернет и распределение баз данных; цифровую фотографию; сканирование и другие технологии получения изображений и содержания электронных документов, в том числе в PDF-формате; возможность быстрой и дешевой печати цифровых документов; наличие доступных технологий сохранения документов и защиты от изменений документов, фотографий, аудио и видеозаписи; наличие программного обеспечения и развитой инфраструктуры организации, хранения, передачи и обработки данных и т.д.

В тоже время исследователи данного вопроса обоснованно отмечают отсутствие отдельных технических устройств, обладающих необходимыми свойствами. Например, сегодня мы можем прочесть книгу, написанную пять веков назад, но не можем прочесть информацию, записанную в электронном формате, 20 лет назад, не имея компьютера, снабженного дисководом для считывания дискеты, и программного обеспечения, позволяющего распознать текст, выполненный в устаревшем текстовом редакторе [5, с. 70–75]. Да, действительно, долговечность наиболее распространенных носителей цифровых данных недостаточна для хранения документов. Но это вовсе не означает, что таких технологий нет – современные системы хранения данных вполне способны справиться с этой задачей. Вместе с тем, разработка специализированных «долгоживущих» устройств и носителей информации для хранения юридической информации, конечно же, очень актуальна.

Технологической основой системы электронного расследования по уголовным делам является Единый реестр досудебных расследований (ИС ЕРДР) – автоматизированная база данных, в которую вносятся сведения, основания и поводы досудебного расследования, принятые по ним

процессуальные решения, проведенные действия, сведения о движении уголовного дела, заявителей и об участниках уголовного процесса.

Программа «Электронное уголовное дело» должна быть модулем ИС ЕРДР (далее – модуль е-УД), который предназначен для организации, подготовки, ведения, отправления, получения и хранения электронного уголовного дела.

В составе ИС ЕРДР функционируют и другие модули, обеспечивающие возможность досудебного производства в электронном формате: 1) SMS-оповещение – уведомление либо вызов к лицу, ведущему расследование; 2) «Публичный сектор» – удаленный доступ к материалам уголовного дела, с возможностью подавать жалобы, ходатайства и т.д.; 3) другие модули.

Должностное лицо органа расследования (следователь, дознаватель) получает доступ к ведению электронного уголовного дела в ИС ЕРДР после прохождения авторизации и аутентификации путем: 1) электронной цифровой подписи; 2) персонального идентификационного номера-кода (ПИН-кода); 3) идентификации с использованием биометрических данных.

Для обеспечения возможности идентификации по отпечатку пальца, предварительно нужно пройти процедуру регистрации биометрических данных на специальном устройстве хранения цифровых сертификатов и анкетных данных.

Оформление результатов предварительного следствия в электронном виде осуществляется в модуле е-УД путем: 1) заполнения необходимых сведений и реквизитов электронных форм в ИС ЕРДР; 2) создания электронных документов по имеющимся шаблонам, которые подписываются участниками уголовного судопроизводства при помощи ЭЦП или специального планшета; 3) отправки SMC-оповещений для уведомления или вызова участников; 4) электронного взаимодействия с судом для обеспечения материалов по прохождению уголовного дела; 5) электронного взаимодействия процесса модуля «Публичный сектор» для доступа к материалам электронного уголовного дела (жалобы, ходатайства, преступления) для получения результатов их рассмотрения.

Ведение электронного расследования уголовных дел требует определенных изменений в уголовно-процессуальном законодательстве.

Так, никакая цифровизация не будет возможной, если законодатель не признает информацию доказательством, а не формально определенным документом и не приравнивает файл к протоколу. Современные технологии гораздо лучше способны обеспечить аутентичность и неизменность информации, нежели многочисленные подписи, подписи под архивными протоколами. Применение новых технологий фиксации доказательственной информации требует выработки новых технических процессуальных средств по обеспечению допустимости таких доказательств.

В заключение проведенного исследования, хотелось бы отметить, что технологии электронного расследования уголовных дел потребуют внесения в УПК РФ и других изменений, необходимых для обеспечения предварительного расследования в электронном формате. Для этого потребуется участие ведущих процессуалистов и криминалистов, опирающихся на глубокие теоретические знания теории и практический опыт следственной работы.

Список использованной литературы

1. *Россинская Е.Р.* Проблемы современной криминалистики и направления ее развития // Эксперт-криминалист. 2013. № 1.
2. *Романов В.И.* Криминалистическая техника и потребности следственной практики // Российский следователь. 2015. № 2. С. 13–15.
3. *Романов В.И., Шалимов А.Н.* Развитие и становление криминалистики как науки в свете информационных технологий // Применение информационных технологий и проблемы цифровизации права: матер. XIV Межд. науч.-практ. конф. «Державинские чтения». Казань: Каз. ун-т, 2019. С. 264–266.
4. Искусственный интеллект (ИИ). Artificial intelligence (AI). Продукт. URL: <http://www.tadviser1.ru/index.php1>.
5. *Задорожная В.А.* Производство по уголовному делу в электронном формате по законодательству Республики Казахстан // Правопорядок история, теория, практика. 2018. № 4. С. 70–75.

Информация об авторах

Романова Галина Валерьевна – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики. Казанский филиал института Вгую РПА Минюста России Казанский институт (филиал)

Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (420126, г. Казань, ул. Амирхана, 12А, e-mail: GGG341@yandex.ru)

Романов Валерий Иванович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики. Казанский (Приволжский) федеральный университет (420008, г. Казань, ул. Кремлевская, 18, e-mail: GGG341@yandex.ru)

УДК 343.85

ББК 67.515

Я.П. Ряполова,
кандидат юридических наук
Юго-Западный государственный университет

ПРОИЗВОДСТВО СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ДО ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА: ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ

В статье исследуются актуальные проблемы назначения и производства судебных экспертиз в стадии возбуждения уголовного дела, делается вывод о том, что отдельные нормативные комплексы, регламентирующие порядок проведения судебной экспертизы в досудебном производстве, не адаптированы к правоотношениям, складывающимся на этапе проверки сообщения о преступлении.

Ключевые слова: возбуждение уголовного дела; судебная экспертиза; основание для возбуждения уголовного дела; проверка сообщения о преступлении.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-78-00088).

Производство судебной экспертизы на стадии возбуждения уголовного дела – вопрос с непростой историей законодательного регулирования. И если с момента закрепления УПК РФ о возможности назначения судебной экспертизы упоминалось вскользь (в скобках) в ст. 146 УПК РФ, что вызывало резкую и обоснованную критику в кругах ученых и практиков, то совсем скоро и эта формулировка была исключена из текста спорной статьи, и проведение данного следственного действия долгое время считалось недопустимым на первоначальной стадии процесса. Введенная Федеральным законом от 9 марта 2010 г. №19-ФЗ [1] возможность обращения к альтернативной форме

использования специальных знаний – требованию производства исследований предметов, документов и трупов – оказалась недостаточной мерой. Федеральным законом от 4 марта 2013 года №23-ФЗ [2] (то есть только через почти 11 лет после начала действия нового УПК РФ), положение о производстве полноценных экспертных исследований и возможности получения заключения эксперта в разумный срок на этапе доследственной проверки было введено в текст седьмого раздела УПК РФ.

Казалось бы, устоявшаяся редакция рассматриваемого правила в рамках ст.144 УПК РФ должна способствовать тому, чтобы на практике судебные экспертизы стали востребованным и эффективным проверочным мероприятием на этапе возбуждения уголовного дела. Вместе с тем, отдельные исследователи заявляют о том, что на начальном этапе досудебного производства потенциал экспертного сопровождения не раскрывается в полной мере и существуют объективные причины, препятствующие широкому применению данного вида следственных действий в рассматриваемой стадии [3, с. 126].

Анализ научных воззрений на проблему проведения судебных экспертиз на этапе рассмотрения сообщений о преступлении [4, с. 28; 5, с. 1463] позволил выявить ключевые недостатки законодательного регулирования данного института, его «болевые точки». Очевидно, ряд положений УПК РФ затруднительно использовать в рассматриваемой стадии уголовного судопроизводства: сопоставление редакций ч.1 ст. 144 УПК РФ и смежных статей ст. 57, 80, ч. 2 ст. 159, 195, ч. 1 ст. 198 УПК РФ и т.п. показывает, что последние неадаптированы к задачам стадии и содержанию правоотношений, возникающих на данном этапе. В частности, на законодательном уровне не урегулированы вопросы относительно:

1) процессуальной возможности для лиц, заинтересованных в производстве экспертизы (заявитель, пострадавший, лицо, в отношении которого инициирована проверка и т.д.), пользоваться правами, предусмотренными ч.1 ст. 198 УПК РФ. Часть 1.1. ст. 144 УПК РФ, закрепившая минимальный объем необходимых прав участников проверки, также обошла стороной этот вопрос;

2) процедуры ознакомления заинтересованных лиц с постановлением о назначении судебной экспертизы на этапе проверки сообщения о преступлении, в то время как общее предписание ч. 3 ст. 195 УПК РФ вменяет в обязанность следователю в обязательном порядке ознакомить с постановлением о назначении судебной экспертизы закрытый перечень участников, которых в стадии возбуждения уголовного дела еще нет, а именно: подозреваемого, обвиняемого, его защитника, потерпевшего, его представителя;

3) необходимости получения письменного согласия пострадавшего, опрашиваемого, иных заинтересованных лиц и их законных представителей на производство в отношении них судебной экспертизы до возбуждения уголовного дела (по диспозиции ч. 4 ст. 195 УПК РФ);

4) длительности проводимой судебной экспертизы. С одной стороны, если закреплена возможность получения заключения эксперта в разумный срок, логично предположить, что такой срок ограничивается конечным его моментом – до вынесения постановления о возбуждении уголовного дела. Однако, несмотря на то, что процессуальный закон не устанавливает никаких сроков производства судебных экспертиз, в ведомственных инструкциях содержится указание на «срок, не превышающий пятнадцати суток, в порядке очередности поступления материалов» [6] с возможностью его продления по предусмотренным основаниям. При этом истечение сроков проверки, равно как и предварительного расследования, не является для эксперта основанием преждевременного прекращения производства начатых судебных экспертиз. Как верно замечает С.А. Грачев, в стадии возбуждения уголовного дела продление срока проверки сверх предельного 30-суточного срока в связи с незаконностью экспертного исследования также недопустимо [7, с. 12]. Открытым остается вопрос, почему правило о представлении заключения эксперта в разумный срок не распространяется на аналогичные правоотношения на последующих стадиях процесса и как соотносится это положение с категорией разумного срока по смыслу ст. 6.1 УПК РФ? [5, с. 1463];

5) адаптации существующего правила об обязательном назначении судебной экспертизы (ст. 196 УПК РФ) в целях оперативного решения задач стадии. Произвольно распространять данное правило на этап доследственной проверки, конечно, неправильно. На этом основана позиция Генеральной прокуратуры, в частности, относительно производств судебно-психиатрических экспертиз: «статья 196 УПК РФ не содержит положений, позволяющих распространить ее требования на лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство при проверке сообщения о преступлении и не имеющих процессуального положения обвиняемого (подозреваемого) и потерпевшего» [8]. Верно замечено, что по своему характеру и содержанию судебно-психиатрические экспертные выводы не могут служить средством установления данных, указывающих на признаки преступления (ч. 2 ст. 140 УПК), следовательно, эти выводы не имеют отношения к вопросам, решаемым на стадии возбуждения уголовного дела [9, с. 38]. В этой стадии невозможна реализация всех процессуальных прав, а также невозможно качественно собрать необходимые для проведения экспертизы материалы [10, с. 55]. С другой стороны, практика обязательного назначения судебно-медицинских экспертиз для определения тяжести вреда здоровью человека, причин смерти давно себя зарекомендовала, напротив, неназначение (несвоевременное назначение) экспертиз такого рода при проведении проверок по фактам причинения смерти, вреда здоровью оценивается как брак в работе [11, с. 37].

Также обоснованные претензии вызывает законодательное установление, содержащееся в ч.1.2 ст. 144 УПК РФ об обязательном удовлетворении ходатайства о производстве дополнительной либо повторной судебной экспертизы, заявленной стороной защиты или потерпевшим после возбуждения уголовного дела. Как отмечают процессуалисты, ч.1.2. ст. 144 УПК РФ является еще одной возможностью затягивать процессуальные сроки, одной из причин столь нераспространенной практики назначения и производства судебной экспертизы до возбуждения уголовного дела [7, с.11; 12]. Негативная оценка спорного положения ч.1.2 ст. 144 УПК РФ обусловлена фактическим

устранением дискреции следователя не только в разрешении заявленного стороной ходатайства, но и в отношении выбора самого вида экспертизы (повторная или дополнительная в зависимости от того, что будет указано в соответствующем ходатайстве). Вместе с тем, введение данного положения Федеральным законом от 4 марта 2013 г. №23-ФЗ было обусловлено стремлением, в первую очередь, соблюсти права участников процесса, связанные с назначением и производством экспертизы, так как до возбуждения уголовного дела еще отсутствуют (могут быть не установлены вовсе) процессуальные фигуры подозреваемого, обвиняемого и потерпевшего, и участники процесса, перечисленные в ч. 1 ст. 198 УПК РФ, не имеют возможности представить свои вопросы экспертам, заявить им отвод и пр. Как указывается в п. 15 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» [13], суд вправе назначить повторную экспертизу, если установит факты нарушения процессуальных прав участников судебного разбирательства при назначении и производстве судебной экспертизы, которые повлияли или могли повлиять на содержание выводов эксперта. В свое время в Пояснительной записке к законопроекту №33012-6 о дополнении УПК РФ спорной нормой речь шла об обязательном проведении только повторной экспертизы по ходатайству одной из сторон, то есть назначенную по тому же предмету, с теми же вопросами, порученную либо другому составу экспертов, либо тем же экспертам, но с реализацией требований ст. 198 УПК РФ [14]. Редактирование критикуемой нормы может иметь избирательный характер: необходимо ввести указание на реализацию данного права потерпевшим или стороной защиты лишь в отношении повторной экспертизы, закрепить определенные сроки для заявления соответствующего ходатайства заинтересованной стороной, исключить из этого правила случаи, когда повторная экспертиза невозможна ввиду разрушения и видоизменения объекта, что бывает в случаях, когда объектом экспертизы были скоропортящиеся или летучие вещества, объекты биологической природы.

Таким образом, современные возможности правоприменителей в организации экспертного сопровождения этапа доследственной проверки несколько ограничены рамками формального подхода вследствие выявленных недостатков и системных противоречий в текущей регламентации порядка назначения и производства судебной экспертизы в начальной стадии уголовного судопроизводства.

Список использованной литературы

1. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон РФ от 9 марта 2010 г. № 19-ФЗ // Российская газета. 2010. 12 марта.
2. О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон РФ от 4 марта 2013 года № 23-ФЗ // Российская газета. 2013. 6 марта.
3. *Сидоренко О.В.* Доказывание на стадии возбуждения уголовного дела и участие в нем сотрудников органов внутренних дел: дис... канд. юрид. наук Волгоград. 2018. 245 с.
4. *Есина А.С., Жамкова О.Е., Борбат А.В.* Проблемные вопросы назначения судебных экспертиз в ходе досудебного производства // Российский следователь. 2017. № 21. С. 27–30.
5. *Паночкин А.М.* Порядок рассмотрения сообщения о преступлении в уголовном процессе // Актуальные проблемы российского права. 2013. №11. С. 1461–1465.
6. Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации: Приказ МВД России от 29 июня 2005 г. №511 (ред. от 27 июля 2019 г.) // Российская газета. 2005. 30 августа.
7. *Грачев С.А.* Реально ли в настоящее время производство экспертизы до возбуждения уголовного дела? // Эксперт-криминалист. 2014. № 3. С. 10–13.
8. Об усилении прокурорского надзора за исполнением требований законов при назначении и производстве судебно-психиатрической экспертизы: указание Генпрокуратуры России от 1 февр. 2016 г. № 67/36 (ред. от 20 мая 2019 г.) // Законность. 2016. № 4.
9. *Шишков С.Н.* Возможно ли производство судебно-психиатрической экспертизы в стадии возбуждения уголовного дела? // Законность. 2013. № 10. С. 37–42.
10. *Анешева А.Т., Левченко Д.В.* Судебно-психиатрическая экспертиза состояния подозреваемого, обвиняемого, когда есть основания полагать, что он болен наркоманией // Законность. 2018. № 2. С. 53–55.

11. *Бажутов С.А., Бажутов К.С.* Вопросы соотношения судебной экспертизы и исследования трупа при проверке сообщения о преступлении // Законность. 2015. № 6. С. 36–39.

12. *Тарасов А.А.* Эксперт и специалист в уголовном процессе России: монография. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Проспект, 2017. 128 с.

13. О судебной экспертизе по уголовным делам: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 дек. 2010 г. № 28 // Российская газета. 2010. 30 декабря.

14. О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: пояснительная записка к проекту Федерального закона №33012-6. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/33012-6>.

Информация об авторе

Ряполова Ярослава Петровна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики. Юго-Западный государственный университет (305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94, e-mail: yaroslava@mail.ru)

УДК 343.98

ББК 67.52

О.В. Трубкина,
*кандидат юридических наук, доцент
Иркутский институт (филиал)
Всероссийского государственного
университета юстиции
(РПА Минюста России)*

НЕГАТИВНЫЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА: ОСОБЕННОСТИ ВЫЯВЛЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ ПРОИЗВОДСТВА СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

В работе на основе анализа литературных источников и материалов практики деятельности органов внутренних дел характеризуется сущность и роль негативных обстоятельств в выявлении инсценировки, определяются некоторые особенности их обнаружения в процессе производства следственных действий.

Ключевые слова: негативные обстоятельства; инсценировка; способ; преступник; материальные следы; идеальные следы.

Успешное расследование преступлений представляет собой сложный и трудоемкий процесс, требующий приложения значительных усилий, эффективность которого определяется как профессионализмом следователя, так

и активностью его стремления обеспечить полноту и достоверность необходимых доказательств.

Произошедшее ранее событие, в том числе и преступное, познается, согласно традиционным криминалистическим положениям, посредством ретроспективного анализа выявляемых следов, отразившихся как в обстановке, предметах и документах, так и в сознании лиц, обладающих информацией о его сущности. И особую сложность такой анализ представляет при активном противодействии преступников расследованию, в том числе, осуществлении ими инсценировки, как особо изощренном элементе сокрытия преступления, представляющем собой действия, направленные на создание той обстановки, которая, по мнению преступников, должна отразить инсценируемое деяние в сознании воспринимающих его лиц и убедить их в действительности события.

Достаточно часто такая форма преступного противодействия является действенной и расследование уголовного дела происходит по сценарию, разработанному преступником и реализованному посредством привнесения следов, отражающих инсценированное деяние, что, соответственно, не позволяет установить виновное в совершении преступления лицо.

Основную роль в выявлении признаков инсценировки и последующем нахождении истины играют негативные обстоятельства, своевременное обнаружение которых в совокупности с их умелой оценкой, анализом и определением уровня соотношения с иными обстоятельствами события, предопределяет успех расследования.

Так, при малейшем подозрении в ложности доноса, с самого начала работы по проверке полученной о событии преступления информации и анализу имеющихся в его распоряжении следов, еще на этапе возбуждения уголовного дела, следователь должен стремиться к моделированию произошедшего на самом деле события, не взирая на явные признаки деяния, и рассматривая их демонстративность и множественность как подозрительные, настораживающие и заставляющие относиться к ним более внимательно и критично. «...63 % случаев инсценировки изнасилования выявляются в результате производства

осмотра места происшествия, т.е. помещения или участка местности, где, по словам «потерпевшей», ее изнасиловали [1, с.117]».

В первую очередь успех выявления негативных обстоятельств определяется полнотой знаний следователя о закономерностях возникновения типичных для события следов и верной оценкой механизма их образования. Кроме того, немаловажную роль играет психологическая установка следователя, направленная на достижение эффективности расследования, его решительность и целеустремленность. Как верно указывает И.М. Егеров, «...позитивное влияние психологической установки заключается в том, что она стабилизирует поисково-познавательную деятельность, помогая в преодолении всевозможных побочных отрицательных воздействий окружающей обстановки [2, с.39]».

Негативные обстоятельства могут присутствовать при расследовании различных категорий уголовных дел, наиболее явными и множественными их традиционно представляют в случаях инсценирования либо, иными словами, симуляции, насильственных либо корыстно-насильственных преступлений, в виде обстоятельств, которые должны наличествовать в случае достоверности выдвинутой версии, но отсутствуют, либо наоборот, должны отсутствовать в обстановке места происшествия, но выявлены.

В этой связи представляет интерес исследование Л.Н. Посельской, представляющей в качестве негативных обстоятельств, типичных для противодействия при совершении преступлений в сфере экономики, такие, как «неоднократные финансово-банковские операции с одними и теми же счетами и суммами в определенный промежуток времени,приобретение акций сверх официально объявленных доходов, объемы необоснованных расходов, когда издержки не соответствуют имущественному положению должника и повлекли увеличение уже имеющейся неплатежеспособности; заключение мнимых или притворных сделок с целью сокрытия истинных намерений [3, с.231]».

Выявление негативных обстоятельств, их характеристика и механизм образования с большой вероятностью позволяют не только предполагать, но и делать достаточно уверенные выводы о сущности как действительно

произошедшего события, так и о личностных особенностях виновных, привнесших их в обстановку, мотивах, роли каждого преступника в случае совершения преступления группой лиц.

Таким образом, негативные обстоятельства возможно и необходимо выявлять в процессе производства абсолютно различных следственных действий, таких, как традиционно наиболее демонстрирующий их осмотр места происшествия, обыск, следственный эксперимент, проверка показаний на месте, осмотр предметов и документов, а своевременность и полнота их устранения обеспечивают всесторонность исследования признаков преступления, эффективность расследования.

Список использованной литературы

1. *Трубкина О.В.* Некоторые особенности тактики осмотра места происшествия при выявлении инсценировки изнасилования // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2017. № 3. С. 115–120.
2. *Егоров И.М.* Значение психологической установки в следственной деятельности // Пролог: журнал о праве. 2019. № 2. С. 37–42.
3. *Посельская Л.Н.* Криминалистическое обеспечение выявления негативных обстоятельств при расследовании преступлений в сфере экономики // Право и государство: теория и практика. 2019. № 11. С. 230–232.

Информация об авторе

Трубкина Ольга Викторовна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики. Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (664011, г. Иркутск, ул. Некрасова, 4, e-mail: 1234q@mail.ru)

Н.А. Шишкина,
доктор юридических наук, профессор
Иркутский государственный университет

Е.В. Горбачева,
кандидат юридических наук, доцент
Иркутский государственный университет

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ПРОЦЕССЕ РАССЛЕДОВАНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ

Рассматриваются отдельные вопросы правового регулирования прав несовершеннолетних в уголовном процессе. Делается вывод о недостаточном законодательном регулировании специализации расследования дел о преступлениях несовершеннолетних, защите прав несовершеннолетних обвиняемых и потерпевших. Вносятся предложения по оптимизации уголовно-процессуального законодательства.

Ключевые слова: специализация расследования; несовершеннолетний обвиняемый; несовершеннолетний потерпевший, законный представитель.

Прошло более 60-ти лет с тех пор, как в законодательстве России было введено производство по делам о преступлениях несовершеннолетних. С точки зрения развития процессуального законодательства оно имело поистине революционное значение, так как послужило поводом переосмысления проблемы привлечения несовершеннолетних к уголовной ответственности, поскольку до этого момента внимание было сосредоточено на материально-правовых аспектах уголовной ответственности несовершеннолетних. Вместе с тем, следует отметить, что более чем за полвека своего существования процессуальное законодательство, регулирующее производство по делам несовершеннолетних, мало чем изменилось и по ряду вопросов не соответствует международным стандартам, в частности Пекинским правилам [1].

На основании положений Пекинских правил [1], а также ст. 52 ЭР-Риядских руководящих принципов [2] можно сделать вывод о том, что в основе специализации привлечения несовершеннолетних к уголовной ответственности должна лежать дифференциация процессуальной формы производства по делам

несовершеннолетних. Если рассматривать досудебное производство с точки зрения защиты прав и интересов несовершеннолетних обвиняемых и подозреваемых, то существенное значение имеют: 1) правила подследственности, отражающие специализацию расследования; 2) гарантии обеспечения прав несовершеннолетних при применении процессуального принуждения; 3) защита прав и интересов несовершеннолетнего при производстве следственных действий и во время окончания предварительного расследования, в том числе при решении вопроса о прекращении уголовного преследования.

Одно из базовых положений предварительного расследования по делам несовершеннолетних – специализация. В данном случае речь идет не о какой-то специальной системе судопроизводства или подследственности, а специализации должностных лиц, расследующих преступления несовершеннолетних. Особенно это касается органов дознания.

Когда в 2002г. было введено расследование преступлений несовершеннолетних в форме дознания, это нововведение вызвало целый ряд критических высказываний в процессуальной литературе. Полагаем, что расследование в форме дознания имеет целый ряд преимуществ: более сжатые сроки расследования, возможность участия защитника с момента возбуждения уголовного дела, упрощенную процедуру, более тесную связь с Инспекцией по делам несовершеннолетних, эффективный прокурорский надзор. Согласно п.12 Пекинских правил для выполнения своих функций наилучшим образом служащие полиции, которые часто и исключительно занимаются несовершеннолетними или которые главным образом занимаются предупреждением преступности несовершеннолетних, должны пройти *специальный инструктаж и подготовку*. Для этих целей в крупных городах должны быть созданы *специальные подразделения* полиции [1]. Сказанное свидетельствует о необходимости введения специальной должности дознавателя (следователя) по делам несовершеннолетних и обеспечения указанной

специализации за счет их дополнительной подготовки в области возрастной психологии, педагогики, правового регулирования прав несовершеннолетних.

Неоднозначно решен вопрос об участии законных представителей несовершеннолетних в производстве расследования уголовных дел [3]. Согласно п.3 ч.2 ст. 426 УПК РФ законный представитель вправе участвовать в допросе несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, а также с разрешения следователя – в иных следственных действиях. Ограничение в допуске законного представителя предусмотрено только в отношении законного представителя свидетеля (потерпевшего), да и то – это не ограничение, а замена одного законного представителя на другого (ч. 3 ст. 193 УПК). Таким образом, не следователь, а законный представитель решает вопрос о целесообразности его участия в производстве допроса.

На первый взгляд такое положение служит дополнительной гарантией неприменения к несовершеннолетнему незаконных методов допроса, но на самом деле участие законного представителя препятствует установлению психологического контакта с несовершеннолетним и не побуждает последнего на дачу правдивых показаний. Несовершеннолетнему сложно в присутствии родителей давать показания, свидетельствующие о его собственном преступном поведении, он скорее даст ложные показания или промолчит, даже осознавая, что подобная линия поведения может ему навредить.

Полагаем, что следователь, а не сам законный представитель должен решать вопрос о целесообразности его участия в допросе несовершеннолетнего, а для защиты интересов несовершеннолетнего в производстве допроса участвуют защитник, психолог (педагог).

Сосредоточив внимание на несовершеннолетних обвиняемых, мы иногда забываем, что несовершеннолетние потерпевшие также нуждаются в особой защите. Любое преступление насильственного или корыстно-насильственного характера (не только против личности или половой неприкосновенности) может нанести ущерб дальнейшему психического развитию личности несовершеннолетнего потерпевшего.

Сказанное свидетельствует о необходимости разрешения на законодательном уровне предложения об обязательной судебно-психологической экспертизе в отношении несовершеннолетних потерпевших по делам о преступлениях, при совершении которых к потерпевшим применялось физическое или психическое насилие. Судебно-психологическая экспертиза поможет установить реальный размер морального вреда, а также определить возможные пути реабилитации личностного развития несовершеннолетнего потерпевшего.

В заключение следует отметить, что несмотря на наличие оснований для дифференциации процесса, в современном уголовном процессе России самостоятельной процессуальной формы производства по делам несовершеннолетних не существует. Совокупность некоторых процессуальных особенностей по делам несовершеннолетних не создает качественно нового режима производства по этим делам.

Список использованной литературы

1. Минимальные стандартные правила Организации Объединенных наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних: приняты резолюцией 40/33 Генеральной Ассамблеи от 29 ноября 1985 г.
2. Руководящие принципы ООН по предупреждению преступности среди несовершеннолетних: приняты и провозглашены резолюцией 45/112 Генеральной Ассамблеи от 1 декабря 1990 г.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 дек. 2001 г. №174-ФЗ (ред. от 27 окт. 2020 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. №52 (часть I). Ст. 4921.

Информация об авторах

Шишкина Наталья Эдуардовна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного права и теории права. Юридический институт Иркутского государственного университета (664082, г. Иркутск, ул. Улан-Баторская, 10, e-mail: shishkina1957@rambler.ru)

Горбачева Елена Васильевна – кандидат юридических наук, доцент, кафедра судебного права, Юридический институт Иркутского государственного университета (664082, г. Иркутск, ул. Улан-Баторская, 10, e-mail: 682284@gmail.com)

Научное издание

**ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН**

ТОМ 2

Материалы IX Международной научно-практической конференции

г. Иркутск, 16 октября 2020 г.

Сдано в набор 10.12.2020
Подписано в печать 20.12.2020
Формат 90х64
Усл. печ. л. 15,4
Тираж 100 экз.
Заказ № 30802-5

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Всероссийский государственный университет
юстиции (РПА Минюста России)»
117638, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1.
Иркутский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России)
664011, г. Иркутск, ул. Некрасова, д. 4.